"Мессершмитты" над Сицилией.

За линией фронта. Мемуары - 1

Йоханнес Штейнхоф

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Йоханнес Штейнхоф, знаменитый немецкий летчик-истребитель, рассказывает об операции «Хаски», когда британские и американские военно-воздушные силы непрерывно бомбили немецкие и итальянские аэродромы на Сицилии. Под давлением превосходящих сил союзников потери люфтваффе приобрели невосполнимый характер. Для опытных пилотов, ветеранов боев в Западной Европе и России, смерть была почти неизбежной, еще меньше шансов выжить оставалось у молодых летчиков, но приказа об отступлении не поступало. Штейнхоф в своих воспоминаниях передает весь трагизм сложившейся ситуации, когда не понимающий происходящего Геринг обвинял в трусости прославленных асов и угрожал им трибуналом. Презирая его за некомпетентность, они по-прежнему шли на верную гибель.

- Штейнхоф Йоханнес
  - Введение
  - Трапани, 21 июня 1943 г
  -
  - Трапани, 25 июня 1943 г
  - Трапани, 27 июня 1943 г.
  - Джербини/Трапани, 5 июля 1943 г.
  - Трапани, 10 июля 1943 г.
  - Трапани, 11 июля 1943 г.
  - Трапани/Джербини, 12 июля 1943 г.
  - 13 июля 1943 г.
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59

- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103

- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133

Штейнхоф Йоханнес
«Мессершмитты» над Сицилией

Введение

Йоханнес Штейнхоф был летчиком-истребителем с самого начала Второй мировой войны до ее последнего месяца, когда в результате аварии своего «Ме-262» получил ужасные ожоги лица. В качестве летчика-истребителя люфтваффе он служил и в спокойные дни побед над Францией, участвовал в Битве за Англию, в Русских кампаниях 1941-го, 1942-го и начала 1943 г., в боях над Северной Африкой и Сицилией, в небе над рейхом, прикрывал немецкие войска в Венгрии. В отличие от большинства написавших воспоминания о своем военном опыте Штейнхоф для того, чтобы описать войну, выбрал лишь два конкретных эпизода: воздушную оборону Сицилии в июне — июле 1943 г. и последнюю безрезультатную попытку пилотов люфтваффе в начале 1945 г. удалить Германа Геринга с поста главнокомандующего (книга «Последние часы»).

Штейнхоф рассказывает о месяцах, когда война в воздухе бесповоротно складывалась не в пользу люфтваффе. Под давлением превосходящей технической и производственной мощи союзников потери люфтваффе, и так все возраставшие, окончательно вышли из-под контроля. Штейнхоф пишет: «Теперь не было ничего, что бы напоминало лихого, элегантного летчика-истребителя с его желтым шарфом и щегольской униформой. Наш внешний вид точно отражал состояние, в котором мы находились: мятые, грязные, запятнанные маслом брюки; древние, сальные спасательные жилеты и небритые лица… И лишения поражения, лишения грязи и позора, разъедающие мораль, вредящие боевому духу и служащие лишь тому, чтобы порождать новые поражения… Война в воздухе — война технологий, которая не может быть выиграна технически слабой стороной, несмотря на ее высокую мораль и бесстрашные действия. Это был момент, который наши фельдмаршалы не сумели понять, и это также стало причиной того, почему рейхсмаршал мог оперировать лишь только категориями храбрости или трусости».

Штейнхоф прибыл на Средиземноморье в марте 1943 г.[1], вскоре после катастрофы, постигшей немецкую 6-ю армию под Сталинградом. Его представление на новом театре боевых действий прошло на ежедневном совещании, проводимом на Тунисском фронте генерал-фельдмаршалом Альбертом Кессельрингом[2]. Всегда оптимист и вдохновенный лидер,

удачно повторявший слова своего фюрера, Кессельринг сообщил Штейнхофу, что тот должен у летчиков-истребителей, находившихся теперь под его командованием в Северной Африке, «заново воссоздать тот агрессивный дух, который вдохновлял каждого в ходе наступления на Эль-Аламейн». Первая же встреча Штейнхофа со своими новыми подчиненными, далекими от пресыщенных героической атмосферой рассуждений Кессельринга, вернула его к действительности: «Мне стало стыдно за громкие слова, которые я подготовил и которые, несомненно, отвечали требованиям генерал-фельдмаршала, и просто сказал, что горжусь возможностью возглавить эскадру и что наша работа в том, чтобы летать и уничтожать вражеские самолеты. Спасибо, господа».

Но это также была и работа противника, которого в воздухе было гораздо больше, чем на земле. Получая удар за ударом, немцы должны были оставить и землю. Из Туниса смогла спастись часть люфтваффе (немногие механики в ходе последних отчаянных вылетов были вывезены на Сицилию в фюзеляжах «Bf-109»). И на Сицилии все началось снова. Там были новые самолеты и даже некоторое число новых летчиков. И всюду враг. Британские и американские военно-воздушные силы постоянно и неуклонно блокировали немецкие и итальянские аэродромы. Днем и ночью, с больших и малых высот они разрывали немецкую наземную инфраструктуру на части. Их истребители господствовали в воздухе, безжалостно выбивая люфтваффе. Молодых летчиков-истребителей немедленно сбивали, их почти всегда ждала смерть. Если враг не сбивал их, то неопытность новичков гарантировала, что они закончат карьеру в огненном шаре ужаса и боли на неприспособленных и в чрезвычайной спешке подготовленных аэродромах, с которых налеты союзников заставили действовать люфтваффе.

Для старших, более опытных пилотов — ветеранов боев над Францией, Битвы за Англию, в России или на Средиземноморье — действительность была такой же. Их смерть была не столь немедленной, но все равно неизбежной. Дилетантское руководство Геринга усугубляло и без того тяжелую ситуацию. Полностью утратив связь с настоящим временем и его техническими императивами, он пытался влиять на летчиков-истребителей, оскорбляя их. Он угрожал им трибуналом и обвинял в трусости, когда они не смогли остановить «Летающие крепости». Они отвечали ему презрением и, как и раньше, продолжали неравную борьбу. Опытные летчики какое-то время выживали, но закон средних чисел неизбежно настигал и их.

Измотанных физически и истощенных нравственно, их ждала смерть. Это рассказ о поражении германских военно-воздушных сил, столь же горьком, как вкус опасности во рту Штейнхофа, когда он участвовал в бою. В течение еще почти двух лет Кессельринг и его фюрер двигали флажки и значки на карте Европы. Но крах и уничтожение люфтваффе, Третьего рейха и немецкой нации были уже неизбежны. Для людей, подобных Штейнхофу, поражение уже было очевидно.

Уильямсон Мюррей

В середине января 1943 г. на конференции в Касабланке премьер-министр и президент Рузвельт решили… что остров Сицилия должен быть атакован и захвачен, как основа для действий в Южной Европе и поскольку это откроет Средиземноморье для плавания Соединенных Наций… Операции должно быть дано кодовое наименование «Хаски».

Фельдмаршал сэр Гарольд Александер. Капитуляция Сицилии

[Хотя высадка на Сицилии началась 10 июля]… Операция «Хаски» фактически началась 13 мая, когда завершилась Тунисская кампания… Как только силы оси в Тунисе капитулировали, военно-воздушные силы в Северной Африке смогли полностью сосредоточиться на смягчении обороны Сицилии…

Самюэль Моррисон. Сицилия — Палермо — Анцио. История военно-морских операций США во Второй мировой войне

Союзным военно-воздушным силам, оцененным в 5000 самолетов первой линии, противостояли не более 1250 самолетов оси, из которых грубо половина была немецкими и половина итальянскими. Из числа немецких самолетов только 320 были пригодны для действий, и среди них 130 истребителей «мессершмитт» всех модификаций.

Франц Куровски. Ворота в крепость Европа

Во время перевода из Северной Африки на материк через Сицилию эскадра (1-я и 2-я группы) прибыла на Сицилию и 20 июня 1943 г. доложила об оперативной готовности.

Журнал боевых действий 77-й истребительной эскадры люфтваффе

Трапани, 21 июня 1943 г

Мы ехали на автомобиле по узким улицам в направлении гавани. Машина подпрыгивала на ухабах, наполняя воздух шумом мотора. Пыльный шлейф позади нас вздымался до крыш. На всем — мостовой, стенах домов, дверях и ставнях — лежал тонкий слой белой пыли. Здесь и там в фасадах домов зияли дыры, проделанные бомбами.

Вокруг ни души. Это было время дневного налета, и жители предусмотрительно покинули город Трапани.

Мы свернули вниз на аллею, достаточно широкую, чтобы проехал автомобиль, и почти сразу же оказались на солнцепеке около причала. Справа от нас простиралась полукруглая бухта, окруженная белыми домами с выбитыми стеклами окон. Лишь в одном доме была открыта дверь, и безвкусные противомоскитные занавески неподвижно висели в проеме. Два человека в изодранных черных костюмах и сдвинутых на затылок кепках сидели на корточках в тени у стены, очищая в луженом ведре мидий. Они не обратили на нас ни малейшего внимания.

Мы вышли из машины. Штраден взял автомат на изготовку, и мы зашагали по мягкому песку к кромке воды.

Небольшой порт походил на подкову. На западе мы могли видеть Средиземное море, его свинцовая поверхность, неподвижная под ярким полуденным солнцем, незаметно сливалась с ослепительным небом.

Слева от нас, около причала, стояли два ржавых брошенных лихтера. На застойной поверхности воды маленькой и мелкой гавани плавали нефтяные пятна. Гниющая древесина заросла морскими водорослями и мидиями.

— Это не может быть далеко, — сказал я, указывая направление. — Я видел вчера с воздуха. Там есть белый песчаный пляж.

Возвращаясь к стенке причала, мы шли мимо домов и через запущенный сад. Через некоторое время мы снова были около моря.

Воздух несколько посвежел, дул теплый легкий ветер. Песчаный пляж тянулся на север, насколько мог видеть глаз. В противоположной стороне лежал Трапани, его белые дома сверкали в солнечном свете, а на востоке в синей дымке высилась гора Эриче. Не было слышно ни звука. Мы разделись и легли на белый песок.

— Как мертво и пусто все это кажется сейчас, — произнес Штраден. — Когда мы, оставив Северную Африку, прибыли на Сицилию, было уже очевидно, что это конец, хотя мы и не хотели этого тогда признать.

Я пропустил сквозь пальцы струйку песка и заметил:

— Прекрасное место, чтобы проиграть битву! Сицилия вся в скалах, негде укрыться.

— Они покончат с нами здесь, — мрачно сказал Штраден.

— Но последние шесть недель позволили нам передохнуть, вы должны признать это.

— Да, — согласился Штраден, — по сравнению с двумя последними месяцами в Северной Африке это был санаторий.

— Пойдемте в воду. Нам лучше искупаться, если мы не хотим обгореть.

Вода была теплой, но пришлось пройти сотню метров, чтобы она дошла хотя бы до бедер. Тогда мы начали плавать.

Внезапно и без всякой видимой причины меня охватило тревожное предчувствие, побудив повернуть обратно и быстро добраться до суши. Я побежал обратно к дюнам и бросился на песок. Вскоре рядом за мной, переводя дыхание, упал и Штраден. В этот же момент мы услышали сигнал воздушной тревоги — три выстрела зенитного орудия. Высоко в небе над городом плыли три бледно-желтых облака разрывов зенитных снарядов.

— Они уже на подходе, — сказал Штраден.

Пока мы торопливо одевались, послышался звук двигателей, нарастая и опускаясь на землю.

«Митчеллы» или «мародеры»[3]. Интересно, появятся ли они над нашим аэродромом? Мы уже собирались вернуться, когда зазвучали унылые, глухие разрывы. Вдали, в стороне горы Эриче, в воздух поднялись грязно-коричневые облака пыли. Когда мы добрались до автомобиля, гавань, как и прежде, была пуста и безжизненна. Все двери теперь были закрыты. Даже мужчины с мидиями исчезли. Мы не видели никого, пока мчались на машине по улицам, шумел лишь наш двигатель.

Штраден припарковал машину перед бараком 2-й истребительной авиагруппы. Гауптман Фрейтаг[4], командир, поднялся со ступенек, когда мы прибыли.

— Приблизительно шестьдесят «митчеллов», — сообщил он. — Я еще не знаю, какой ущерб они причинили. Кажется, это на стороне 1-й группы. Телефонная линия повреждена.

Несколько летчиков, укрывавшихся в щели[5] в тени оливковых деревьев, вылезли наружу. На их спасательных жилетах и коленях все еще была земляная пыль.

Фрейтаг выглядел измученным, переутомленным, на покрытый потом лоб падали всклоченные волосы. Как и на его пилотах, на нем был желтый спасательный жилет, который охватывал верхнюю часть туловища и опоясывал бедра. Для надежности к нему был пристегнут маленький мешочек с желтой краской[6].

На ремнях вокруг икр были закреплены сигнальные патроны «Вери»[7]. На ногах он носил сандалии. На рубашке цвета хаки, на спине и под мышками, темнели пятна пота.

Сколько раз я собирался сказать ему, чтобы он не летал в сандалиях. Если однажды ему придется выпрыгнуть на парашюте и повезет опуститься на сухую землю, он может сломать лодыжки.

Фрейтагу было 26 лет, он был прирожденным летчиком, но по натуре очень нервным. Каждый в эскадре знал, что он пил — напивался почти каждую ночь. Фрейтаг панически боялся бомбежек. Любой мог заставить его спрятаться с головой в щели, просто колотя по стене барака и вопя «Налет!». Но он никогда не уклонялся от боевых вылетов. В воздушных боях над Мальтой и в ходе кампании в Северной Африке он сбил 99 самолетов[8]. Он носил Рыцарский крест. Но вот уже в течение нескольких месяцев

сотая победа не давалась ему.

В бараке зазвонил телефон. Из 1-й группы доложили о потерях среди наземного персонала, но добавили, что зенитный огонь «восемьдесят восьмых»[9] оказался эффективен.

— Мы не должны терять наши головы, Фрейтаг, — сказал я. — Нам потребуется много пригодных для полетов самолетов, поскольку в будущем не придется скучать. В течение нескольких следующих дней сюда должен прилететь инспектор истребительной авиации[10], он со своим штабом будет управлять действиями истребителей с командного пункта эскадры. Он прибывает из ПВО рейха и имеет опыт борьбы с тяжелыми бомбардировщиками, которого нам все еще не хватает.

— Совсем, совсем, — капризно заметил Фрейтаг. — Мы знаем изумительные сообщения о действиях над рейхом. За завтраком им вежливо скажут, что стая бандитов летит из Восточной Англии, так что они должны взлететь около десяти. И если они выпрыгнут на парашюте или совершат вынужденную посадку, то будут дома уже к ужину… Но мы здесь всегда, когда поднимаемся в воздух, должны летать над паршивым Средиземным морем, и, если выпрыгнем на парашюте, ни одна душа не двинется вылавливать нас, словно рыбу из воды.

— Хорошо, — продолжил я примирительно, поскольку знал его характер. — Но это театр специфический сам по себе. В любом случае положение очень скоро должно измениться. Около Марсалы монтируется большая пеленгаторная станция, которая позволит обнаруживать тяжелые бомбардировщики еще на подходе; в будущем всякий раз, когда они нападут на Рим, Неаполь или Мессинский пролив, мы сможем взлетать вовремя.

— Сейчас есть радиопеленгатор на горе Эриче, — вступил в разговор Штраден, — который засекает нашу точную позицию над Средиземным морем в момент, когда мы включаем радиотелефоны. Так что, в конце концов, нас смогут вытянуть из воды.

— И кто это будет? — спросил Фрейтаг, отведя взгляд.

Добраться до командного пункта можно было только по крутой пыльной дороге, изобилующей резкими поворотами, ниже высокой седловины и деревни Эриче свернув налево, на

ухабистую тропу, ведущую к маленькой плоской площадке непосредственно под вершиной. Вид оттуда открывался великолепный; далеко на юго-запад тянулась территория острова, в то время как почти прямо под ногами, казалось на расстоянии вытянутой руки, лежали порт и белые здания Трапани около бухты. К городу примыкал аэродром с новой бетонной взлетно-посадочной полосой, а южнее простирались соляные разработки. Марсала лишь смутно вырисовывалась в тумане. На расстоянии оливковые рощи казались небольшими серо-зелеными пятнами, на фоне которых белели дома, деревни и небольшие городки. Лишь аэродром около Чинисии можно было точно идентифицировать из-за взлетно-посадочной полосы светлого цвета.

Позади барака круто вверх уходил скалистый склон горы Эриче. В течение нескольких недель рабочие вырубали в нем пещеры. С тех пор как мы вернулись на Сицилию, они при помощи кирок и пневматических молотков заметно углубились в коричневую скалу, в то время как выкопанная порода накапливалась около зияющего входа и была теперь высотой с дом. Пещера Должна была сформировать подкову вокруг одного из огромных естественных столбов, поддерживавших плоскую вершину горы Эриче, и таким образом иметь два выхода. Хотя работы еще не были завершены и наполовину, пещеру уже использовали как бомбоубежище.

Как только автомобиль остановился на горизонтальной поверхности, над нашими головами появились три разрыва зенитных снарядов — сигнал воздушной тревоги. Только что поднявшийся полуденный бриз донес до нас рев двигателей эскадрильи, готовившейся взлететь с аэродрома внизу.

— Какая эскадрилья? — спросил я.

— Вторая.

— Кто ведущий?

— Кёлер[11].

Должно быть, собирались взлететь приблизительно пятнадцать машин. Мы могли видеть вихри пыли, поднимаемые при запуске двигателей, поспешную рулежку к взлетно-посадочной полосе, разворот против ветра и быстрый взлет. Тем

временем прохладный бриз с моря рассеял туман. Долина Трапани внизу была ясно видна. На дорогах вокруг аэродрома мы видели бегущих людей. Поднятые по тревоге предупредительными выстрелами зенитчиков, все, кто могли это сделать, добирались до укрытий. Здесь наверху люди также спешили под защиту горы Эриче.

Лейтенант Бахманн, мой адъютант, находился при исполнении обязанностей на командном пункте. В отличие от Штрадена, бывшего одним из ведущих атлетов Германии и обладавшего соответствующим телосложением, Бахманн, склонный к полноте, не любил занятий спортом. Мужественные черты смуглого лица, окаймленного копной непослушных волос, делали еще более выразительными его большие темные глаза. Он часто смеялся, показывая прекрасные, ровные белые зубы. Всякий раз, когда я поднимал эскадру в воздух, два эти офицера, столь непохожие друг на друга, летели в моем штабном звене.

— Двухмоторники, — доложил Бахманн. — Направляются к Шакке.

В Шакке находилась 1-я группа.

— Первую предупредили?

— Они подняли в воздух одну эскадрилью. Ведущий Гёдерт.

«Всегда Гёдерт», — подумал я.

Бывший обер-фельдфебель с лицом изуродованным в результате аварии, он был оплотом своей группы с самого начала войны; уравновешенный и надежный, он никогда не пропускал вылетов. Гёдерт не обладал охотничьим инстинктом ведущих летчиков-истребителей и вряд ли когда-либо смог бы приобрести их навыки меткой стрельбы[12]. Однако он преподал летную тактику нескольким поколениям летчиков-истребителей. Когда я, молодой лейтенант, прибыл в учебную эскадрилью[13], чтобы научиться летать на истребителях, меня отдали под опеку обер-фельдфебеля, который затем стал моим инструктором. Его звали Гёдерт. От него я узнал, как держать дистанцию, будто приклеившись к своему ведущему при полете в сомкнутом строю, как атаковать и стрелять, как начать бой и как выйти из него.

Год спустя я был повышен и сменил прежнюю малозаметную

роль на положение командира звена. Теперь уже Гёдерт стал моим ведомым, следовал «как приклеенный» за мной и выполнял мои приказы.

Часто в водовороте летящих в сомкнутом строю истребителей, когда самолет, казалось, становился невесомым, когда облака, солнце, горизонт описывали круги через ветровые стекла и растяжки наших бипланов[14], на лице Гёдерта появлялась улыбка и он одобрительно кивал, словно говоря: «Вот так. Вы все выполняете прекрасно».

— Они пролетели над Шаккой и приближаются к Палермо. Кёлер вошел в контакт с противником.

Из громкоговорителя неслось стаккато[15] восклицаний, сообщений и приказов, звуки, которые могли понять только те, кто сами неоднократно переживали момент, когда противник перехвачен и атакован. «Внимание!», «Держись там!», «Ангелы — десять!», «Я атакую…»

— Они развернулись и возвращаются над горой Эриче, — сказал Бахманн. Он все время получал свежие рапорты о позиции противника из нашего центра сбора донесений с самолетов. — Очевидно, там есть и «Спитфайры». Была атакована гавань Палермо, и теперь они приблизительно на трех тысячах метров.

Внезапно в действие вступила тяжелая зенитная артиллерия. Тогда же послышался гул двигателей и свист падающих бомб. Выскочив из барака, мы увидели, что западный край аэродрома скрыт облаками пыли. Столбы пыли поднимались из оливковых рощ, окружавших летное поле. Зенитки стреляли непрерывно на звук двигателей на западе, но само вражеское соединение не было видно невооруженным глазом. Вскоре из 1-й группы сообщили, что их эскадрилья приземлилась. Один пилот пропал без вести, над Палермо сбит один бомбардировщик. Фельдфебель Рейнхольд выпрыгнул на парашюте из своего «мессершмитта» и приземлился благополучно.

В сумерках я отправился вместе со Штраденом на нашу квартиру. Дороги были переполнены телегами, запряженными ослами или лошадьми. Жаркое время дня, а с ним и время массированных бомбежек, прошло. Когда мы свернули с главной дороги и поехали по узкой тропинке по горному хребту, нам сверху открылся вид на серповидную бухту Бонаджа.

Мы, офицеры штаба, жили и питались в маленькой неприметной вилле. Она стояла в винограднике, и ее фасад был выкрашен в розовый цвет. Это были владения унтер-офицера Рибера, моего денщика, повара и ординарца, — короче, мастера на все руки. По профессии он был стеклодувом, и во всей эскадре не было никого, кто весом и объемом груди превосходил бы его. По этой причине он не нуждался ни в фамилии, ни в звании — каждый просто называл его Толстяком.

После четырех месяцев изматывающих оборонительных боев на Кавказе я получил короткий отпуск домой из моей истребительной группы[16]. Когда отпуск был прерван неожиданным переводом в Северную Африку, я попросил как можно скорее переслать туда мои вещи. Спустя два месяца — мы к тому времени были уже на Сицилии — ко мне вместе с моим багажом прибыл и Толстяк. Он был моим денщиком в течение нескольких лет и хотел остаться со мной.

По узкой лестнице я поднялся в свою комнату. Напротив двери стояла моя раскладушка. Под стулом лежал небольшой коричневый чемодан, травмированный путешествиями по различным зонам боевых действий, в которые были вовлечены вооруженные силы Третьего рейха. Везде, где мой «мессершмитт» мог взлететь, этот ящик был моим постоянным компаньоном. Изобретательный Рибер имел опыт в заполнении его вещами, в которых я нуждался, пока более тяжелый багаж не догонял нас. Окна во французском стиле, выходившие на балкон, были широко открыты. Поверхность бухты тонула в вечерних сумерках, в то время как здания, склоны и скалы пылали глубоким желтым цветом. Эта картина потрясающей классической красоты причиняла боль, когда я вспоминал о серьезности нашего положения.

Я опустился на кровать, чтобы немного передохнуть. Запахи кухни Рибера распространялись по дому. Это была умиротворяющая атмосфера, тишина нарушалась только дружественными и знакомыми звуками — скрипом стула, шипением воды в трубах. И вдруг возник низкий рев авиационных двигателей.

«Веллингтоны»[17] сегодня стартовали рано! Я размышлял. Каждую ночь они появлялись сразу после наступления темноты. Подобно старым бипланам[18], используемым русскими, они

играли беспокоящую роль, их задачей было поднять тревогу и помешать нашему отдыху. Они сбрасывали бомбы равномерно по кругу над аэродромом, штабом и нашими квартирами. Мы ненавидели их, поскольку ночи были короткими, за день мы переутомлялись и очень хотели спать.

Сразу же пробудившись от глубокого сна, которым все-таки забылся, я увидел Толстяка, стоящего в изножье моей кровати.

— Еда готова, — объявил он.

Деревянные ставни гостиной были закрыты, чтобы рои насекомых не попали внутрь. Вечер не принес облегчения.

За столом собрались все офицеры штаба — Штраден, Бахманн и Бернхард, молодой лейтенант, которого мы прозвали Бесенком. Хотя он был с нами лишь два месяца, никто не мог вспомнить, почему ему дали это прозвище. Он окончил школу в семнадцать, существовавшие ранее правила были изменены, что позволило ему поступить в офицерское училище и получить квалификацию летчика-истребителя после окончания сокращенных учебных курсов офицерского состава. Вскоре он должен был отпраздновать свой двадцатый день рождения. Старики в штабе заботились о нем и готовили к боевым действиям. Но после нашего прибытия на Сицилию Бернхард был тихим и отрешенным, словно чувствовал, что воздушная война вступает в новую фазу; без сомнения, легкомысленное настроение других его не касалось. Когда он говорил, создавалось впечатление, что он родом из другого мира и прилагает усилия, чтобы быть безупречно вежливым. Я думаю, что он мало спал или совсем не сомкнул глаз в прошедшие ночи.

С нами за столом также сидел фельдфебель Цан, который летал в моем штабном звене. По профессии автомеханик, он был одаренным пилотом и всякий раз, когда летел в качестве моего ведомого, действовал надежно, смело и точно. Рослый и очень порядочный, он был родом из Северной Германии и использовал каждую возможность, чтобы участвовать в вылетах.

Пока мы сидели за столом, электричество отключилось. Толстяк, всегда готовый к такому случаю, спокойно поместил между тарелок пузатую карбидную лампу. Она испускала жесткий синий свет и необычно громкое шипение. Штраден повернулся ко мне. Я понимал, что он хочет сказать нечто иное, нежели «Эта

жара изматывает меня», или «Проклятое Средиземноморье», или «Я чувствую себя абсолютно разбитым». Казалось, в этом не было никакого смысла; все мы использовали один и тот же простейший словарь военного времени, который не передавал нашего истинного «я».

Плохо освещенные лица казались плоскими сине-зелеными масками. Как утомлен и измотан был каждый из нас! Прошли два месяца после нашей поспешной эвакуации из Северной Африки. В этот момент бледные лица свидетельствовали о том, чего никто не хотел признать: мы проиграли. Все, за исключением Бернхарда, достигли Сицилии в последний час, истощенными морально и физически. И было мало надежды, что обстоятельства изменятся.

* * *

Только, образно говоря, вцепившись в него зубами я смог убедить генерал-фельдмаршала[19] в том, что моей эскадре необходим отдых, ибо она больше не пригодная и не эффективная боевая часть, а потому должна прекратить боевые действия.

Приказ на отход поступил в самую последнюю минуту. Трагедия Туниса вступила в конечную фазу. Немецкие и итальянские части, вместе с остатками моей эскадры, сгрудились на узкой полоске земли, называемой мысом Бон, на своем пути к капитуляции. В течение той ночи, когда среди впавшего в отчаяние большинства начала распространяться анархия, мы получили телеграмму: «77-я эскадра должна немедленно прибыть на Сицилию». К счастью, когда это случилось, прежний опыт Сталинграда и плацдарма на Кубани заставил меня заранее, без уведомления командования, договориться о переброске на остров почти всего нашего наземного персонала и снаряжения.

Это было скорее поспешное бегство, чем отход. «Мессершмитты» эскадры приземлились в Трапани 8 мая[20]; они были пробиты пулями и не обслуживались в течение нескольких дней. Внутри фюзеляжа каждого самолета на коленях стоял механик, глядевший пилоту через плечо. Он занимал такое положение, с большим трудом пролезая через узкий люк отсека радиостанции. Без парашюта и не имея возможности покинуть свою тюрьму в случае критической ситуации, ему оставалось только надеяться на милость судьбы и мастерство своего пилота.

Остатки эскадры взлетали при драматических обстоятельствах. Воздушное пространство над мысом Бон, нашим последним плацдармом, контролировали истребители союзников. Мы провели ночь на маленьком лугу, который тогда, короткой североафриканской весной, представлял собой сплошное море цветов. Наши самолеты могли взлетать только в промежутках, когда «Спитфайры» и «киттихауки» сменяли друг друга. Поднявшись в воздух, мы стремились уйти, летя на бреющей высоте. Были схватки и потери, и столбы дыма от сбитых самолетов отмечали наш курс.

Как только из моря поднялись синие контуры горы Эриче, переговоры по радиотелефону обрели прежнюю живость. Теперь, когда худшее осталось позади, вероятность упасть в море, не достигнув земли, или необходимость покинуть тяжело поврежденный самолет были столь незначительными, что казались абсурдом. Все после боя пребывали в эйфории. Переполненные счастьем, мы наслаждались немногими часами или днями жизни, предоставленными нам до следующего вылета.

Приземлившись на взлетно-посадочной полосе в Трапани, я находился на наблюдательном пункте, выясняя судьбу остатков своей эскадры, когда внезапно начался налет британских бомбардировщиков. Едва облака пыли от взрывов рассеялись, поступило сообщение, что ожидается прибытие генерал-фельдмаршала. Вокруг царил полный беспорядок. Среди хаоса гонявших туда и сюда санитарных машин и горящих на краю взлетно-посадочной полосы самолетов я натолкнулся на Роттберга[21], который во главе группы «разрушителей»[22] собирался тогда вылететь на материк.

— Рад видеть вас, — произнес он, — и счастливого дня рождения!

— Спасибо. Если бы я только знал, что осталось от моей несчастной старой эскадры. Мы едва можем держать глаза открытыми — не спали несколько дней.

— Могу сообщить вам, что пока приземлились двадцать четыре «Ме» из вашего штабного звена и вашей 2-й группы. Теперь, после всех этих неприятностей, мы получили сообщение, что прилетает генерал-фельдмаршал. И мы должны будем увезти его как можно скорее и возможно дальше от аэродрома на случай, если появится вторая волна. Он может приземлиться в любую

минуту.

— Это все, в чем мы нуждаемся… — Едва я начал говорить, от пункта управления полетами взлетела зеленая ракета — сигнал разрешения посадки. Тяжелый «Дорнье-217» неловко прокатился по взлетно-посадочной полосе, в середине летного поля у него лопнула шина одного колеса, и он остановился.

— Отлично, — прорычал Роттберг, — теперь мы можем заставить его двигаться и поиграть в настоящего героя. Бог не позволит появиться второй волне!

Мы наблюдали, как главнокомандующий на Юге появлялся из люка в брюхе самолета. Сначала показалась пара ног в брюках, украшенных широкой белой полосой. Затем из-под фюзеляжа выползла плотная фигура. Позади адъютант торопливо расстегнул «молнию» на кожаном футляре и, вынув фельдмаршальский жезл, вручил его главнокомандующему.

Лицо генерал-фельдмаршала излучало доверие и оптимизм. Он обнажил в улыбке крепкие зубы, приблизившись к Роттбергу, который после того, как были завершены формальные приветствия, рекомендовал ему по возможности быстрее покинуть аэродром. Однако вместо этого фельдмаршал повернулся ко мне, чтобы выслушать мой доклад.

— Как идут дела, каково состояние вашей эскадры?

— Отвратительно, господин генерал-фельдмаршал. Эскадра — это лишь часть того, что было раньше. У нас остались всего сорок самолетов, ни один из них не годен для вылетов.

Вмешался Роттберг:

— Разве вы не считаете нужным покинуть аэродром? Следующая волна бомбардировщиков может оказаться здесь в любой момент.

Генерал-фельдмаршал казался невозмутимым.

— Господа, почему вы такие нервные? — спросил он. По дороге к автомобилю потребовал рассказать о налете все до мельчайших подробностей.

В штабе Роттберга я попробовал впечатлить его безнадежным состоянием эскадры, добавив, что мы нуждаемся в коротком отдыхе, но потерпел неудачу.

— Мы не должны терять времени в организации обороны Сицилии. Попытайтесь дать своим людям отдохнуть здесь. Я приму меры к выделению самолетов, снаряжения и персонала, но сегодня ваша задача — защита Сицилии.

Я предпринял еще одну попытку объяснить серьезность ситуации:

— Господин генерал-фельдмаршал, эскадра больше не может считаться боеспособной единицей. Ее боевое значение почти нулевое. Пройдя через убийственные оборонительные бои в Северной Африке и Тунисе, мои пилоты абсолютно на нуле. Тяжелые потери полностью деморализовали их. Поэтому прошу дать им несколько недель отдыха.

Моя просьба натолкнулась на равнодушный отказ:

— Общая обстановка требует, чтобы ваша эскадра продолжала вылеты.

С этими словами фельдмаршал сел в автомобиль, чтобы отправиться в Марсалу, где выгружались остатки армии из Туниса, которые пережили морской переход.

На следующее утро мы провожали генерал-фельдмаршала на аэродроме. Когда он прибыл к нам, его грузная фигура была согнута, а перебинтованные руки висели на повязках. В дом около гавани, на верхнем этаже которого он совещался с командующим флотом, во время воздушного налета попала бомба. Его молодой адъютант погиб. Лестница была разрушена, и генерал-фельдмаршалу пришлось спуститься по веревке, чтобы попасть на улицу. При этом он оказался не способен контролировать спуск своего тяжелого тела и в кровь стер кожу на обожженных ладонях.

Перед посадкой в самолет он обратился ко мне:

— Вы можете на несколько недель отправиться в Бари, что в Апулии[23]. Но прямо сейчас, потому что я хочу, чтобы эскадра вскоре вернулась на Сицилию готовой к действиям.

В свете карбидной лампы местное вино светилось в бутылках, подобно янтарю. Толстяк поставил на стол какое-то жареное итальянское консервированное мясо и свежий местный сыр.

Беседа текла вяло, потому что большинство из нас были погружены в собственные мысли. Полумрак и духота навевали сон. Я не знаю, слышал ли кто-нибудь свист падающей бомбы, но взрыв рядом с домом нарушил обманчивое спокойствие вечера. Взрывная волна, распахнув ставни, острой болью отозвалась в наших ушах.

Стулья закачались, стаканы разбились о каменный пол. Ругаясь и смеясь, мы беспорядочной толпой сбежали по узкой лестнице к двери, ведущей в сад.

— Толстяк, — позвал я, — принеси мой спальный мешок. Я проведу оставшуюся часть ночи в гроте.

Добраться до грота можно было только через отверстие в стене позади дома. Проползя затем под усыпанными гроздьями лозами винограда, ты оказывался перед его входом, темным, но все же видным в слабом свете. Грот был высечен в скале, на которой стояла вилла, и объединял функции винного погреба и бомбоубежища. Пространство внутри тускло освещалось керосиновым фонарем и во мраке казалось большим, чем было на самом деле.

Фонарь стоял среди множества винных бутылок на столе, вокруг которого сидели летчики и светловолосая девушка по имени Тереза. В дальнем углу, почти невидимое во тьме, смутно виднелось желтоватое лицо — сидела ее бабушка, она заняла место напротив скальной стены, и ее спина была прямой, как шомпол.

В пещере расположилась обычная компания, те, кто каждый вечер приходили в это прохладное место, была ли бомбежка или ее не было: Штраден, Бахманн, Фрейтаг, Бернхард, Цан и командир 1-й эскадрильи Кёлер.

Кёлер происходил из цирковой семьи и уже мальчиком, как он нам рассказывал, выступал с Ривельсом. Он чрезвычайно интересно и забавно рассказывал о цирке и цирковых артистах, его историям особый колорит придавало ярко выраженное

саксонское произношение. У него был болезненный цвет лица, так как его в течение длительного времени мучила малярия. Он также имел неприятности с животом. Впрочем, каждый после боевых вылетов на нервной почве страдал животом. Единственным исключением был Бахманн, который, когда мы сидели в готовности в своих кабинах, порой за минуту до взлета просил принести ему супа. Он ел с почти садистским удовольствием, так как было очевидно, что оно увеличивается выражениями отвращения других пилотов к такому неестественному самообладанию.

Фрейтаг отдыхал, положив ноги на корзину. Его белые сандалии были сделаны из хромовой кожи, которой обычно протектировались топливные баки самолетов; он носил идеально белые носки. Его одежда всегда была чиста и безупречна, что еще больше подчеркивало нетрадиционную манеру одеваться.

— Признаться, Арним, — произнес он, лениво поворачиваясь к Кёлеру, — сегодня вы не произвели сильного впечатления на «мародеров».

Кёлер посмотрел на него с удивлением:

— А что вы можете сделать, когда располагаете только восемью машинами? Это те же самые парни, что имели обыкновение ежедневно бомбить нас в Северной Африке. Хотя их бомбометание все еще неточное, полет в строю стал лучше. Когда вы идете на них, трассеры льются на вас, словно из душа.

— Я не уверен, что это не прелюдия к появлению «боингов» и «либерейторов»[24], — спокойно заметил Фрейтаг.

Он озвучил мысль, что занимала умы всех нас. Я знал, о чем все думали, — как во время атаки эти большие бомбардировщики будут выглядеть в наших подсвеченных прицелах. Я также знал, что, когда дойдет до дела, они откроют огонь слишком рано, чтобы повернуть и уйти, а шансы остаться невредимыми очень малы, потому что тактика единственной атаки стала каждодневной рутиной, а также потому, что каждый из них, ощущая закон средних чисел, будет спрашивать себя: «Сколько еще…»

Бахманн был одним из тех, кто, казалось, вовсе не имел никаких нервов. Лежа на раскладушке, он шепотом беседовал со

Штраденом, который около него расслаблялся в старом шезлонге.

— Бахманн, расскажите мне, в чем там дело с Рейнертом[25], — обратился к нему Фрейтаг.

— О, в настоящий момент Рейнерт не совсем в порядке. Сегодня в полдень он дефилировал по улицам деревни в своем белом кителе. На боку у него болтался парадный кортик.

— Рейнерту нужна женщина, — заявил Фрейтаг.

— Люди фыркали, словно дренажные трубы, когда видели его наряд вверху и внизу.

— Ни одна из женщин здесь не обратит на нас внимания. Все, что они хотят, так это увидеть, как мы уйдем.

— Не будьте слишком суровы к Рейнерту, — сказал Фрейтаг, — он не был дома с прошлого лета. У него была девушка в Бари — он тратил на нее все деньги. Она работала на кухне в «Ориенте» и носила черное платье с маленьким белым воротником, застегивающимся на кнопки. Ее стол сиял словно зеркало. Он всегда приходил на кухню, чтобы проверить чистоту и взять у нее уроки итальянского. Вы знаете, как это делается, — касаетесь ее носа и спрашиваете: «Как это называется?» То же повторяете с подбородком и продолжаете далее, медленно опускаясь вниз.

— Но почему он возит с собой белый китель? — спросил Кёлер.

Фрейтаг налил себе еще стакан и ответил:

— Потому что не хочет выглядеть столь же потрепанным, как вы.

Как и прошлой ночью, никто не испытывал никакого желания возвращаться в дом. Фрейтаг обнимает светловолосую девушку за талию. Ее бабушка неотрывно следит за его рукой, в то время как девушка остается тихой и неподвижной.

Беседа возобновилась, когда Штраден внезапно поинтересовался позывным для дневных вылетов.

— Одиссей, — говорю я, — подходящее имечко, Одиссей.

— Все может случиться снова, — размышлял кто-то в темноте. — Сцилла и Харибда[26] отделяют нас от материка, и на севере мы будем пролетать над горами Цирке, — в конце концов мы можем даже быть выброшены на берег после длинного путешествия на плоту. Но я не думаю, что там нас будут приветствовать играющие в мяч девственницы…[27]

Вражеский налет на Мессину (200 самолетов). Тяжелые повреждения частного жилья, общественных зданий, казарм и других военных объектов. Хранилище топлива в огне, склад боеприпасов взорван. Железнодорожное сообщение между Палермо и Катанией прервано. Потери, сообщенные к настоящему времени: 62 убитых, 75 раненых.

Военный дневник главного командования вермахта. 25 июня 1943 г

Мы обнаружили тяжелые бомбардировщики в 160 км от Трапани. Они были справа у воды, скользя над гребнями волн в направлении Северной Африки. К этому времени мы израсходовали все наши боеприпасы, топлива оставалось мало. Это было то, что тревожило и стариков и новичков. Над нами было серо-синее небо. Я мог слышать отчаянные крики: «Мой бак почти сух — я утону!»

Дневник гауптмана Кёлера из 1-й группы 77-й истребительной эскадры. 25 июня 1943 г.

В ходе оборонительного боя против бомбардировщиков, атаковавших Мессинский пролив, истребительные части провалили свою задачу. По одному пилоту из каждой истребительной группы будет отдано под трибунал по обвинению в трусости в боевой обстановке.

Геринг, рейхсмаршал.

Дневник гауптмана Кёлера из 1-й группы 77-й истребительной эскадры. 25 июня 1943 г.

Трапани, 25 июня 1943 г

Генерал[28] прибыл 24 июня и сразу выехал на командный пункт на горе Эриче. В привычной для себя лаконичной манере он попросил доложить о наших недавних действиях и выразил желание поговорить с командирами обеих групп и командирами их эскадрилий.

Рассевшись на табуретах и в шезлонгах перед бараком, они смотрели ему в лицо, когда он начал говорить. Он рассказывал о противовоздушной обороне рейха, о способах борьбы с четырехмоторными бомбардировщиками и о тактике. И когда он закончил, ни один из них не задал вопросов. Пока он говорил, выражения их лиц, словно быстрорастущее дерево, стали задумчивыми и скептическими.

Со словами «Очень хорошо — тогда до завтра» генерал поднялся и отбыл.

* * *

Толстяк разбудил меня в сумерках на рассвете. Я чувствовал себя опустошенным, поскольку спал мало, и в моих ушах еще звучали слова генерала: «Сближайтесь. Не открывайте огонь слишком рано. Заходите на них на встречном курсе в сомкнутом строю…»

Очень рано мы были уже готовы к вылетам. Предыдущим вечером с Сардинии перелетела истребительная группа Кудделя Уббена[29], 3-я группа моей эскадры, ее прилет совпал с прибытием группы Мейера[30] и одной группы эскадры «Туз пик»[31]. Теперь аэродром Трапани был переполнен «мессершмиттами», словно на авиашоу, и мы очень хорошо понимали, какие гибельные последствия мог бы иметь внезапный налет.

Мы сидели перед бараком под оливковыми деревьями, в нескольких шагах от наших самолетов и от щели тоже, и вели пустые светские беседы, абсолютно не связанные с тем, что действительно каждый из нас думал. При этом мы все время настороженно прислушивались, не принесет ли утренний бриз угрожающий грохот двигателей.

Ночь не принесла свежести, а день обещал стать настоящим пеклом.

— Хорошо, парни, генерал собрался показать нам, как надо вести воздушный бой, — сказал Фрейтаг, — и это будет точно так же, как парад на партийном съезде.

— Куддель, ты когда-нибудь «Летающую крепость» видел вблизи?

— Нет, — ответил Куддель Уббен. — Я считаю, что это опасно. Они не скажут мне спасибо.

— Но генерал вчера вечером сделал это все так замечательно просто, — назидательным тоном школьного учителя заметил Фрейтаг. — Вы все еще сомневаетесь в том, что мы должны атаковать их на встречном курсе, снизу и с задней полусферы, или в фантастических вещах, которые делают синеглазые мальчики из ПВО рейха? Он только забыл спросить, сколько из нас не умеют плавать.

— Вы все равно утонете, даже если умеете плавать. Если вы выпрыгнете на парашюте и не увидите землю, никто не сдвинется, чтобы подобрать вас.

Уббен кое-что знал о море. До того как перевестись в авиацию, где сделал быструю карьеру, он служил матросом на эсминце. Как и Гёдерт, он был одним из тех, на ком держалась эскадра.

Фрейтаг ударил рукой невидимую муху.

— Конечно, только вы не думаете об этом, — заметил он.

— Забавная вещь, — произнес Уббен, — как только я пересекаю побережье и удаляюсь от моря, мне всегда кажется, что мой двигатель шумит в два раза сильнее.

Слушая этих молодых гауптманов, было трудно вообразить, что они занимают важные военные посты. Но это был профессиональный стиль — стиль, который развился в ходе этой особенной войны. Командир авиационного подразделения, без сомнения, первым атаковал противника, но когда бой начался, никто не мог быть лидером, все становились просто пилотами,

которые рассчитывают только на свои собственные силы в единоборстве с другим летчиком — одним из тех, кто присягал Англии.

Мейер был молод, ярок и мало отличался от Фрейтага с его известной беспечностью. Они оба принадлежали к особому типу летчиков, типу, родившемуся в успешные годы войны в воздухе.

Нежный утренний бриз покачивал деревья оливковой рощи, но не приносил никакой прохлады, воздух был влажным и липким — типичная погода сицилийского лета.

Я потерял счет тому, сколько раз сам с собой обсудил, как буду вести атаку. Мне не хватало опыта. Над Ла-Маншем, в ходе Битвы за Англию, я командовал эскадрильей. Я знал теорию управления большими группами истребителей, но никогда еще не делал это на практике. Если лидер летит слишком быстро, так, что все формирование растягивается в задней полусфере, начинается настоящий концерт, повторяющиеся запросы по радиотелефону от тех, кто отстает позади. Если же он летит слишком медленно, это означает, что во время виражей, — которые в любом случае должны выполняться плавно со скольжением, — внутренний пилот[32] будет терять высоту из-за недостатка скорости.

Я задавался вопросом, смогу ли обеспечить целостность своего формирования к моменту перехвата четырехмоторных бомбардировщиков? Возможно, я должен буду атаковать на встречном курсе? А затем, конечно, возникали обычные мысли — те, что вы никогда не сможете подавить: убийственный ответный огонь с «Летающих крепостей», спуск на парашюте, резиновая спасательная шлюпка…

— Господин майор, — слышал я чьи-то слова, — только что приземлился оберст Лютцов[33], инспектор на Юге.

Последний раз я видел Лютцова на юге России. Летом 1942 г., когда началось наступление на Сталинград, моя группа была придана его эскадре. С тех пор мы стали друзьями. Едва выйдя из автомобиля, он закричал мне: «Я хочу быть здесь во время вашего первого большого оборонительного боя!»

Под оливковыми деревьями около барака были полукругом расставлены шезлонги. Мы сели в них и рассказали друг другу о

том, что произошло с нами после последней встречи. Нельзя было представить летчика-истребителя, ожидающего команды на взлет, без этого предмета мебели. Сколько часов я провел в шезлонге с начала войны? Это началось на Западе, в ходе «сидячей войны» с Францией, когда мы лишь иногда гонялись за разведывательными самолетами, — абсолютно безопасное занятие по сравнению с тем, что мы делаем теперь. Но начиная с того времени мы были почти в постоянном состоянии готовности, и если не в «кабинной готовности», сидя в своих самолетах, то в шезлонгах рядом с ними. День кажется очень длинным, когда тратишь его на ожидание и нечем занять голову, кроме войны в воздухе.

Сегодня, впервые после Битвы за Англию, я ощущал ту же самую гнетущую атмосферу, что поражала нас тогда. В августе и сентябре 1940 г. мы обычно были в состоянии готовности уже на рассвете. После завтрака, который у большинства застревал в глотке, пилоты собирались перед штабом, бараком Ниссена на краю аэродрома. Бледные и невыспавшиеся, молодые, почти мальчики, они молча стояли, прислонившись к стене барака, или подпирали коленями капот «кюбельвагена»[34]. Иногда кто-то бросал короткое замечание о погоде или предстоящем вылете. В сумерках мерцали огоньки сигарет. Наши брюки из плотной ткани, щедро снабженные карманами, были известны как «штаны Ла-Манша». Поверх кожаных курток мы надевали желтые спасательные жилеты, к которым было пристегнуто различное снаряжение, предназначенное для того, чтобы дать нам больше шансов на спасение в случае, если придется покинуть самолет: пакет с краской, окрашивающей воду в ярко-желтый цвет, неуклюжий сигнальный пистолет «Вери», патроны к нему, сигнальный фонарь и аварийный запас продуктов. И каждый из нас щеголял в желтом шарфе, изношенном от частого употребления. Отчасти это было щегольство, но он оказывался необходим, когда вы падали в море и хотели привлечь внимание своих спасательных гидросамолетов или британских скоростных катеров — с неизбежным пленом как условием спасения.

Затем принималось решение о вылете, о времени, о порядке взлета эскадрилий, о боевом порядке, который они должны сформировать. Если же метеоусловия над Британскими островами задерживали нашу отправку, мы подвергались испытанию ожиданием в шезлонгах во мраке бараков Ниссена около пункта рассредоточения эскадрильи. Разговоры очень быстро затихали или превращались в неясный ропот. Большинство пилотов, прикрыв глаза, дремали или притворялись

спящими. Звонок полевого телефона действовал на нас подобно удару током: ну наконец-то! И если звонок был всего лишь сводкой погоды или стандартным запросом о состоянии самолетов, многие проклинали телефон, как инструмент пытки, продлевавший агонию пассивного ожидания, возможно, на минуты, а возможно, на часы. И все снова обосновывались в удобных шезлонгах, в которых можно было, по крайней мере, физически расслабиться.

Именно к таким шезлонгам в тени оливковых деревьев я вел Лютцова. Ветераны с пестрым прошлым, они были наиболее ценными предметами в нашем багаже. Их веселая полосатая обивка мирных дней давно расползлась и была удалена. Теперь их деревянные каркасы, отполированные постоянным контактом с человеческой кожей, были обтянуты крепким серым палаточным холстом.

— Сегодня ваш большой шанс, — сказал Лютцов. — Во время атаки вы должны держаться друг к другу близко и отклонять любые мысли о столкновении со «Спитфайрами». «Крепости» подобны флоту линкоров, и вы можете добраться до них, только если прорываетесь через их заградительный огонь компактной фалангой.

— Ради бога, Францл, — вставил я замечание, — избавьте меня от благоговейных речей! И так день за днем сверху на наши головы дождем сыплются советы и инструкции. Генерал то и дело ставит нам в пример храбрых пилотов ПВО рейха. Он также сообщает нам, что рейхсмаршал имеет чрезвычайно низкое мнение о летчиках-истребителях, воюющих здесь, на Юге. Фактически наши рассуждения о слабости достигли той стадии, когда единственной реакцией ребят будет сарказм и они просто не будут больше слушать. Вы должны помнить, что они больше не группа молодых героев, которые рискуют жизнью, не задумываясь ни на секунду. Но они не теряют и мужества. Горстка их пережила Битву за Англию, и с тех пор они без передышек были в боях и вели их смело и хорошо. Когда подходит чья-то очередь уйти, его место занимает менее опытный человек. Но новички имеют мало шансов пройти через этот ад. Они недостаточно обучены, и немногие из них переживают первое критическое время.

— Вы там не знаете, как ужасен этот театр. Это главным образом вода, и в конечном счете она добирается до всех нас. Мы

открыты врагу и не имеем никакого прикрытия. Они сотрут нас, держа на земле и уничтожая наши стоянки и мастерские. Вы, используя любую возможность, случайно, не верите в тевтонского сверхгероя, который после бомбежки вылезет из земляной щели и, отряхнув пыль со своих ног, поднимется на стальных крыльях в ледяные небеса, чтобы сеять опустошение среди «Летающих крепостей»?..

В этом месте я понял, что скатился до непочтительной манеры разговора Фрейтага. Лютцов, казалось, был такого же мнения, поскольку посмотрел на меня долгим, пронзительным взглядом. Какое-то время он молчал, затем внезапно, как будто с его глаз упала пелена, спросил:

— Да, но каким образом это все закончится здесь?

— Как раз об этом я хотел спросить у вас!

Опять наступила тишина. Что-то, вероятно, его сдерживало, прежде чем он продолжил:

— Сегодня перед вылетом из Рима я был на оперативном совещании у главнокомандующего на Юге. Этой ночью англичане бомбили Вуппераль. Свыше 10 тысяч зажигательных бомб вызвали сплошные пожары на расстоянии от 3 до 5 километров. В то же самое время были атакованы Дюссельдорф, Нойс, Мёнхенгладбах и Золинген…

— И вы полагаете, что мы сможем остановить это систематическое разрушение нашей родины?

— Генерал[35] давно и безуспешно просит больше истребительных эскадр. Но они не могут возникнуть из воздуха. С тех пор как стало ясно, что эти четырехмоторные бомбардировщики действительно настоящие крепости, которые можно взять лишь поодиночке, были выдвинуты несколько нелепых предложений, как бороться с ними. Вы скоро будете получать из армии ракеты — их называют «Небельверфер». Это крупнокалиберные ракеты, которые по одной устанавливаются под каждым крылом[36]. Их выстреливают так, чтобы они взорвались в центре боевого порядка бомбардировщиков противника и заставили их рассеяться. После того как круговая оборона «Крепостей» будет нарушена, их можно без труда уничтожить. Другие пробуют сбрасывать сверху на их соединения

крупные бомбы с таким расчетом, чтобы они взрывались на той же высоте, где находится противник. Задумка состоит в том, чтобы разом уничтожить целую группу самолетов или, по крайней мере, рассеять ее. Но очень трудно занять правильную позицию выше «Крепостей». Ваша высота должна быть рассчитана с абсолютной точностью, так как бомба имеет взрыватель с таймером и совершенно неэффективна, если взрывается не на нужной высоте.

— Без сомнения, истребители сопровождения недолго будут попадаться на эту уловку и удостоверятся, что воздух над потоком бомбардировщиков чист.

— Точно. Иное дело — крылатые бомбы, буксируемые истребителями при помощи стального троса. Они, как предполагается, разорвут «Крепости» на части или хотя бы вызовут переполох и упадок духа. Никогда нельзя заранее наверняка сказать, окажется ли любое из этих изобретений полезным или лишь частью прочей бессмыслицы. Но фронтальный удар — атака с близкой дистанции на встречном курсе — вызывает панику среди экипажей бомбардировщиков и сокращает бой до одиночных столкновений. Сегодня это классическое начало сражения.

— При условии, что истребители позволят вам приблизиться…

— Да, при условии, что истребители позволят вам приблизиться. И при условии, что вы сумеете вывести свое формирование в плотном строю туда, где получите достаточно пространства и высоты, чтобы атаковать их спереди и сверху. Часто есть только секунды между моментом вашего перехода в пикирование и столкновением. И конечно, при этом сумасшедшем маневре скорость вашего сближения равна сумме ваших скоростей. Силуэты четырехмоторных бомбардировщиков вырисовываются на вашем лобовом стекле, словно на ускоренной кинопленке. В вашем распоряжении всего несколько секунд, чтобы открыть огонь из пушек. Вы должны целиться в стеклянный фонарь кабины «Крепости», и в это же время все ваши парни должны стрелять как безумные. После этого вы уходите резко вверх или, наоборот, пикируете далеко вниз. Затем можете действовать по собственному усмотрению, поскольку ваше формирование будет рассеяно по всему району. Это время, чтобы самостоятельно атаковать и сбивать «хромых уток», у которых

заглохли двигатели или позади белые шлейфы струящегося из них бензина.

— Но это все здесь будет по-другому, Францл. Этот остров подобен авианосцу без двигателей. Они могут приближаться к нему с любого направления и лететь домой на любой высоте, на какой захотят. Единственные места, где мы имеем какую-нибудь зенитную артиллерию, — это окрестности портов и аэродромов и по обоим берегам Мессинского пролива.

— Это так. Полет короткий, и весь остров в пределах досягаемости истребителей с Пантеллерии и Мальты.

— С тех пор как они взяли Пантеллерию, их истребители появляются уже к завтраку. Эта сдача была прекрасным шоу. И заставляет задуматься о том, какая судьба уготована Сицилии. Я был там, на Пантеллерии, в апреле, и после того, как приземлился в Марджане, на единственном аэродроме, комендант приложил изрядные усилия, чтобы создать впечатление решительных намерений. Пока мы ходили вокруг убежищ и огневых позиций в скалах да пили кофе в его облицованной деревянными панелями комнате, он с великолепной уверенностью рассуждал о неприступности острова. У него была подвижная голова, болезненного цвета лицо с темными кругами под глазами. Я еще помню, что, посмотрев на никотиновые пятна на его пальцах, отчетливо увидел, как у него нервно подрагивают руки. А между тем он потрясающе разливался о бодрости духа, храбрости и братстве по оружию. В то время как я садился в свой самолет, он салютовал мне, стоя, точно бронзовая статуя, между двумя карабинерами с красными перьями на шлемах. А затем он сдал остров без единого выстрела.

Лютцов спокойно выслушал мою тираду и вернулся к главному вопросу:

— Это будет трудное время для всех вас. Генерал реалист. Вы сможете убедиться, что он в последнюю очередь думает, будто вы не показываете ваших лучших…

Три выстрела из зенитных орудий заставили его замолчать. С востока, из-за горы Эриче, послышался все возраставший рев двигателей. Пока мы бежали к щели, засвистели бомбы — мерзкий звук. Я нырнул в траншею, приземлившись на спину летчику, добравшемуся туда быстрее меня. В течение нескольких

секунд щель была полна. До нас доносился ужасный грохот взрывов. Группы одна за другой сбрасывали свои бомбы так, что следовавшие с определенным интервалом серии взрывов грохотали все ближе. Каждый из сидящих в траншее затаил дыхание, надеясь, что следующая бомба упадет далеко в стороне.

Рядом с собой я увидел Лютцова. По тонкому слою пыли, покрывавшему его лоб, сочился пот, собираясь в темные ручейки. Мы прижались лицом к земле, поскольку взрыв рядом с нами почти разорвал наши барабанные перепонки и поднял облако пыли, заполнившее траншею. Теперь звук двигателей стихал, и через мгновение или два наступила полная тишина, которая почти сразу была нарушена стонами раненых, криками команд и призывами санитаров-носильщиков.

— Чертовски хорошо генералу, — выругался Лютцов, — сидящему там на своей горе[37], среди телефонов и раций, и наблюдающему, как мы проходим через эту мясорубку…

— Нет абсолютно никакого сравнения, Францл. Вторая волна может появиться в любой момент, так что мы тоже могли бы остаться в этом восхитительном месте и продолжить наше осуждение наступательной тактики применительно к «Летающим крепостям».

Единственным ответом на мое саркастическое замечание стало добродушное «Замолчи!». К этому моменту пыль осела. Посмотрев вверх, я увидел глубокое синее небо и ветви оливковых деревьев. Где-то слышалось «поп-поп» взрывавшихся боеприпасов в горящем самолете.

— Пошли, позвоним по телефону генералу и спросим, есть ли у него для нас еще сюрпризы, подобные этому.

— Да, — ответил Лютцов, — давай так и сделаем.

Мы поднялись и, подтянувшись до уровня земли, на мгновение присели на край, спустив ноги в траншею, готовые в любой момент нырнуть в нее снова. Группы людей уже сновали между деревьями и бараками, словно ничего не случилось. В солнечных лучах вспыхивали осколки выбитых взрывами стекол.

Недалеко два техника, уперев руки в бока, молча рассматривали жалко выглядящий «Мессершмитт-109»,

накренившийся из-за разрезанной на полоски шины. Его фюзеляж и кабину прошили неисчислимые осколки разорвавшейся рядом бомбы. Из пробитых топливных баков капал бензин и сразу же впитывался в землю.

Теперь мы днями занимались устранением последствий работы бомбардировщиков, и общая апатия по отношению к утрате нашего боевого потенциала начала принимать тревожный характер.

Техники вынули из кабины парашют и стали искать повреждения. Пилот этого самолета получит новую машину, если служба снабжения примет меры по быстрейшему выполнению наших заявок. После полета он скажет другим: «Она очень быстрая» или «Она имеет отличный двигатель», но любые личностные отношения между человеком и машиной уже давно прекратились.

В начале войны мы имели обыкновение давать нашим самолетам имена, — обычно имена девушек, — которые тщательно рисовали на фюзеляжах. В ходе Битвы за Англию началось внезапное помешательство относительно того, что обшивка самолета должна быть максимально гладкая. Мы хотели уменьшить сопротивление воздуха и летать быстрее, так как выяснили, что не только у нас были хорошие самолеты. Это продолжалось до тех пор, пока несколько изобретательных умов не вычислили, что от этого нет никакой пользы, так как дополнительный вес содержимого компенсирует любую прибавку скорости. До недавнего времени большинство наших ветеранов обозначали свои победы на рулях направления своих самолетов. Но с тех пор как мы возвратились на Сицилию, наши передовые мастерские, которые находились в больших палатках около аэродрома, не наносили на фюзеляжи ничего больше, чем тактические номера высотой 90 сантиметров, возможно также добавляя эмблему эскадры — красное сердце. Это было все, для больших фривольностей не оставалось времени. В предыдущие дни мы получили и начали использовать несколько самолетов, переданных нам базой снабжения в Бари. Подобно маложивущим насекомым, одни из них не сумели пережить вылеты, в то время как другие умерли на земле, прежде чем даже смогли подняться в воздух.

— Это был мой самолет, — сказал я. — Ему только пара месяцев. У него хороший двигатель, да и вообще прекрасная

машина. Я в некотором роде любил его…

— Что нам делать, господин майор? — спросил мой старший техник.

— Пусть инженер-механик подберет лучшую машину в одной из эскадрилий. Повторно уложите мой парашют, и побыстрее.

Писарь эскадры доложил, что связь с командным пунктом прервана. Спустя короткое время перед бараком остановился «кюбельваген», водитель которого передал мне распоряжение генерала немедленно связаться с ним по телефону с командного пункта 1-й группы, где линия все еще действовала.

В 1-й группе перед моими глазами предстала мрачная картина. В тени барака санитары складывали рядами наземный персонал, который был поражен осколками бомб, пока прятался в щелях. Врач группы склонился над одним из раненых. Когда я подошел, он поднялся и посмотрел на меня, не сказав ни слова. Бомбы перерыли откос, находившийся сразу после пункта рассредоточения.

— Сожалею, что не смог предупредить вас заранее, — сказал генерал. — Мы не знали, что «мародеры» были уже в пути. Они летели так низко над морем, что наши пеленгаторы не засекли их. У вас есть хоть какие-то сведения о понесенных потерях?

— Нет, господин генерал-майор.

— Вы должны как можно быстрее подготовиться к взлету. Служба радиоперехвата сообщает о большом числе проверочных сообщений с бомбардировщиков в Тунисе. Я ожидаю большой удар.

— Господин генерал-майор, разве нас не предупредят, как только они отправятся?

— Конечно, Штейнхоф, наши радиооператоры попробуют немедленно их засечь, но без большой надежды на успех. Как только бомбардировщики настроят свои рации, они соблюдают радиомолчание. Ремонтная команда должна немедленно ликвидировать разрыв линии, ведущей к вашему командному пункту.

Я вернулся в барак эскадры и шлепнулся в свой шезлонг. Снова ожидание. Вскоре телефонная связь с генералом была восстановлена. Все разговоры прекратились, жара действовала усыпляюще. Каждый раз, как в бараке звонил телефон, мы напрягали мускулы и задерживали дыхание.

Наконец, генерал вышел на связь и сказал мне, что наши пеленгаторы засекли к северу от острова соединение бомбардировщиков, летевшее в направлении Неаполя. Было уже слишком поздно пытаться перехватить их сейчас, но он собирался поднять мою эскадру в воздух, чтобы атаковать их, когда они будут возвращаться обратно. Он сказал, что у нас есть один час для этого.

Один час! Я вызвал по телефону своих командиров, Уббена, Фрейтага и Мейера, и сообщил им о новой ситуации.

— У вас есть хорошие шансы, — сказал Лютцов. — Они не ожидают атаки на обратном пути; их боевой порядок не будет таким плотным, так что с ними легче иметь дело.

Фактически я не слушал его, поскольку мои мысли были уже заняты вылетом. Я понимал, что нужно показать им, что мы еще в порядке и не сломлены… Следовательно, надо действовать с большой осторожностью. Сначала я намеревался собрать своих людей на аэродроме на совещание, что было обычной нормой перед вылетом.

Заканчивались последние приготовления. Повсюду шли работы на поврежденных самолетах, их заправляли и перевооружали. Внезапно посреди этого поступил приказ генерала на старт:

— Штейнхоф, взлетайте немедленно. Бомбардировщики направились на юг и напали на порт Мессины. Вы должны спешить, если собираетесь догнать их…

— Взлет по тревоге! — закричал я писарю командного пункта. — Дайте им зеленый!

В который раз началась доведенная до автоматизма процедура подготовки к бою. Несколько двигателей уже заработали. Техники запустили мой новый самолет и теперь помогали мне. Я вырулил и ждал свое штабное звено.

Рулежка, увеличение оборотов двигателя, проверка зажигания. Взгляд назад. Спасательный жилет с плотным капковым воротником затрудняет поворот головы; кислородная маска качается туда-сюда на уровне подбородка. Везде, куда я смотрю, облака пыли. Штраден и Бахманн заняли позицию. Я машу рукой — подтверждение: готов к взлету.

Как только я отпустил тормоза и передвинул вперед рычаг дросселя, в сотый раз восхищаясь одной и той же рутинной процедурой, ко мне пришло непреодолимое чувство свободы, которая должна принести нам встречу с врагом и разрушить нашу напряженность. С двигателем, вибрирующим на максимальных оборотах, мои колеса оторвались от земли. Следующая задача, стоявшая передо мной, — осторожное выполнение плана, разработанного, чтобы собрать над аэродромом эту вереницу из ста истребителей. Этот план, который требовалось исполнять неторопливо, все же было жизненно необходимо ускорить, поскольку мы не хотели впустую тратить топливо. Мое намерение состояло в том, чтобы встретить бомбардировщики широкой фалангой, летящей на разных высотах. Я убрал газ, шасси и закрылки и начал плавный разворот с набором высоты вокруг горы Эриче, чтобы истребители могли сформировать назначенный боевой порядок.

Затем я установил радиосвязь с командным пунктом:

— «Одиссей-один» — «Орлу», слышу вас громко и ясно. Конец.

Теперь микрофон взял сам генерал:

— «Мебельные фургоны» отходят. Координаты: два «А», два — два «К»[38]. Направление: ноль — два — пять.

Делая широкий левый поворот, я позволил 2-й группе занять позицию позади себя. Продолжая набор высоты, сделал еще один круг над горой Эриче, затем пересек северное побережье острова на высоте 3000 метров. Выше и сзади мое соединение собралось в боевой порядок. Подобно огромному дракону, треугольник из ста самолетов направлялся на север. Я приказал соблюдать радиомолчание до того момента, пока мы не перехватим противника, и шипение в наших наушниках прерывалось лишь приказами и сообщениями о его последней позиции.

Тем временем на командном пункте микрофон снова взял генерал. Его голос был ясным, речь — размеренной и почти безразличной. Его спокойствие передавалось сотне людей, которые летели в бой в состоянии сильного нервного возбуждения. Успех Прямо зависел от аккуратного и дисциплинированного использования радиосвязи до самого момента перехвата. Но если этого достаточно трудно было достигнуть даже в небольшой группе, которая ежедневно вместе летала и вела бой, то насколько тяжелее обстояло дело в массированном соединении, собранном случайно? Один неконтролируемый возглас предупреждения, единственное сообщение, которое выпаливают не подумав, могли расстроить все формирование, поскольку паническая нервозность даст себя знать и наша длина радиоволны будет наводнена не поддающейся контролю болтовней.

Генерал заговорил вновь:

— «Одиссей», поворот на ноль — три — ноль, «мебельные фургоны» на 6000 метров, направление — запад.

— Сообщение получено.

Море можно было увидеть, лишь посмотрев вертикально вниз. Я ненавидел такую погоду, — называемую синоптиками областью высокого давления, — которая характеризовалась заметным уплотнением тумана. В таких условиях с большой высоты удавалось разглядеть лишь контуры пейзажа, а кроме них, ничего, что указывало бы положение, никаких установленных контрольных точек, земля, небо и море сливаются в темно-синем тумане. Глаза напрягаются в попытке что-нибудь разглядеть через это небытие, возвращаясь через короткие интервалы к приборам, единственным надежным источникам информации. В этом «киселе» было практически невозможно вести большое соединение истребителей.

— «Одиссей», вектор два — девять — ноль, «ангелы» — четыре и девять[39].

Очень плавно изменяю курс. Оглянувшись, вижу позади силуэты самолетов, перекрывающие друг друга и изменяющие позиции в очевидном беспорядке, пилоты прилагают усилия сохранить формирование, расходуя слишком много топлива.

В стеклянной трубке около моего левого колена начали расти воздушные пузырьки — признак того, что подвесной топливный бак под фюзеляжем пуст. Прошел целый час летного времени!

В наушниках снова звучат спокойные слова команды:

— «Одиссей», курс два — восемь — ноль. «Мебельные фургоны» теперь, возможно, на малой высоте, так как «Фрейя»[40] потеряла контакт.

Немедленно все глаза обратились вниз, пытаясь проникнуть сквозь туман, но все, что можно было заметить между крылом и фюзеляжем, — это небольшой клочок моря с белыми гребнями волн.

К этому времени мы, вероятно, были больше чем на полпути между Сицилией и южной оконечностью Сардинии. Самолеты позади меня демонстрировали все увеличивающуюся тенденцию вертикальных перемещений — верный признак возрастающей нервозности пилотов, поскольку каждый из них все острее и острее чувствовал свое одиночество в одноместном истребителе.

Словно предвидя, что у нас теперь нет практически никаких шансов на успешный перехват, я начал надеяться на то, что мы вообще не найдем бомбардировщики. Я не собирался оставаться на этом курсе больше 10 минут, по истечении которых нехватка топлива заставит нас повернуть обратно. В наибольшей опасности были самолеты на внешних флангах соединения; чтобы сохранить свое место в строю, они должны были преодолевать большее расстояние, всякий раз, когда я менял курс, что подразумевало, что они часто летели на форсаже и максимальных оборотах, расходуя при этом драгоценный запас топлива для боя.

Соединение уже сильно растянулось. На 3000 метров туман был исключительно плотным, и когда я оглядывался, то видел в небе лишь группу Фрейтага. Другие были проглочены мраком.

— Говорит «Одиссей», сомкнуться! Сомкнуться!

— Пожалуйста, уберите немного газ, мы расходуем слишком много топлива — надо поворачивать обратно…

Когда работала рация, пилоты чувствовали себя не столь

угнетенными одиночеством, имея возможность разговаривать друг с другом и слышать собственные голоса. Их тон был само хладнокровие, за которым, конечно, маскировалось чрезвычайное внутреннее напряжение, поскольку каждый из них ждал первый доклад об обнаружении врага, восклицание «Вижу!» или «Они там!». Каждый раз потрескивание рации, предшествующее словам, заставляло их вздрагивать.

— «Мебельные фургоны» прямо под нами — прямо под нами, большое количество, направляются на запад!

Это был голос Кёлера — его произношение нельзя было спутать ни с каким другим. Он говорил так громко, точно намеревался привести в готовность каждого, кто его слышал. Наэлектризованный, я посмотрел вниз, на серое море под собой, и тоже увидел их: поверхность внезапно стала пестрой от странных светло-коричневых пятен. «Летающие крепости» с верхними поверхностями, выкрашенными в желтый, пустынный цвет, четко выделялись на фоне серебристо-серого моря. Они летели очень низко и быстро, крылом к крылу над волнами. Я мог видеть их лишь в секторе между собственным крылом и капотом двигателя; в других секторах они были скрыты туманом. Они летели к Северной Африке курсом, противоположным нашему. Были интервалы между эскадрильями из девяти, возможно, двенадцати самолетов. Гребни средиземноморских волн походили на своеобразный ковер, медленно прокручивавшийся под ними.

Я знал, что времени для тщательно рассчитанного тактического маневра нет, и был вынужден начать атаку из неблагоприятной позиции без промедления, независимо от того, следовало мое соединение за мной или нет. Оставалась еще маленькая надежда на команды по радио! Когда я пикировал в направлении левого фланга бомбардировщиков, крики и шум в наушниках достигли такого уровня, что я смог различать лишь отдельные слова или фразы.

— Вижу «Мебельные фургоны», очень низко, их множество!

— Поворачиваю обратно…

— Оставайтесь там, оставайтесь там!

1800 метров. Скорость «Мессершмитта-109» стремительно

растет. Чем больше я снижался, тем быстрее, казалось, перемещались бомбардировщики. Штраден, Бахманн и Бернхард следовали за мной, сохраняя правильную позицию. 900 метров!

Внезапно между вражескими эскадрильями возник промежуток. Я должен был еще снизиться, чтобы оказаться на той же высоте, что и бомбардировщики. Перекатывающиеся волны теперь были в считанных метрах ниже меня. Растянувшаяся шеренга огромных самолетов приближалась с невероятной скоростью. Я пристально смотрел через лобовое стекло, держа светящийся зеркальный прицел на самолете в центре формирования. «Вы должны целиться в застекленную кабину «Крепости»…» Точно не знаю, когда открыл огонь, — в нужный момент для этого, должно быть, автоматически сработал мой большой палец на ручке управления. На этой последней фазе атаки все внезапно стало похоже на хорошо знакомое упражнение. Я вывел свой «Ме» на ту же высоту, что и бомбардировщики, как если бы делал это сотню раз прежде. Моя задача состояла в том, чтобы засыпать сверкавший фонарь кабины градом выстрелов. Искривляющиеся траектории светящихся трассеров понеслись из пулеметов к гигантскому бомбардировщику, рассекая синий туман. Светящееся перекрестье моего прицела вздрагивало от «поп-поп-поп» пушек. Вспыхивающие прозрачные панели были четко видны, и затем я должен был резко дернуть машину вверх, перегрузка вдавила меня в кресло. Запас скорости позволил мне уйти значительно выше бомбардировщиков. У меня во рту пересохло, и слюна стала горькой на вкус. Кабина заполнилась запахом кордита[41]. Выполняя вираж, я заметил, что мое собственное, штабное звено распалось. Посмотрев назад, я увидел высокий белый столб воды, поднявшийся в том месте, где упал бомбардировщик.

Радиоэфир был заполнен гвалтом. Приказы и ободряющие возгласы смешивались с истерическими воплями начинающейся паники:

— …Курс на Трапани, пожалуйста, я нахожусь на…

— У меня топливо кончается!

— Пожалуйста, позицию Трапани!

Фрейтаг и его группа, должно быть, последовали за мной вниз в атаку на бомбардировщики, поскольку я мог слышать

обрывки боя:

— Подходим ближе, подходим ближе…

— Сбрось подвесной бак!

— Выравнивай!

Но в то же время увеличивалось число сообщений о нехватке бензина и необходимости отхода. Мой собственный топливный расходомер показывал, что в моем распоряжении 20 минут летного времени. Сквозь туман я набрал 3000 метров и теперь уже в одиночестве повернул на курс, который, как я определил по компасу, должен был вывести меня обратно к острову.

Только сейчас я начал понимать, что произошло. К несчастью, мы натолкнулись на бомбардировщики в последнюю минуту. Не было никаких инструкций относительно тактики, применяемой при нападении на низко летящие «Крепости». Ничто, абсолютно ничто не благоприятствовало нашей атаке.

Бомбардировщики растаяли в тумане. Внезапно я снова впал в состояние беспокойства, которое всегда охватывает тех, кто в одиночку летает над морем.

Я тревожно вслушивался в звук работы двигателя, снова и снова рассчитывал курс и полетное время, пристально всматриваясь в серо-синюю стену впереди, из которой должна была скоро появиться гора Эриче.

К этому моменту истерический шум на нашей длине радиоволны стал непереносимым, и меня охватил гнев.

— «Одиссей-один» всем пилотам «Одиссея», — вызвал я, — закрыть рты. Ваш курс один — три — ноль.

Поскольку бледно-синий сужавшийся конус горы Эриче, словно маяк, поднялся из тумана, я был способен помочь одиночным «мессершмиттам», которые, словно слепые, пытались достигнуть острова. Паника спала, и теперь лишь изредка кто-нибудь запрашивал курс для возвращения домой.

Возвращавшиеся самолеты один за одним кружили над аэродромом Трапани. Я наблюдал за их посадкой и рулежкой и

видел пылевые вихри, которые они поднимали, разворачиваясь на стоянках.

Едва выключив двигатель, я осознал, что мы потерпели поражение. До этого момента я подавлял эту мысль и даже тогда, вопреки здравому смыслу, еще продолжал надеяться, что мы смогли сбить несколько «Крепостей», хотя это казалось маловероятным. В рации не было слышно никаких признаков успехов, и ни один из самолетов, приземляясь после меня, не качал крыльями, традиционным способом объявляя о воздушной победе.

Бахманн и Штраден стояли около моей машины, когда я открыл фонарь. Я снял шлем и вытер пот со лба. Здесь, на земле, на меня снова напала невыносимая жара. Моя рубашка под спасательным жилетом прилипла к телу.

Когда я спрыгнул с крыла, Штраден схватил мою руку, поздравляя.

— Вы разнесли кабину того «боинга» в щепки, господин майор, — сказал он. — Я чудом не влетел в водяной смерч. Он врезался прямо в воду, и обломки полетели в воздух на десятки метров.

— Вы видели других сбитых?

— Нет, отход уже начался, и атака была невозможна.

— Фрейтаг и его группа открыли огонь?

— Они перехватили — я слышал по радио, но добились ли чего-нибудь?..

— Бахманн, я хочу видеть командиров групп, как только они приземлятся.

— Хорошо, господин майор.

Когда я подошел к бараку, со ступенек поднялся Фрейтаг.

— Замечательная была неразбериха, — сказал он.

— Что, ваша группа никого не сбила?

— Нет, никого. Я потерял вас из виду в тумане и только затем увидел бомбардировщики. Так что мы должны были атаковать с задней полусферы. Мы все испортили, по-настоящему испортили. Очевидно, две другие группы вообще не нашли бомбардировщики.

— Все ваши пилоты приземлились?

— Все, кроме двух унтер-офицеров. Я слышал аварийный вызов вскоре после того, как мы атаковали. Заградительный огонь был действительно мощным. Мы летели на той же высоте, что и бомбардировщики, и град трассеров полетел в нашу сторону, едва мы оказались в пределах досягаемости.

Уббен по телефону сообщил о возвращении своей группы. Он сказал, что увидел «Крепости», когда уже повернул обратно; преследование их сделало бы возвращение в Трапани невозможным.

Вскоре после этого Мейер также сообщил о безуспешной атаке: они атаковали из невыгодной позиции и вернулись на последних каплях топлива. Двое из его пилотов пропали без вести.

Момент спустя меня вызвал на связь генерал.

— Господин генерал-майор, докладываю о возвращении эскадры из вылета, — сказал я. — Мы обнаружили четырехмоторные бомбардировщики в последнюю минуту, в 160 километрах к северо-западу от Трапани. Было уже слишком поздно для запланированной атаки, многие пилоты уже повернули назад из-за нехватки топлива. Пока я могу сообщить только об одной сбитой «Крепости»…

На другом конце провода повисла длинная пауза. Наконец послышалось:

— Но я заранее сказал вам, что они ушли вниз. Это невозможно — сотня истребителей и лишь один сбитый враг…

Залпы 88-миллиметровых зенитных пушек сотрясли тонкие деревянные стены барака и вызвали паническое бегство в противовоздушную щель. Телефон упал на деревянный пол, и,

пока я бежал к двери, а потом к укрытию, слышал гул двигателей, смешанный с грохотом зенитной артиллерии. Там, как будто был в траншее все это время, уже сидел Лютцов, вжавший голову в плечи. Он посмотрел на меня и поднялся, позволяя мне спуститься.

Прижавшись друг к другу, мы молча лежали на земле, в то время как свист и вой падающих бомб продолжал смешиваться с разрывами зенитных снарядов. Когда все стихло, я встал и поглядел поверх края траншеи. Хотя я чувствовал себя угнетенным и измотанным, не смог удержаться от саркастического вопроса:

— Вы сидели здесь, Францл, все время, пока мы вели наш «большой бой»?

— Не будьте задницей. Я следил за всеми действиями по радио. Плохо, очень плохо. Он кипит от гнева. Действительно абсолютно ничего нельзя было сделать?

— Нет, — ответил я, — абсолютно ничего.

— Но вы нашли бомбардировщики, и при них не было даже эскорта истребителей…

Я почувствовал легкий упрек, даже при том, что мои силы были на исходе, резко повернулся к нему и раздраженно сказал:

— Я отвечу перед генералом за все, но добьюсь, чтобы вы, наконец, поняли, что планы, рожденные в ваших головах, которые мы пытаемся осуществить, невыполнимы.

Я намеренно связал его с генералом в этом последнем замечании, а затем сказал то, от чего испытал удовольствие, когда слова слетали с моих губ:

— Если хотите почувствовать вкус воздушного боя здесь, лучше поднимитесь наверх, когда бомбардировщики появятся в следующий раз.

— Мне жаль, — вздохнул Лютцов, — искренне жаль. Я не хотел упрекать вас. Но, мой бог, каким образом все это прекратить? Чем все закончится?

* * *

В этот час на дороге, ведущей к горе Эриче, было интенсивное движение. Поскольку местное население приобрело привычку проводить дневные часы вдали от опасных зон города и аэродрома, теперь двуколки с ослами, телеги с мулами и женщины с узлами на головах спешили назад, в Трапани. Ночью они могли опасаться лишь одиночных налетов «Веллингтонов», потому возвращались в свои дома в городе, чтобы заняться повседневными заботами.

Солнце было уже низко, когда я достиг командного пункта эскадры, где теперь находился личный штаб инспектора истребительной авиации.

Генерал сидел на складном стуле, спиной к стене барака. У его ног простиралась великолепная панорама сицилийского пейзажа. Мирные и невинные, покрытые виноградниками склоны горы Эриче спускались к предместьям города, чьи здания желтели в лучах бледного вечернего солнца. Высокие сосны и кипарисы выглядели темно-синими на фоне неба.

Но генерал, казалось, не оценивал грустную красоту этого зрелища. Когда я поприветствовал его, он поднялся на ноги со словами:

— Я возвращаюсь в Комизо.

— Мне жаль, господин генерал-майор, что все вышло не так, как надо.

— Мы не можем продолжать в таком духе. Ответ четырехмоторным бомбардировщикам — массированная атака. Пока действуем небольшими группами и пытаемся бороться с каждым вторгшимся самолетом, никогда не достигнем успеха. Вы узнали, как перехватить бомбардировщики, как приблизиться к ним в сомкнутом строю и атаковать их на встречном курсе. Но вы нерешительны и не можете подойти достаточно близко…

Он говорил, перекатывая черную сигару из одного угла рта в другой и недружелюбно глядя на меня.

«Скоро, — подумалось мне, — я буду иметь возможность рассказать прямо противоположные вещи». Все, что они могли

сказать нам в настоящий момент, мы знали наизусть из боевых донесений летчиков-истребителей рейха. Я понимал его разочарование и хотел сказать ему, что здесь все другое — погода, тактические обстоятельства, условия обнаружения — и что были другие сопутствующие факторы, о которых они в рейхе не знали ничего… Но я ничего не сказал, отчасти потому, что чувствовал себя виноватым в том, что мы так сильно его разочаровали, отчасти потому, что, по моему мнению, солдат не должен оправдываться, если думает, что сделал все правильно.

Без сомнения, генерал и сам понял, что мы вряд ли придем к согласию, поскольку закончил разговор жестом, который наполовину выражал примирение, а наполовину — отчаяние.

— Я позвоню вам позже. Мы должны рассмотреть различную тактику. — С этим он сел в автомобиль.

* * *

Пронзительный звон телефона настолько резко прервал мой короткий сон, который унес меня так далеко от действительности, что потребовалось несколько секунд, прежде чем я смог назвать свое имя и понять, что говорю с генералом, который к этому времени достиг Комизо. Когда я сегодня оглядываюсь назад, эта беседа все еще кажется мне нереальной, а тогда я, по крайней мере в течение нескольких секунд, надеялся, что это дурной сон.

— Штейнхоф, — сказал он, — я только что получил телеграмму от рейхсмаршала. Пожалуйста, не волнуйтесь, когда я прочитаю ее вам. Не предпринимайте никаких сиюминутных действий. Но я должен вас информировать. Слушайте. «Командующему истребителями, Сицилия. Во время отражения налета бомбардировщиков на Мессинский пролив истребительные части не выполнили свою задачу. Один пилот из каждой группы, участвовавшей в этом, должен быть отдан под суд военного трибунала по обвинению в трусости в боевой обстановке. Геринг, рейхсмаршал». Повторяю: ничего не предпринимайте. Я сообщил в министерство авиации в соответствующих выражениях, что это невозможно.

Я продолжал молчать, потому что предъявленные обвинения были слишком возмутительными, чтобы их опровергать. Я прилагал все усилия, чтобы обдумать и четко осознать всю

величину их.

«Трусость в боевой обстановке». Голос на другом конце телефонной линии имел незнакомую интонацию: «Один пилот из каждой группы…» Это не могло быть, это не должно было быть правдой!

— Вы все еще там?

— Да, господин генерал-майор.

— Я позвоню вам завтра. Он всегда впадает в ярость, когда истребители не отвечают его требованиям.

— Разве мы не отвечаем?

— Я не говорил этого. Позвоню вам завтра утром. И не волнуйтесь!

Как не волнуйтесь? Мог ли я, как офицер, не волноваться, когда случилось подобное? Рейхсмаршал презирал нас, хотя было ясно, что бой с численно превосходящим противником мог закончиться только поражением. Нежели он действительно воображал, что может поднять наш боевой дух, называя нас трусами? Незадолго до этого он, как оскорбление, отклонил возможность того, что четырехмоторные бомбардировщики смогут прорывать оборону рейха. Тем временем они фактически достигали каждого угла рейха. Так теперь он пытался сделать нас ответственными за собственные проблемы. Он имел в виду нас всех, каждого в отдельности летчика-истребителя на Юге. Это было коллективное оскорбление: «один пилот из каждой группы» — один летчик, выбранный наугад!

Вскоре должны были прибыть Фрейтаг и Гёдерт, и я намеревался незамедлительно сообщить им об этом. Уббен и Мейер улетели обратно на свои аэродромы, один — на Сардинию, а другой — на восток Сицилии. Я не предполагал передавать им этот приказ, пока не переговорю с генералом. Он не сможет позволить, чтобы эта абсурдная директива была исполнена.

Все еще продолжая держать телефонную трубку, которая уже давно молчала, я сидел, глядя прямо перед собой. Из гостиной за дверью доносился звон стаканов и фарфора, и я мог различить голоса Бахманна и Штрадена, говоривших вполголоса, чтобы не

тревожить меня. Наступила ночь. Со своей кровати я мог видеть кусок усыпанного звездами бархатно-синего неба, красоту и великолепие которого можно оценить только на Юге.

* * *

Теперь я почти сожалел, что выбрал эскадру в Северной Африке, когда генерал предоставил мне выбор между командованием в рейхе и на Юге. Я прибыл в короткий отпуск домой из своей истребительной группы в Крыму и прилетел в Берлин на «шторьхе»[42]. Инспектор истребительной авиации уже ждал меня. Он пребывал в мрачном настроении. Сначала он поинтересовался, как обстоят дела у наших истребителей на Востоке, но вскоре я понял, что беспокоит его совсем другое. Почти сразу он перешел к вопросу о «Летающих крепостях», сообщив мне об их первых налетах на побережье Ла-Манша и об их кажущейся неуязвимости, которая так удивила немецких летчиков-истребителей. Он предупредил рейхсмаршала и потребовал увеличения истребительной авиации. В том же самом контексте он указал, что вооружение «Мессершмитта-109» и «Фокке-Вульфа-190» было неадекватным, и предложил некоторые усовершенствования. Когда он предсказал, что однажды «Крепости» появятся непосредственно над Берлином, рейхсмаршал грубо отверг все его предложения, заявив, что отказывается слушать такую пораженческую болтовню.

Без какого-либо перехода генерал продолжил говорить о смерти майора М.[43], словно его единственное намерение в ходе всей этой беседы состояло в том, чтобы закончить ее потрясающими словами:

— Я боюсь, что вы оказываетесь перед необходимостью сократить свой короткий отпуск. Необходимо заменить двух командиров. Есть выбор между эскадрой в Северной Африке и в рейхе.

Я без колебания выбрал Северную Африку. Я не знал Юга, и это привлекло меня, так же как и перспектива рыцарских поединков с западными пилотами. В то время я и не подозревал, какие предстоят безжалостные бои с противником, имеющим такое сокрушительное численное превосходство.

«Вы возглавите 77-ю истребительную эскадру в Северной Африке. Ее командир погиб». Не очень ободряюще, но в военное

время это был единственный путь, по которому происходило продвижение по службе. Все мы продвигались, занимая места убитых, так же как и летчики другой стороны, те, кого мы при каждой возможности пытались сбивать.

Я летел в Мюнхен и тащил свой тропический комплект. Невозможные мешковатые брюки цвета хаки, несколько рубашек и коричневый китель — все с вешалки и изготовленное в соответствии с принципом «подойдет так или иначе».

Так что в марте я приземлился в Чиампино, около Рима. Впервые в жизни я вступил на землю Вечного города. Это был изумительный весенний день. На пути в штаб генерал-фельдмаршала я открыл окна автомобиля и вдыхал ароматы, расточаемые природой в полном расцвете. Фраскати было одно из наиболее роскошных жилых римских предместий. Около виллы командующего меня встретил дежурный офицер, который должен был отвести меня к начальнику штаба. Но сначала он представил меня настоящей действующей секретарше, и молодой к тому же, она расставляла в вазе гвоздики и в своем плиссированном платье напоминала видение весны. А затем я стоял перед шефом, генералом, одетым в белый мундир и восседавшим за огромным столом. Никогда в жизни не забуду оперативного совещания в штабе воздушного флота, на котором мне разрешили присутствовать. Я, боевой офицер, был свидетелем прогнозирования и комплексного отображения будущего хода сражения в Северной Африке, сражения, которое на следующий день я буду видеть собственными глазами. Штаб собрался в просторной солнечной комнате. Офицеры образовывали белое кольцо вокруг стола, на котором были развернуты карты, знаки на них были не очень знакомы мне. Там, где показывалась земля, преобладали большие, пустые желтые пространства, но главным образом там была вода, одна вода, если бы не пересекающиеся линии координатной сетки.

Одетому в плохо пригнанную пустынную униформу, мне было не по себе среди этих невероятно великолепных созданий. Я целую вечность не видел такого блеска. Возможно, потому, что два года боев в России огрубили меня и научили презирать такие вещи, эта слабо скрытая напыщенность выражений их лиц, фигур и поведения вообще стала для меня прямым оскорблением, и мое отвращение к ним росло от минуты к минуте.

Может у меня аллергия на верховное командование и

штабных офицеров? Это было не так, поскольку после того, как вся штабная работа была выполнена, нам предстояло просто «подставлять свои задницы». Но такие, по общему мнению, вульгарные выражения больше не были в ходу среди них, хотя почти все они должны были некоторое время служить на фронте, где язык не управлялся правилами эстетики. Я нашел их пижонскую притворность и общую надменность невыносимыми. В их присутствии любой, удостоенный встречи с генерал-фельдмаршалом, должен был чувствовать себя неуклюжей ломовой лошадью; снисходительным движением руки ему предложили бы стул в одной из передних штаба воздушного флота, где он должен сидеть и ждать. Я приехал с Восточного фронта, где в течение двух русских зим узнал, что мы были «человеческим материалом, предназначенным для немедленного расходования». В Сталинграде я видел умирающую армию. Я был свидетелем краха фронта; я летал и снова летал, везде, куда меня посылали, я выполнял свои обязанности, как любой другой солдат. Затем, почти без паузы, меня направили в Северную Африку, чтобы сразу сделать актером и зрителем следующей катастрофы. Но прежде всего я должен был увидеть пролог на столе с картой.

Я уже давно испытывал недоверие к ценности информации, обозначенной флажками и цифрами на карте. Что такое был батальон или эскадрилья истребителей? Никто не спрашивал об их реальном боевом значении. В течение часового вылета эскадрилья могла сбить около десяти самолетов противника, и наплевать, как она это сделает. Никто не исследовал фактическое состояние пехотного батальона, чей командный пункт обозначался на карте маленьким треугольным флажком. Кто думал о том, что эта жалкая полоска была гауптманом и сотней людей, истощенных, отчаявшихся, наполовину безумных, возможно, пятьдесят процентов из которых были более или менее тяжело ранены? Кто-нибудь мог это сказать? Однако все эти генералы и офицеры Генерального штаба — по крайней мере большинство из них — сами участвовали в боях; они должны были, конечно, знать обо всем этом, с тех пор как их собственный опыт должен был намертво выгравировать это в их умах.

Была критика наших итальянских союзников, высказанная опечаленным тоном, был разговор о подкреплениях, о необходимых поставках тонн топлива и боеприпасов. Я слышал и наблюдал окончание славной кампании, представляемое прозаически, почти безразлично. Отношение отдельных из этих

элегантных оберстов привело меня в ярость. Я там был единственным участвовавшим в боях? И я наверняка должен вступить в бой, на следующий день должен был приземлиться в Тунисе, чтобы в этом финальном раунде вести свою эскадру против более сильного врага.

Тогда мы имели более мощного противника, чем на ранних стадиях войны. Теперь мы сами узнавали вкус поражения, но само поражение имело два аспекта: один из них я узнал в Сталинграде; другой был только что продемонстрирован мне в ящике с песком в нарядном, с иголочки, штабе воздушного флота.

Когда все закончилось, мы сели за большой стол, на котором был накрыт превосходный обед и за которым председательствовал генерал-фельдмаршал.

— Как только вы сами ознакомитесь с районом боевых действий, — начал он, — вашей главной задачей будет убедить людей в вашей эскадре в том, что Северная Африка должна быть удержана — удержана любой ценой. Мы будем укреплять плацдарм и уменьшать линию фронта так, чтобы позиции можно было оборонять без труда. Но мы сами должны стать лучшими во всей авиации. Поэтому самая главная вещь — и ваша первейшая забота — это чтобы пилоты эскадры вместе с вами заново прониклись тем агрессивным духом, который вдохновлял каждого в ходе наступления на Эль-Аламейн.

— Хорошо, господин генерал-фельдмаршал.

Каким же образом я, по его мнению, должен был повторно внушить им агрессивный дух и восстановить их наступательный порыв? Я сказал: «Хорошо», но, вступая в новую должность, не представлял, как это делать, прибыв с очень отличавшегося театра боевых действий, с опытом, который здесь не очень-то годился…

Через день или два я столкнулся с действительностью. Впервые стоя перед пилотами, собранными на маленьком аэродроме к северу от Сфакса, я по выражениям лиц читал их мысли. С дружелюбным скептицизмом они изучали вновь прибывшего, который впредь должен был вести их в бой. Подразумевалось, что лидер истребительной эскадры — это я знал из примеров, которые имелись на каждом театре военных действий, — возглавляет вылеты, подает пример, сбивает

самолеты. Именно так оценивались командиры эскадрильи, группы и, прежде всего, командир эскадры. Они хотели знать, какого сорта это человек, прибывший с Восточного фронта, сможет ли он справиться с воздушным боем в их собственной зоне боевых действий и каков он в бою, поскольку Восточный фронт расценивался среди летчиков-истребителей как «легкий». Мне стало стыдно за громкие слова, которые я подготовил и которые, несомненно, отвечали требованиям генерал-фельдмаршала, и просто сказал, что горжусь возможностью возглавить эскадру и что наша работа в том, чтобы летать и уничтожать вражеские самолеты. Спасибо, господа.

И уже на следующий день я узнал, как они летали и как вели бой здесь. Я также учился не забывать, что задача врага также была летать и уничтожать самолеты противника и что он с некоторого времени выполнял эту работу превосходно. Во всяком случае, это относилось к пилоту «Спитфайра», который несколькими точными выстрелами пробил мой радиатор, принудив меня совершить посадку «на живот» в пустыне южнее Кайруана.

* * *

Они сидели вокруг стола, когда я вошел. Их расслабленный, беззаботный вид напоминал о довоенной офицерской столовой, хотя все, что мы занимали в то время, — это квартира или примитивный аэродром. Сходство было лишь внешнее, а на самом деле не оставалось сомнения, что они смертельно устали. Это было не столько физическое истощение, сколько моральное утомление. Гёдерт только что прибыл из Шакки. Приветствуя меня, он смотрел печально, как будто говоря: «Боюсь, что не могу сообщить вам ни о каких победах».

Толстяк подал яичницу и наполнил наши стаканы вином. Мы говорили о вылете и неудавшейся атаке бомбардировщиков. Во время пауз в разговоре мы смотрели друг на друга; у всех в глазах было понимание неизбежности конца, которого никто не мог избежать. Не было никакой надежды, потому что чудес не бывает, потому что нет никакого чудо-оружия, а есть только люди, которые сражались до тех пор, пока их не сбивали. Налеты на остров продолжались с убийственной точностью — точностью, которая когда-то была нашей специальностью, но которая теперь, казалось, передалась нашему врагу. И мы должны были продолжать до конца атаковать нашего противника, который, мы

знали, прибывал, и не могли ничего сделать, чтобы остановить его.

Каждый пилот здесь знал это, даже тот, кто только что прибыл. То, что случилось этим вечером и о чем никто пока не знал, должно было еще больше их озлобить. Однако им нужно было сказать — я не мог скрывать это от них. Подбирая наиболее осторожные выражения, я начал говорить:

— Я должен передать вам приказ рейхсмаршала. Генерал только что позвонил мне по телефону, чтобы сообщить, что рейхсмаршал рассержен и считает, что сегодня мы не выполнили нашу задачу. Один пилот из каждой участвовавшей в вылете группы должен быть отдан под трибунал за… — внезапно слова застряли у меня в горле, — трусость в боевой обстановке.

Над столом повисла мертвая тишина. Они смотрели на меня, не веря, словно я только что пошутил в дурном вкусе.

Фрейтаг был первым, кто обрел дар речи. Подняв стакан, он сказал:

— Хорошо, давайте, в общем, выпьем за это — я буду добровольцем.

Я готов был обнять его. Своим сарказмом он указал единственно возможный способ действий, доступный для нас, командиров. Застенчивый молодой Бернхард, который выглядел крайне несчастным и который еще не прикоснулся к еде, потрясенно спросил:

— Кто это решил? Что думает рейхсмаршал? Конечно, фюрер не может… — Он замолчал и беспомощно посмотрел вокруг.

О, достойный продукт гитлерюгенда[44], подумал я. Но прежде чем успел что-нибудь сказать, Фрейтаг ответил:

— Ничего он не думает. Он только хочет, чтобы мы со страху наделали в кальсоны. Возможно, все мы станем более проницательными, когда трибунал найдет среди нас нескольких виновных и подарит этой отбивной…

Я не мог позволить разговору продолжаться в таком тоне; цинизм не поможет в этой ситуации. Так что я размеренно и

бесстрастно произнес:

— Генерал попросил, чтобы я сообщил вам, что он вмешается, чтобы защитить нас, и что мы не должны волноваться. Но сам он был тоже разочарован. Сотня истребителей в воздухе и только один сбитый противник — он все еще не может поверить в это.

Бомба, разорвавшаяся недалеко от дома, заставила зазвенеть стаканы на столе. Электрический свет моргнул один или два раза, затем погас.

— Неприятности снова здесь, — произнес Толстяк в темноте. — Господин майор, я отнесу вашу раскладушку и спальный мешок в грот.

Мы скатились вниз по лестнице и только под открытым небом смогли услышать звенящий гул двигателей «Веллингтона». Ночью все еще было жарко. Яркий свет от горящих домов отражался на поверхности бухты.

Протиснувшись через проем в стене, я выпрямился. Воздух в гроте был тяжелым из-за сигаретного дыма и запаха пота. Фрейтаг стал произносить лекцию на предмет храбрости. В его правой руке была зажата бутылка марсалы[45], его любимого напитка; этим вечером он обходился без стакана. Лицо Кёлера, по контрасту с его черными как смоль волосами, при свете карбидной лампы выглядело прозрачным и очень бледным. Недавно он перенес малярию, однако отказался от отпуска домой, чтобы остаться со своей эскадрильей.

Гёдерт с закрытыми глазами полулежал в шезлонге. Штраден и Бахманн, подпирая коленями стол, беседовали шепотом. В сумраке около узких каменных ступеней, ведших на виллу, сидела светловолосая девушка Тереза. Около нее стояла ее бабушка, как всегда, прямая точно шомпол и едва различимая среди окружающих теней в черном платье и черной вуали.

Бернхард и Цан сидели на стульях, лицом к Фрейтагу. Толстяк поставил мой шезлонг рядом со стулом Фрейтага и налил мне стакан вина. Беседу только что прервал новый взрыв, и все, что услышать можно было, — только шипение лампы.

Фрейтаг повернулся ко мне.

— Хорошо, разговор закончен, — произнес он. — Лидеры групп, участвовавших в вылете, должны сделать шаг вперед. Это нас они должны будут отдать под трибунал.

— Да, — согласился Гёдерт, — именно так и надо поступить.

— Но не означает ли это признания в трусости? — возразил Кёлер.

Фрейтаг замахал руками, почти как итальянец:

— Только суд может выяснить, вели ли себя летчики-истребители как трусы. Он должен сообщить нам, как атаковать противника и является ли каждый, кто вернулся домой, не сбив самолета, трусом. Предположим, вы приближаетесь с задней полусферы и в вас стреляют сотни пулеметов, вы использовали весь свой боекомплект, а тяжелые бомбардировщики все же продолжают катиться вперед и с этим ничего нельзя поделать, — тогда вы должны идти на таран, иначе вы трус.

— Да, — сказал Кёлер, — это то, что он[46] подразумевал в своей телеграмме: предполагается, что мы должны таранить «Крепости».

Внезапно все замолчали и с надеждой посмотрели на меня, как будто я должен был знать ответ. Большие глаза Бесенка, с их обычным испуганным выражением, сейчас особенно внимательно глядели на меня, словно спрашивая: «Это правда?»

Но опять первым заговорил Фрейтаг; он был слишком разгневан, чтобы оставаться молчаливым, ему требовалось выпустить пар.

— Конечно. Они напечатают вашу фамилию в сводке вермахта, и ваш старик получит любезное письмо, которое можно заранее напечатать, чтобы при необходимости вписать только ваше имя внизу. А еще можно сэкономить на таком бесполезном мусоре, как парашюты и спасательные жилеты.

— Я полагаю, что вы больше не будете нуждаться в пушках, — добавил Кёлер.

Бахманн оставался серьезным — цинизм был чужд его

характеру.

— Кто мог забить такой ерундой его голову? — спросил он. — Вы же знаете, что он сам был летчиком-истребителем. Как он мог так поступить с нами?

— Рейхсмаршал все еще не понял, что мы перестали летать на бипланах с крыльями на проволочных расчалках, — ответил я, — и что мы больше не сидим в открытых кабинах в мехах и не носим огромных защитных очков. Он, конечно, никогда не носил кислородную маску и понятия не имеет, как мы определяем курс или пользуемся рацией. Так как же можно ожидать, что он поймет характер современной воздушной войны?

— А это ему ни к чему. Возможно, как главнокомандующий люфтваффе, он и не обязан знать о подобных вещах. Но другие там должны советовать ему… — Кёлер умолк и задумался.

— При условии, что он их слушает, — усмехнулся Фрейтаг. — Я скажу вам, что он хочет. Он хочет побед. Как он беспечен. В последнее время не все для люфтваффе складывалось хорошо. Раньше были Крит, или Норвегия, или, в самом начале, Польша — тогда были успехи. Но теперь, когда другая сторона демонстрирует нам более совершенный тип воздушного боя, чем существовавший ранее, единственное, что ему остается, — требовать побед!

— Но эти «малиновые штаны»[47], которые роятся вокруг него, — возразил Кёлер, — разве они не могут ему доказать?

— Они втыкают флажки в оперативную карту, говорят: «Да, господин рейхсмаршал» и весьма приблизительно представляют, как мы ведем войну. Они даже не имеют мужества прямо сказать ему, что происходящее теперь отличается от его воспоминаний 1917 года. Чего можно ждать от них? Лишь несколько из них когда-то слышали, как ведут огонь по противнику, и, в конце концов, все они хотят однажды стать генералами.

— Но он был летчиком-истребителем, — продолжал Кёлер, — и если он не понимает специфики наших действий или воздушного боя на высоте 9000 метров, то настало время, чтобы кто-нибудь объяснил это ему!

— И кто же объяснит ему? — спросил Бахманн. — Начальник

технического управления люфтваффе служил в той же эскадрилье, что и рейхсмаршал; он также был одним из самых известных пилотов Первой мировой войны[48]. Геринг, конечно, выслушал бы его.

Я уверен, что у него получилось бы. Но он застрелился.

— Он, конечно, смог бы, — подтвердил я, почувствовав, что должен вмешаться, чтобы прекратить этот саморазрушительный диалог. — Он единственный был способен на это. Я расскажу вам, почему рейхсмаршал думает по-другому и как произошло, что он больше не понимает наш особый мир.

Когда началась война, я командовал эскадрильей ночных истребителей. Да, мы имели их даже тогда! Мы размещались на маленьком травяном аэродроме около Бонна и пытались перехватывать одиночные «бленхеймы»[49], которые вторгались на территорию рейха, сбрасывая агитационные листовки. Утомительная была работа преследовать этих парней. «Бленхейм», подобно старому «юнкерсу»[50], был полностью оборудован для слепых полетов, и это подразумевало, что мы на своих одноместных «мессершмиттах» должны были взлетать в любую погоду. Гражданское население строго соблюдало светомаскировку, так что полет в кромешной темноте был жутким опытом. Я все еще задаюсь вопросом, как мы набирались храбрости снова и снова испытывать удачу; мы имели очень малый опыт ночных полетов, и наше навигационное оборудование было чрезвычайно примитивным. Неудивительно, что с таким набором мы так ничего и не положили в свой мешок. Британцы летали очень высоко, преимущественно в облаках.

Умные головы в Берлине начали волноваться, поняв, что угроза со стороны британцев весьма серьезная, — вслед за листовкам, падающими на города рейха, могли последовать бомбы. Они продолжали запрашивать боевые донесения. Прежде всего, хотели знать, почему мы не сбиваем британцев, несмотря на четкий приказ делать это.

В конце сентября пришла телеграмма, в которой мне приказывалось прибыть в Берлин для участия в совещании, посвященном совершенствованию тактики ночного боя. Как ожидалось, на нем должен был присутствовать сам рейхсмаршал[51]. На следующее утро я явился в министерство авиации и оказался в зале заседаний, где собралась небольшая

группа участников совещания: начальник Генерального штаба люфтваффе, начальник технического управления люфтваффе, командующий зенитной артиллерией, инспектор истребительной авиации, офицеры Генерального штаба и стенографистки.

Пока мы ждали рейхсмаршала, у меня было время осмотреть зал заседаний. Его стиль показывал, что рейхсмаршал предпочитает дуб, кожаную обивку и внушительных размеров мебель. Светлые деревянные панели покрывали стены до самого потолка, на котором висела огромная люстра в форме тележного колеса. Стулья, с сиденьями и спинками, обитыми светлой воловьей кожей, были расставлены с трех сторон дубового стола, во главе которого темнел стул, отличавшийся от других, стул поистине титанических размеров. Это был стул рейхсмаршала.

Одна секция деревянных панелей заскользила, открываясь, и он вошел. Он носил белый мундир. Разместившись в своем огромном кресле, он зажег одну из тех длинных сигар «Вирджиния», которые курят в Австрии, и только после этого начал говорить. Он говорил о британских налетах и о неудачах зенитной артиллерии и ночных истребителей. В то время не было никаких радиопеленгаторов ни для нас, ни для зенитчиков, которые полностью зависели от звукопеленгаторов. Он считал позором, что «бленхеймы» слоняются над рейхом как хотят.

Он говорил, переполняясь гневом, и внезапно стал вспоминать о Фландрии, о воздушных боях над ней и о лучшем истребителе века бароне фон Рихтхофене[52]. Он поднял руки, демонстрируя атаку снизу; перемещая вытянутую правую руку по кругу перед своим лицом, он преследовал ее своей левой и наконец подстрелил ее. Рейхсмаршал с энтузиазмом рассказывал о полетах при ярком лунном свете, о вылетах на перехват, когда они летали прямо над дорогами Фландрии, чтобы обнаружить силуэт врага на фоне более светлого ночного неба вверху; как они затем увеличивали скорость и начинали атаку снизу…

Он говорил ярко и впечатлил меня своей убедительной манерой, в которой описывал агрессивный дух известных летчиков-истребителей и методы их действий. Но постепенно меня охватило чувство горького разочарования, поскольку целый мир отделял детально разработанную тактику рейхсмаршала от современной воздушной войны. Этот человек, подумал я, теперь не имеет абсолютно никакой концепции воздушного боя. Он живет прошлым и не знает своих люфтваффе. Нужно будет ему

сказать, как все обстоит в действительности. Именно поэтому мне приказали присутствовать. Совершенно очевидно, что я должен прямо сказать ему то, что они ожидают от меня!

Когда он вещал о далеком прошлом, его жесткие фразы звучали немного патетически. Я начал ерзать на стуле. Меня переполняло непреодолимое искушение вскочить и рассказать ему о современных проблемах.

Когда он сделал паузу, чтобы повторно зажечь сигару, я поднял руку. И в тот же момент меня охватила паника, потому что лица генералов, которые теперь все, как по команде, повернулись ко мне, весьма явно выражали то, что они думали о моей наглости. Но было уже поздно прятаться в свою раковину. Рейхсмаршал взмахнул сигарой — это был его сигнал, разрешавший мне говорить. Я встал и начал говорить. Прежде всего, я объяснил, что условия боев изменились, и затем указал на трудность перехвата врага, чье навигационное оборудование позволяет летать на больших высотах и в плотных облаках. Мы же имели возможность найти и атаковать противника, только когда он был пойман лучами прожекторов с земли. А так как мы не имели никаких средств управления в сложных метеоусловиях, были не способны эффективно выполнять нашу задачу. Требовались более совершенное навигационное оборудование для наших самолетов и новая тактика, если мы хотели найти врага в темноте. Я говорил кратко и надеялся, что убедительно. Если кто в то время и знал, как вести ночной бой, так это был я.

Когда рейхсмаршал, наконец, вынул сигару изо рта, чтобы прервать поток тщательно подбираемых мною слов, он выглядел скорее удивленным, чем сердитым.

«Сядьте, — сказал он мне, словно школьнику, — сядьте на вашу маленькую задницу, молодой человек. Вам нужно пройти еще длинный путь, прежде чем вы сможете участвовать здесь в обсуждении».

Затем он обратился к одному из генералов своего штаба и больше даже ни разу не поглядел на меня.

Так что я там сидел на своей «маленькой заднице», проглотив оскорбление, пристыженный перед этими старыми генералами. Однако один из них, начальник технического управления, исподтишка подмигнул мне. Он рисовал в своем блокноте

бессмысленные узоры. Именно тогда я понял, что наш главнокомандующий не разбирается в современной войне.

* * *

В течение последней части моей истории позади моего шезлонга стоял дежурный офицер. Хотя и пришел с сообщением, он не прерывал меня. Теперь он склонился над моим стулом и сказал:

— Господин майор, только что пришел приказ на завтра. Мы должны обеспечить защиту от налетов из Северной Африки и с Пантеллерии. На рассвете боевая воздушная разведка должна вылететь к Мальте, Пантеллерии и Тунису.

— На рассвете, — отозвался я, — это в три часа.

В течение короткого времени в гроте стояла тишина. Парни уснули в своих шезлонгах. Время от времени кто-то беспокойно возился — в подвале, которому, по правилам, полагалось быть прохладным, было жарко и влажно. Я страстно мечтал об освежающей ванне и чистом нижнем белье, всем сердцем ненавидя этот театр военных действий.

Как только рассвело, я улетел в Комизо.

> Несмотря на неудовлетворенность наземных сил воздушными планами, союзнические военно-воздушные силы фактически исполнили свою роль в период подготовки десанта. Оказывая поддержку всеми своими истребителями и истребителями-бомбардировщиками и большинством легких и средних бомбардировщиков, NATAF[53] направил в июне из Северной Африки на Мальту 3 крыла «Спитфайров», чтобы увеличить воздушную группировку на этом острове до 20 эскадрилий истребителей. Также в июне группа американских истребителей «Р-40» перелетела на Пантеллерию, чтобы прикрыть высадку в Джеле и Ликате. Американские авиаинженеры в предельно короткий срок, за 20 дней, построили на острове Гоцо новый аэродром для базирования другой американской авиагруппы. К концу июня союзническая авиация насчитывала на этих трех островах 670 самолетов первой

линии.

Альберт Гарланд. Сицилия и капитуляция Италии. Средиземноморский театр военных действий. Армия Соединенных Штатов во Второй мировой войне

[Итальянские] береговые батальоны… были укомплектованы людьми старших возрастных групп, часто плохо управлялись и в некоторых случаях обороняли сектора длиной до 40 километров.

Альберт Гарланд. Сицилия и капитуляция Италии. Средиземноморский театр военных действий. Армия Соединенных Штатов во Второй мировой войне

С наращиванием союзниками в две последние недели июня воздушных ударов по Сицилии истребительным частям, размещенным на Сардинии и в Северной Сицилии, была поставлена задача сковывать мощные атакующие соединения бомбардировщиков и истребителей союзников. Потери в воздухе и на земле, а также уничтожение большего, чем когда-либо, числа аэродромов все больше отражались на их боеспособности.

Франц Куровски. Ворота в крепость Европа

Трапани, 27 июня 1943 г.

Комизо находится в южной части острова, приблизительно в 24 километрах от побережья, чей белый бесконечный песчаный пляж можно заметить с большого расстояния. Великолепный вид. В дни, когда мы атаковали порт и аэродромы Мальты, этот залив предоставлял возвращавшимся поврежденным самолетам, у которых не было никаких шансов достичь аэродрома в Комизо, возможность совершить вынужденную посадку. Фокус состоял в том, что надо было посадить самолет на воду таким образом, чтобы он не уходил под воду, а скользил по ее поверхности и в конце пути достигал пляжа. Но было лучше — при условии, что вы могли так далеко дотянуть, — садиться параллельно берегу на мягком песке. Некоторые пилоты «Ме-109» выполняли этот опыт с большим успехом; другие же тонули, пытаясь это сделать. Теперь я уже другими глазами смотрел на красивый серповидный залив, простиравшийся далеко за пределы города Джела, поскольку это место идеально подходило для морского десанта, основанного на тактике, опробованной американцами на Тихом океане.

За линией пляжа вдоль берега тянулась цепь невысоких строений. Это были все те же нелепые сооружения с бойницами, которые можно было заметить всюду на побережье. Они были выстроены или из туфа[54], или из мягкого известняка; раствор при их строительстве не использовался, так как этот необходимый компонент дорого стоил и кто-то его «загонял». Эти сооружения, как предполагалось, создавали впечатление готовности к упорному сопротивлению — форма самообмана, типичного для Италии под управлением дуче[55]. Зрелища, подобные этому, наводили на нас жуткую тоску, поскольку нам стало казаться, что мы тоже стали видеть не то, что есть на самом деле, а то, что нам хотелось видеть, иными словами, мы стали выдавать желаемое за действительное. Одним из примеров была моя встреча с итальянским караульным патрулем из двух человек во время предыдущего посещения Джелы.

В полдень Бахманн и я шли через дюны к пляжу, чтобы искупаться. Внезапно дорогу нам преградили два пожилых человека в форме итальянской армии. Они спросили пароль, справились о нашей национальности и, очевидно, были весьма удовлетворены, когда мы показали им нашу немецкую форму, оставленную лежать в кустах чертополоха. Эти два трогательных старика были родом из окрестностей Энны, в центре острова.

Несмотря на жару, они были одеты в оливковые мундиры из грубой, плотной ткани, прозванной немецкими солдатами «асбестом», и вооружены короткоствольными винтовками, использовавшимися в итальянской армии. Их икры над ботинками со шнурками были обвязаны исчезнувшими уже везде обмотками.

Они сказали, что их задача состоит в том, чтобы останавливать неизвестных людей и устанавливать их личности. Обнаружив что-нибудь подозрительное, они должны были сообщить по телефону в штаб своей роты в Джеле.

И это была итальянская береговая оборона, после того как итальянцы и немцы потерпели поражение в Северной Африке! Это было столь превозносившееся железное намерение сбросить врага назад в море, если он осмелится вступить ногой на священную землю римлян!

Комизо был боевым аэродромом итальянских военно-воздушных сил, носивших гордое название Armata Azurra[56]. Благодаря своему удобному расположению он был излюбленным плацдармом для наших бомбардировщиков и истребителей в ходе сражений за господство в воздухе над Мальтой. Теперь, как и тогда, он был занят одной группой 53-й истребительной эскадры. Поблизости, в роще сосен и фиговых деревьев, постоянно покрытых желтой пылью с сухой равнины, инспектор истребительной авиации разбил свой командный пункт.

Выполнив широкий левый разворот над взлетно-посадочной полосой, я мысленно отметил состояние аэродрома. Бомбардировщики союзников, очевидно, часто атаковали его, коричневая, выжженная трава была испещрена бомбовыми воронками, ангары лежали в руинах, а самолеты группы — широко рассеяны в укрытиях по краям аэродрома. Белый крест верхушкой указывал в направлении пригодной взлетно-посадочной полосы, которая, как обещал генерал, была отмечена маленькими красными и белыми флагами.

После приземления моя машина, прежде чем остановиться, затряслась по неровной поверхности и наспех засыпанным воронкам. Летное поле выглядело мертвым. Только после того, как открыл фонарь кабины, я заметил механика, подзывавшего меня с края аэродрома, где для защиты самолетов были насыпаны земляные валы. Унтер-офицер Хелбиг приземлился после меня и

следовал за мной в направлении укрытий.

Я выбрался из кабины и расстегнул ремни спасательного жилета, в то время как механики, приподняв хвост, развернули мою машину носом к посадочной полосе. Под колеса были поставлены клинья, и началась работа по ее обслуживанию. Люди были раздеты до пояса, их дочерна загорелые тела блестели от пота, поскольку они работали под палящим солнцем. Один из них открыл замки капота двигателя, чтобы проверить масло и охладительную жидкость. Мой вопрос о транспорте или о ближайшем телефоне был прерван хлопками разрывов зенитных снарядов высоко над нашими головами.

— Они на подходе! — завопил механик, спрыгнув с крыла и бросившись прочь.

Другой закричал:

— Там есть укрытие!

Он показал на земляную насыпь в центре живой изгороди из кактусов и затем также удрал. Мне не оставалось ничего иного, как тоже последовать в укрытие.

— Хелбиг, скорее! — крикнул я своему унтер-офицеру перед тем, как вслед за механиками броситься через высохший, высотой по колено, кустарник. К тому моменту, когда достиг входа в укрытие, я уже мог слышать гул авиационных двигателей. Крутая лестница вела вниз. Как стены и крыша укрытия, она была сделана из желтого туфа, камня, мягкого на ощупь и оставлявшего на руках желтые следы. Укрытие представляло собой туннель с двумя выходами и двухметровым основным помещением. Как только мои глаза привыкли к сумраку, я увидел, что оно заполнено так же плотно, как перегруженный автобус. Солдаты или стояли, прислонившись спинами к стенам, или сидели на корточках на пыльном полу. Когда я протолкнулся внутрь, им пришлось потесниться, отодвигаясь от входа к более защищенным позициям у стен. Ни один человек не попытался приветствовать меня. Впрочем, ожидать этого в подобной ситуации было бы невыразимой глупостью. Выражения их лиц были стоическими, почти безразличными, к настоящему времени они уже давно привыкли к этой игре с удачей. Я еще раз, как иждивенец, понял, что без заботливого внимания этих скромных механиков наши машины никогда не смогут подняться в воздух.

Они смотрели на меня спокойно и с легким сожалением, словно говоря: «На сей раз вы должны потеть вместе с нами. От вашего умения сбивать самолеты тут будет мало проку».

Внезапно зенитная артиллерия стала стрелять интенсивнее. Люди у пушек немногим отличались от тех, кто сидел в укрытии, единственным отличием было то, что первые не могли бежать в укрытие и вместо этого должны были продолжать стрелять, несмотря на приближавшиеся к ним разрывы бомб. Каждый из этих людей исполнял свою роль в этой разрушительной драме, обладая собственным уровнем героизма и следуя собственным путем преодоления самого себя. Эти вещи легко забывались, когда ты обладал привилегией вести бой в одиночку, летя на мощной машине в трехмерном пространстве неба, и, лишь в буквальном смысле упав на землю, вспоминал об этом. Теперь сквозь шум зенитной артиллерии и самолетов можно было четко расслышать шелестящий рев первых падающих бомб. Мы инстинктивно втянули головы в плечи. Когда взорвавшиеся бомбы отозвались в наших барабанных перепонках объемным и ужасным «крумп», Хелбиг обеими руками схватил мою руку и сжал ее очень сильно, до боли.

Затем наступила пауза, когда слышна была только зенитная артиллерия. Очевидно, люди возле пушек поблизости от нас выжили. Гул двигателей усилился и тотчас же снова стал стихать, прерываемый разрывами бомб с взрывателями замедленного действия. Лица людей вокруг меня были покрыты белой пылью, поднятой взрывами внутри укрытия. Я слышал, как кто-то сказал:

— Следующая волна…

— Mamma mia, mamma mia! — завопил истерический голос рядом со мной, и, прежде чем я успел что-либо сделать, одна из пыльных фигур на земле обхватила меня за талию и прижалась ко мне в поисках защиты.

— Mamma mia, mamma mia! — Крик продолжался без перерыва.

Снова послышался отвратительный свист бомб. Итальянец невыносимо сковывал мои движения, но в тот самый момент, когда от мощных взрывов у всех нас подогнулись колени и я почувствовал, что вот-вот упаду, долговязый немецкий солдат оттащил от меня итальянца и отвесил ему звучную оплеуху.

Затем все стихло. Через два входа в нашу темницу медленно дрейфовала пыль, и теперь были слышны лишь одиночные взрывы. Мы осторожно поднялись по ступенькам наверх. Нашим взорам предстала картина разрушений. Клочок земли с увядшей травой, который тянулся от входа до капониров самолетов, представлял отвратительный, изрытый воронками пейзаж, в то время как над местом, где мы поставили «сто девятые» на стоянку, высоко в воздух поднимались два масляно-черных дымных столба. Осколки бомб пробили их топливные баки и зажгли бензин. Воздух над горящими самолетами колыхался от высокой температуры. Огромное облако пыли, висевшее над остальной частью аэродрома, подобно белому одеялу, скрывало ее из вида. Но мы очень четко видели, что осталось от двух наших горящих самолетов, которые теперь уже никто не мог спасти.

Затем я нашел какой-то автомобиль, на котором добрался до командного пункта инспектора истребительной авиации. Мой печальный рассказ произвел не большое впечатление на генерала. Вместо того чтобы ходить вокруг да около, он перешел к обсуждению обороны острова:

— У меня больше нет никаких сомнений в том, что идет обработка острова перед высадкой десанта. Теперь, когда Пантеллерия капитулировала без единого выстрела, они больше не нуждаются в авианосцах. Мальта и Пантеллерия — идеальные плацдармы для истребителей — больше того, это непотопляемые авианосцы. Бомбардировщики же еще летают издалека, из Туниса, Бизерты и Триполи.

— Так мы можем столкнуться с истребителями над любой точкой острова?

— Действительно можете! Даже когда бомбардировщики атакуют Мессинский пролив, их еще могут сопровождать «Лайтнинги».

Я встретился с дальним истребителем «П-38» «Лайтнинг» в последние дни кампании в Северной Африке. Наши мнения об этом двухбалочном, двухмоторном самолете были различными. Наш старый «мессершмитт» все еще, возможно, был немного быстрее. Но пилоты, которые вступали с ним в бой, говорили, что «Лайтнинг» мог выполнять гораздо более глубокие виражи и оказывался у вас на хвосте, прежде чем вы понимали, что

случилось. Рассказы об их вооружении были, несомненно, преувеличены. Шесть пулеметов, установленных в носовой части, предполагалось, давали высокую плотность огня, от которого не было спасения. Конечно, когда они начинали стрелять, казалось, что трассеры льются словно из душа, и надо было обязательно маневрировать, чтобы не дать вражескому летчику возможности занять позицию для открытия огня. Уже некоторое время американцы использовали их для штурмовок дорог в южной части острова, чтобы они, не встретившись с нами в воздухе, не возвращались обратно с полным боекомплектом. Наземные войска поэтому уже боялись их.

— Как мы можем выжить при таком неравенстве сил, если нас уничтожают на наших аэродромах? — спросил я.

Генерал стал развивать идею, о которой упомянул несколькими днями прежде в телефонном разговоре со мной.

— Мы должны использовать три истребительные группы, которые имеем, для серии одновременных ударов. Мы сможем произвести впечатление на врага, только если сконцентрируем все наши силы. Риск очень велик, так как у нас на острове нет достаточного числа аэродромов. Если мы собираемся атаковать врага всеми тремя группами, мы должны будем собрать их по возможности на одном аэродроме.

— Это чертовски опасно, — возразил я. — Вчера в Трапани нас неожиданно атаковали двухмоторные бомбардировщики и мы пережили налет только потому, что их прицеливание было паршивым. Но одна серия коврового бомбометания в стиле «Крепостей» могла легко положить конец действиям истребителей на Сицилии.

Генерал был убежден, что его идея верна.

— Если мы не пойдем на этот риск, — сказал он невозмутимо, — будем и дальше разбазаривать небольшие боеспособные силы, имеющиеся в нашем распоряжении. Если вы попытаетесь сохранить все, кончится тем, что не сохраните ничего, и каждый раз, когда мы взлетаем, получив предупреждение от пеленгаторов, наши действия как укус комара — их не замечают. В любом случае это то, чем вы занимались, с относительным успехом. Нет, мы должны придумать что-то новое. Создадим два основных сектора. Вы будете из Трапани

руководить операциями на западе, и, в зависимости от обстоятельств, истребительные группы будут направлены к вам в Трапани или в Шакку.

— Но что мы станем делать, если Трапани и Шакку больше нельзя будет использовать?

— Вы должны найти запасные взлетно-посадочные площадки. Возьмите «шторьх» и проведите разведку западной части острова. Там непременно есть какие-нибудь поля и луга, которые можно превратить в импровизированные аэродромы. В случае, если вы не сможете ничего найти на западе, мы всегда сможем предложить множество мест для взлета и посадки вокруг Джербини. Этот аэродромный узел будет не так просто вывести из строя.

Сейчас генерал проявлял те качества, которые я любил в нем: твердость и решительность в выполнении плана, как только тот оформится.

Я спросил его:

— Мы можем рассчитывать на подкрепление? Я имею в виду, имеется ли возможность перебросить откуда-нибудь одну или две истребительные группы, чтобы поддержать нас?

— Откуда-нибудь, — произнес генерал, пожимая плечами, — откуда-нибудь! Вокруг так же, как и здесь, их не хватает. Вы недавно были на востоке. Что вы собираетесь оттуда перебросить? А противовоздушная оборона рейха? Там уже не хватает нескольких групп! А кроме того, где вы их собираетесь размещать? На острове больше нет места для истребителей.

В течение нескольких секунд я молча смотрел генералу прямо в глаза. Он выдержал мой пристальный взгляд спокойно и не отводя глаз.

— Если нас не уничтожат на земле, — сказал я, — то, по самым благоприятным оценкам, мы бросим в воздух сотню «Ме». Каковы силы союзников?

Его первой реакцией был саркастический смех.

— Ради Небес, кто в истребительной авиации сегодня все еще

беспокоится о соотношении сил? Когда я сообщаю вам, что союзники имеют приблизительно пять тысяч самолетов против наших трехсот пятидесяти, это означает, что вы можете рассчитывать получить огромное число возможностей для того, чтобы сбивать их.

Мы вышли на веранду, чтобы понаблюдать, как звено истребителей из эскадры «Туз пик» вылетает на разведку над Пантеллерией. Самолеты, оставляя позади себя облака пыли, поднялись в воздух практически одновременно. Все выглядело так же, как и в давние дни, когда эта эскадра ежедневно выполняла по нескольку вылетов над Мальтой.

Затем генерал объяснил мне общую обстановку: — Управление обороной острова находится в руках итальянцев. Штаб их 6-й армии расположен в Энне. Они располагают значительными силами, предназначенными для обороны, — во всяком случае, тактические символы, которые вы видите на этой карте, указывают на два корпуса и шесть дивизий береговой обороны. Но подавляющее большинство их укомплектованы уроженцами острова, пожилыми мужчинами из старших призывных групп. Береговые оборонительные сооружения построены кое-как, и большая их часть — скорее украшение, чем препятствие. Немецкие части на Сицилии не были боевыми — сформированными как панцергренадерские дивизии, — пока мы не эвакуировались из Северной Африки и высадка десанта не стала неизбежной. Несколько дней назад сюда была переброшена дивизия «Герман Геринг», что для армии много. Я не думаю, что мы получим еще подкрепления. Есть большая группировка зенитной артиллерии, обороняющая Мессинский пролив. Пока она использовалась в своей обычной роли. Ее, конечно, также можно использовать и против танков. Но она должна оставаться там, где находится, — пролив опасное узкое место и должен быть защищен от ударов с воздуха всеми доступными средствами. Все зависит от того, где высадятся союзники. Сейчас об этом идут жестокие споры. Были дикие предположения о возможной высадке южнее Неаполя, на Сардинии и даже на юге Франции, но все согласны в одном — они собираются высадиться на континенте.

Я спросил, как генерал-фельдмаршал оценивает наши возможности по успешной защите острова?

— Генерал-фельдмаршал? Вы знаете, что он имеет привычку

всегда видеть ситуацию в положительном свете. Он верит, что мы сможем сбросить врага обратно в море при условии, что наше контрнаступление будет решительным. Итальянцы, однако, не разделяют его оптимизм.

— Сколько дивизий союзников могут высадиться?

— Шестьдесят. Да, вы правильно поняли меня: шестьдесят, шесть — ноль! Во всяком случае, так говорят люди из разведки. Американская 7-я армия находится в Оране, Алжире и Бизерте, в полной готовности, а знаменитая британская 8-я армия перегруппировывается в Триполи и Египте. Готовясь к десанту, британцы и американцы собрали на Средиземноморье мощный флот. Только британцы имеют восемь линкоров, которые могут использовать для обработки побережья. Кроме того, есть авианосцы «Индомитабл» и «Формидабл», чьи истребители, как предполагается, прикрывают флот, силы которого, конечно, весьма излишни, так как в руках противника Мальта и Пантеллерия. Наконец, существует множество крейсеров, эсминцев и подводных лодок, но сколько — мы не знаем. Большинство десантных судов принадлежат американцам.

В то время как генерал сделал паузу, чтобы заняться своей черной сигарой, я бросил мысленный взгляд в прошлое. Лишь год назад — это было в июне 1942-го — британский флот понес серьезные потери в ходе крупной операции по помощи Мальте. Бомбардировщики 10-го авиакорпуса с острова Крит непрерывно атаковали корабли, плывшие из Александрии, в то время как конвой, шедший из Гибралтара, был атакован 2-м авиакорпусом, базировавшимся на Сицилии[57]. Какова же была цена нашей боевой мощи теперь?

Я сказал генералу что-то относительно этого, но он отмахнулся:

— То, что мы сейчас переживаем, это подготовка к десанту. Их намерение состоит в том, чтобы ликвидировать угрозу со стороны военно-воздушных сил оси, их главной целью, конечно, являются бомбардировщики и части «Штук»[58]. Это воздушное наступление, масштабы которого еще не имели прецедента в ходе войны.

Он снова прервался и задумчиво смотрел перед собой, как будто ища решение. Я использовал эту возможность, чтобы

направить разговор на предмет, которого мы мысленно избегали с самого начала беседы.

— Господин генерал-майор, я хочу сообщить вам, что мои командиры групп собираются предложить себя для суда трибунала. Они говорят, что вы не можете выбрать одного труса в группе, бросая игральные кости, поэтому настаивают, что судить должны именно их.

Я собирался добавить несколько горьких комментариев, но он прервал меня энергичным жестом:

— Я же абсолютно ясно сказал вам, что вы не должны предпринимать никаких действий! Боевое донесение произвело хорошее впечатление в штабе флота.

Его командующий делает все возможное, чтобы рейхсмаршал отменил свой приказ.

— Господин генерал-майор, все равно он не сможет стереть это как обычный карандаш. Пилоты переживают горькую обиду и чувствуют себя оскорбленными. Сейчас вы высказали мысль относительно численно превосходящего противника, с которым мы сталкиваемся каждый день. Я уверен, что мы можем восполнить недостаток численности только превосходящим качеством, объединенным с соответствующей решимостью продолжать борьбу. Но наши истребители уже не лучше самолетов союзников. Вы по себе знаете, по ходу боев над Англией, что этот маятник обычно качался в зависимости от того, наши ли собственные самолеты или машины врага имеют преимущество в каждый конкретный момент. Этого больше не происходит; прошло много времени с тех пор, когда мы имели преимущество. Когда в апреле прибыл сюда с Восточного фронта, чтобы снова вступить в схватку с британцами после двух лет боев с плохо обученным и в техническом отношении более слабым противником, я был вынужден с горечью осознать, что в игре в «кошки-мышки» над Североафриканской пустыней роли полностью поменялись. Абсолютно ясно, что «мышки» теперь мы.

— Я знаю, что вы хотите сказать, — ответил генерал тоном, который показывал, что он понял. — Но в операциях истребителей, проводимых умело и точно, удача и успех все еще на нашей стороне.

— Но, господин генерал-майор, люди не машины! Большинство пилотов уже давно достигли предела своих возможностей. Я подразумеваю, что наступает стадия, когда приказы не могут заменить моральных качеств.

— Что вы имеете в виду?

— Я пытаюсь сказать, что храбрость или высшее самообладание просто не могут быть воспроизведены по приказу, и уж тем более, если эти приказы фактически упрекают, оскорбляют и унижают.

— Ради Небес, я не хочу больше это слушать! Я сказал вам, что он не подразумевал этого…

Я с сомнением покачал головой:

— Меня пугают, господин генерал-майор, его действия…

Мы молча сидели друг напротив друга, зная, что оба думаем об одном и том же. Я понял генерала и оценил, что он не мог позволить себе быть неосторожным. Что касается меня, то я испытывал побуждение покончить, наконец, с тем, что долго тяготило меня и, фактически, каждого командира эскадры.

Что-нибудь действительно изменилось с тех пор, как в 1941 г. я разыскал генерала в его штабе в Восточной Пруссии, чтобы заручиться его поддержкой и не допустить принесения моей истребительной группы в жертву в качестве пехоты на Восточном фронте?

В то время мы занимали аэродром на окраине города Клина и температура внезапно на короткий промежуток времени опустилась почти до минус 50° по Цельсию. И было это именно тогда, когда свежие, хорошо оснащенные, акклиматизировавшиеся части из Сибири с сотнями новых танков прорвали немецкий фронт. Армии не оставалось ничего иного, как капитулировать перед генералом Зимой. Двигатели наших истребителей отказывались запускаться из-за замерзшего масла. Мы уничтожили самолеты и отступали пешком. К моменту, когда фронт стабилизировался около Ржева, группа прибыла на резервные квартиры в земляных бункерах около Смоленска. Именно там мы получили приказ в полном составе, офицеры и рядовые, пилоты и наземный персонал, немедленно выступить на

фронт и вступить в бой с русскими, которые угрожали прорваться между Ржевом и Вязьмой.

Не теряя времени, я запросил разрешение встретиться с инспектором истребительной авиации, находившимся в Восточной Пруссии. Эта возможность мне была предоставлена, и я вылетел в Инстербург[59]. Там я умолял генерала как можно скорее вмешаться, прежде чем группа погибнет. Я выразил сомнение в оправданности этого приказа, поскольку летчики не прошли никакой подготовки как пехотинцы и будут эффективны не более, чем экипаж подводной лодки на земле. Я сказал ему, что полное уничтожение группы станет невосполнимой потерей для нашей боевой мощи.

Генерал — он только что был назначен инспектором истребительной авиации[60] — молча выслушал меня. Я говорил искренне и с осуждением последних событий на фронте, которые были свежи в моей памяти. Затем он в своей обычной спокойной манере стал рассказывать о проблемах с нашим производством самолетов. Он долго и безуспешно пытался убедить рейхсмаршала в необходимости большего числа истребителей и истребительных групп. Хотя это было утопией, он продолжал доказывать, надеясь провести наступательную кампанию в воздухе, как только мы потеряли инициативу. Наконец, тот согласился, хотя и несколько неохотно, ускорить производство истребителей и сформировать большее число групп. Однако теперь они выбрали этот самый момент, чтобы позволить пилотам погибнуть в окопах на земле! Он уверил меня, что сделает все возможное, чтобы предотвратить использование истребительной группы в роли пехоты.

С чувством большого оптимизма я покинул его штаб и отправился обратно в свою группу. Однако в то время, как я был далеко, произошло ужасное: персонал группы был включен в полевую дивизию люфтваффе, которой заткнули участок фронта, прорванный советскими войсками между Ржевом и Вязьмой. И офицеры, и рядовые успешно и храбро защищали выделенный им сектор, хотя не были обучены и не были оснащены для боевых действий в качестве пехоты в морозных субарктических условиях. В ходе одной из ночных атак русские смогли вклиниться в удерживаемый группой сектор, идя со штыками и ручными гранатами на штурм неопытных обороняющихся. На рассвете наши люди смогли отбить потерянные позиции и получили обратно своих погибших, чьи трупы были заморожены на

убийственном холоде, они были изуродованы прикладами винтовок до неузнаваемости. Среди убитых были четыре пилота, молодые офицеры, включая адъютанта, некоторые из них — наиболее эффективные члены моей группы. Инспектор истребительной авиации выполнил свое обещание освободить нас от роли пехоты. Мы прибыли в Восточную Пруссию и вскоре были перевооружены «Ме-109» новой модификации. Однако потери среди личного состава сказывались еще долго, и прошли месяцы, прежде чем группа восстановила прежние стандарты технического обслуживания и боеспособность.

Тот разговор с моим начальником, человеком, уважаемым каждым летчиком-истребителем, продолжился теперь, и я говорил с ним, как могут говорить доверяющие друг другу люди.

— То, что рейхсмаршал требует от летчиков-истребителей, бесчеловечно! — начал я. — Он не понимает, что непрерывные боевые вылеты могут истощить физические и нервные ресурсы человека. А если понимает, то это его не волнует.

Генерал знал это, но, в силу своего твердого характера, не мог признать.

— Вам знакома обстановка в рейхе, — сказал он. — Сентиментальные соображения соответствуют ей теперь меньше, чем когда-либо.

— Вы можете называть их сентиментальными, господин генерал-майор, но скоро у вас не останется истребительной авиации, если верховное командование люфтваффе будет игнорировать тот факт, что мы люди, а не машины.

— Кого вы имеете в виду, когда говорите все это? — ответил он горько. — Вы действительно полагаете, я не знаю того, что можно и чего нельзя требовать от вас? Воздушная битва против Англии, которую мы проиграли самым унизительным образом, повлекла за собой слишком большие жертвы. Вы знаете так же хорошо, как и я, что мы потеряли много очень опытных парней, которые погибли или закончили свой путь в лагерях для военнопленных. Однако вы, пилоты, достаточно долго относились ко многим вещам слишком легко. Вы были испорчены как войной на Востоке, так и легкими победами в ходе головокружительного наступления Роммеля на Александрию. Теперь вы со страхом обнаружили, что славы, которая легко дается, больше нет, и все,

что осталось, — это ежедневные воздушные бои с непреклонной готовностью вести их из последних сил.

— Вы должны простить меня, господин генерал-майор, но я предлагаю немного упростить вопрос. «Бои из последних сил» — это не то, что вы можете ожидать ежедневно. Я уверен, что вы не нуждаетесь в немецких камикадзе. В конце концов, главная ценность летчика-истребителя в его умении выжить, несмотря ни на что, и в возможности сбивать противника завтра, так же как и сегодня. Вы говорите, что мы легко добивались славы. Я думаю, что Верховное командование соответственно всегда делало так, чтобы нам хватало трудностей. Наши части заплатили большими потерями за дни больших успехов, так же как и за Битву за Англию. Когда дела шли хорошо, наши победы смаковались и мы превращались в суперменов и национальных героев, пожинавших почести, какие только были. Это абсолютно удовлетворяло Верховное командование, поскольку любой из нас, в силу своего возраста, должен был жаждать успеха. Теперь же, когда наши победы и успехи стали редкими, командование ругает нас за то, что мы добивались всего слишком легко. Когда погибли Марселль[61] и Мюнхенберг, еще ни один «Лайтнинг» и ни одна «Летающая крепость» не появились над Северной Африкой, и легкие победы, о которых вы говорите, можно было одерживать. Однако и эти двое, лучшие пилоты среди тех, которых мы имели, погибли. Проблема достигла существующих размеров не потому, что мы стали ненастойчивыми или трусливыми, а потому,» что люди не могут сражаться без остановок, подобно роботам, которых можно выбросить, когда их пружину нельзя больше заводить. Именно поэтому мы ничего не способны сделать дальше. Вы, конечно, не думаете, господин генерал-майор, что мы можем бить парней из Техаса, таких свежих и отдохнувших, на наших добрых старых «сто девятых» просто потому, что мы потомки воинственных людей с воинственной историей, смелые, бесстрашные и агрессивные? Конечно, мы на милю впереди них с точки зрения опыта, но наши ветераны теперь — скорее изношенные, обветшалые машины, для обслуживания или восстановления которых ни у кого нет времени. Большинство из них были в так называемом «действии» в течение трех с половиной лет, на протяжении которых совершали по одному, а иногда по нескольку боевых вылетов в день. Они делали это потому, что не было альтернативы. Любой, имеющий чувство собственного достоинства, не будет стоять в стороне, в то время как его товарищи делают грязную работу. Вы сказали бы, господин генерал-майор, что командир эскадры, который

продолжает вести свою часть, потеряв в воздушном бою глаз, делает это из тщеславия или потому, что считает себя не подходящим для штабной работы? Или что это вы заставляете командира с раздробленной рукой воевать, привязав ее к рычагу сектора газа? Он всегда мог сказать «у меня нет больше сил», и никто не подумал бы о нем ничего плохого.

Меня вдруг внезапно осенило, что я могу так говорить с генералом только потому, что мы ровесники, еще потому, что он должен чувствовать то же самое, что и я. Он добился первых успехов в ходе Битвы за Англию и развил тактику воздушного боя вместе со своим предшественником[62]. В течение долгого времени он молчал, потягивая свою черную сигару и, очевидно, размышляя над моей речью.

Затем он спокойно, словно обсуждал погоду, ответил:

— Все, что вы говорите, верно и в то же время неверно. Вы критикуете высшее командование и рейхсмаршала, но так же, как и я, знаете, что есть упущения, которые никогда не могут быть исправлены. Вы описываете верхние и средние эшелоны командования как далекие от реальности и утверждаете, что они не понимают «вашу» или, скорее, «нашу» войну. Но где им взять опыт современной воздушной войны, если командиры истребительной авиации отказываются служить в штабах и Генеральном штабе? В высшей степени спорно, что они могут хорошо служить своей стране, когда каждый лишь наполовину пригоден для действительной службы. Подразделение, которое управляется с отчаянным фанатизмом, но со слабыми силами и плохими нервами, — это плохо управляемое подразделение, Штейнхоф. Посмотрите, с чем я сам сталкиваюсь: добиваюсь немедленного увеличения истребительной авиации и имею основания полагать, что мои предложения будут приняты, и в то же самое время я отлично знаю, что старших командиров с должной квалификацией можно пересчитать по пальцам одной руки. Сегодня многие группы и эскадры возглавляют люди, которые фактически не более чем компетентные командиры эскадрилий. Вы сами знаете, что есть те, кто ищет и ведет бой, и те, кто просто действует…

— Но тогда, господин генерал-майор, это невозможно, — перебил я взволнованно. — Как мы можем создать большее число эскадр и групп и освободить для штабной работы опытных командиров, если их и так не хватает?

— Я сейчас только сказал, что дело, которое не было завершено, уже никогда не может быть сделано хорошо, по крайней мере в роде войск, который, словно пожарная команда, должен быть постоянно начеку, поскольку всегда найдется пожар, который необходимо тушить. Не спрашивайте меня, как достичь невозможного. Наши резервы еще не исчерпаны; мы можем переучить пилотов бомбардировщиков и использовать их большой опыт, есть и много других вещей, которые можем испробовать. Но, несмотря на все препятствия, мы должны получать реальный результат. До сих пор мы терпели неудачи в атаках «Летающих крепостей», самого эффективного оружия противника. Рейхсмаршал разгневан из-за этого, и это справедливо. Вы все должны сконцентрироваться на одной, и только одной цели — сбивать бомбардировщики. Забудьте об истребителях. Единственная вещь, которая имеет значение, — это уничтожение бомбардировщиков и десяти членов экипажа внутри каждого из них.

Это, думал я, еще вопрос: прав или нет рейхсмаршал, гневаясь на наши предполагаемые провалы. Когда враг получил новое всесильное оружие, чье развертывание было предсказуемо и которым, еще лучше, надо было обеспечить собственную сторону, нет никакого смысла обвинять солдат, которые с самого начала беспомощны перед ним. Но было бесполезно ссылаться на это в споре с генералом, поскольку он это отлично знал сам. Надо было, чтобы кто-нибудь сказал об этом рейхсмаршалу, но, вероятно, ни у кого не хватало смелости сделать это.

И тогда я сказал:

— Истребительная авиация есть истребительная авиация, господин генерал-майор. Летчики-истребители обучены вести бой, и они, как ожидается, будут это делать всякий раз, когда есть возможность. И тут ничего нельзя изменить. В ходе Битвы за Англию я, на свой грех, принадлежал к группе, чья исключительная задача состояла в прикрытии бомбардировщиков над Лондоном и Южной Англией. Я не могу придумать более идиотское занятие для летчика-истребителя, чем эти челночные полеты к Лондону и обратно. «Держитесь около бомбардировщиков любой ценой, — строго приказали нам. — Не вступайте в бой со «Спитфайрами». Не поддавайтесь соблазну атаковать их, даже когда они находятся в идеальном положении. Оставайтесь с бомбардировщиками». Это вбивалось в нас

бесконечно. И если человек это делал шестьдесят раз, как я, если он покорно летел рядом с «хейнкелями» и «Дорнье», которые на высоте между 7600 и 8200 метрами ползли в темпе пешехода, если он время от времени видел вверху над собой сверкающие конденсационные следы собиравшихся «Спитфайров», которые были предупреждены дальними пеленгаторами и ждали эту процессию над Дувром, если он видел усмешки их пилотов, когда они пролетали около него, пока не пришло время нанести удар сначала по эскорту, а затем по бомбардировщикам, — если человек испытал все это, как он может не иметь сомнений в проницательности Верховного командования?

Я на мгновение сделал паузу, на случай, если генерал захочет сказать что-нибудь, поскольку он сам над Англией играл в эту подрывавшую моральный дух игру. Однако он молча смотрел на меня, и у меня сложилось впечатление, что он ждет, когда я продолжу.

— Тогда на Восточном фронте, где кризисы, казалось, следовали друг за другом почти непрерывно, мы получили строгие инструкции ограничиться штурмовками наземных целей, используя пушки и пулеметы, и воздержаться от «дурацкой» практики сбивать самолеты. Мои протесты против такого метода повышения морального духа наших войск были столь же бесплодны, как и мое стремление заставить штаб авиакорпуса понять, что уничтожение советского бомбардировщика или «Ил-2» принесет больше помощи армии, чем захватывающая стрельба из пушек над головами пехотинцев, которые, возможно, выражали ликование, бросая свои кепки в воздух. Но когда опытные и надежные пилоты несколько раз сбивались, пораженные пулями из каких-то идиотских винтовок, мой критицизм усилился, хотя я признаю, что часто переступал черту. И сегодня, господин генерал-майор, сегодня наши инструкции: «Уничтожайте бомбардировщики, не беспокойтесь об истребителях». Тогда мы хотим спросить, почему, после того как нам явно приказывали сбивать их, мы не делаем этого.

— Как выдающийся пример, они держат перед нами воздушный флот «Рейх»[63]. Но они, кажется, забывают, что мы здесь, прежде чем добраться до бомбардировщиков, сначала должны сцепиться с истребителями с Мальты и Пантеллерии, которые всегда имеют достаточно топлива. Что случится, когда американцы получат возможность использовать эскорт

истребителей при налетах на рейх? И что, тогда там не будет таких же криков и скрежетания зубами?

— Ага, — неожиданно вставил он замечание, — так вы полагаете, что эскорт истребителей выполняет определенную задачу! Она состоит в том, чтобы позволить бомбардировщикам беспрепятственно приблизиться к цели и сбросить бомбы. Но когда обе стороны делают одно и то же, это не то, что нужно, поскольку решающим фактором будет удача. И она, как это ни прискорбно, сейчас находится на другой стороне. Вы думаете, что я слепой и не вижу, что создавать эффективную противовоздушную оборону Сицилии — безнадежное дело? Помимо явного численного превосходства, нападающие имеют все другие преимущества. Но это не освобождает вас от обязанности принять новую тактику. Если испытываешь нехватку материальных ресурсов, чтобы противостоять новому оружию, то должен попытаться сделать это путем новых способов боя. Вы должны сконцентрировать ваши немногие оставшиеся боеспособные самолеты и должны сбивать бомбардировщики. Может быть, американцы и британцы смогут возвращаться после таких мясорубок, но однажды у них не останется людей, если вы будете продолжать утилизировать их экипажи.

Транспортная связь с материком жизненно важна для нашего существования, сумеем ли мы, в случае высадки, удержать остров, или же придется эвакуироваться с него. Материальное снабжение не должно быть прервано. И если мы должны будем оставить Сицилию, движение паромов должно обеспечиваться до последней минуты. На этой стадии войны Мессинский пролив имеет решающее значение для нашей судьбы.

Мессинский пролив, повторил я мысленно. Как часто прежде в истории Запада, Мессинский пролив снова был в центре внимания. На материке, в «носке» Италии, лежит деревня под названием Сцилла, а перед ней, на острове, Каридди, — Сцилла и Харибда.

Наш грузовик сломался на ухабистой дороге, ведущей к взлетной полосе «шторьха». Последнюю сотню метров я и Хелбиг преодолели пешком и присоединились к сидящему на корточках под брезентовым тентом летчику, который одновременно исполнял функции коменданта аэродрома, механика и офицера управления полетами.

Бахманн вылетел из Трапани на «шторьхе», чтобы забрать меня. Хелбиг должен был остаться и ждать его следующего прилета, но тоже должен был быть в Трапани к вечеру. Без наших «шторьхов» мы были бы немобильными и беспомощными. Подвиги, совершенные этими маломощными хитроумными изобретениями из ткани, фанеры и легких сплавов, были почти невероятными. Они сопровождали нас на безграничных пространствах России, продолжали летать и в зное украинского лета, и на жестоком морозе северной зимы. Они не были быстрыми и действительно не были «настоящими» самолетами по сравнению с нашими истребителями, обладавшими высокими летными качествами, однако могли преодолевать в течение дня огромные расстояния. При полете при сильном встречном ветре складывалось впечатление, что они стоят на месте. Но было бы ошибкой предполагать, что они кротко подчинялись, когда их выбирали неопытные летчики со слабым чувством полета. Аварии с участием «шторьхов», на которых летали пилоты, незнакомые с ними, были нередкими. В начале войны считалось особой привилегией летать на «шторьхе» или даже иметь один из них в подразделении.

Видя одну из этих машин, я неизменно вспоминал инцидент, уникальный в моей летной карьере. После совещания у рейхсмаршала, передав свою прежнюю ночную эскадрилью преемнику, я принял новую эскадрилью, базировавшуюся около столицы. И почти сразу был вызван в Шёнефельд[64], чтобы обсудить с начальником технического управления люфтваффе технические проблемы ночного боя. Мы стояли на бетоне перед одним из ангаров и ждали прибытия генерала. В дополнение к командирам эскадрилий, командиру недавно сформированной ночной истребительной группы, также присутствовали офицеры из зенитной артиллерии и технической службы. Все соглашались, что вопросами ночного боя были, с одной стороны, взаимодействие между зенитной артиллерией и истребителями, а с другой — технические проблемы, касающиеся определения местонахождения и навигации. Разбившись на маленькие группы, мы ходили взад и вперед, обсуждая это, в то время как резкий ноябрьский ветер резал нас словно нож. Внезапно над дальним концом аэродрома появился генеральский «шторьх»; сделав над стоянкой крутой вираж, он остановился прямо перед нами, спустя момент после того, как его колеса коснулись земли. Генерал был одет в черное кожаное пальто, которое контрастировало с его ярко-белыми лампасами. Он дружески приветствовал нас, обменялся рукопожатиями с нами и сразу же приступил к

неформальному обсуждению. Без того, чтобы упрекать нас, он сказал, что наши нескоординированные и достаточно хаотичные ночные атаки на британцев пока неудачны и что он хочет выяснить, почему это происходит. Мы приложили все усилия, чтобы объяснить ему то, на что я уже пробовал указать рейхсмаршалу в своем злополучном выступлении, а именно то, что было фактически невозможно с неадекватными средствами, имевшимися в нашем распоряжении, обнаружить и атаковать одиночный бомбардировщик. Мы рассказали об удачных перехватах, произведенных случайно во время ночного патрулирования на одноместном «мессершмитте» без надежного навигационного оборудования. Зенитчики сказали, что у них недостаточно прожекторов и что эти немногие, рассеянные вокруг важнейших объектов на территории рейха, образовывали сеть со слишком большими ячейками.

Офицер-инженер, которого я не знал, говорил о «новой вещи», называемой радиопеленгатором, которая могла обнаружить невидимый вражеский самолет ночью и в тумане.

Но я хорошо помню замешательство, которое вызвало обсуждение, как предотвратить вражеские ночные налеты. Очевидно, опасность ночных бомбежек наших городов еще не воспринималась всерьез, а возможность британских налетов на Берлин исключалась полностью.

После окончания этого обсуждения я точно понял, что ничего не изменится ни для меня, ни для моей эскадрильи и что мы продолжим летать на наших одноместных «мессершмиттах» в черной как смоль ночи — летать, но не сражаться.

Поскольку генерал намеревался улетать, мы собрались вокруг его «шторьха». Неожиданно он спросил меня, — возможно, запомнив по совещанию у рейхсмаршала, — хочу ли я сопровождать его обратно в Штаакен[65]. Я без колебаний занял заднее место в кабине и застегнул привязной ремень. Он молча передал мне назад свою фуражку, чтобы я подержал ее. Я взял ее осторожно, двумя руками, как будто это было что-то чрезвычайно драгоценное.

— Теперь я хочу показать вам, на что «шторьх» способен.

Произнеся это, он дал полный газ и после очень короткого разбега оторвал самолет от земли. Носом против ветра мы

поднимались, словно воздушный шар. Затем этот великолепный мастер воздушной акробатики безупречно выполнил программу из глубоких виражей и замедленных разворотов с крутым креном. Все это происходило непосредственно над небольшой стоянкой, с которой мы взлетели и с которой оставшиеся участники встречи наблюдали за нами, задрав вверх голову.

В конце концов он взял курс на Штаакен. После того как мы какое-то время летели над предместьями большого города, он повернулся и спросил меня: «Вы курите сигары?» Когда я ответил положительно, он достал из нагрудного кармана две сигары, обернутые в серебряную фольгу, и одну протянул мне. Они были толстые и длинные, из изумительного табака, темного, насыщенного и ароматного, и, чувствуя себя в маленькой кабине как дома и дымя с большим удовольствием, мы летели над Берлином.

Прибытие Бахманна выдернуло меня из моих воспоминаний. Мы должны были дозаправиться и взлететь без задержки. Наш маршрут проходил через центральную часть острова. Теперь, когда вражеские истребители могли летать над Сицилией фактически как угодно, было желательно придерживаться смены их патрулей. По этой причине мы хотели как можно быстрее достигнуть северного побережья, так как оно находилось на пределе их радиуса действий и давало нам шанс лететь в относительной безопасности.

Одной из плохих черт «шторьха» было то, что почти неизменно его двигатель отказывался запускаться, если еще не остыл. И здесь, под солнцем, вертикально палящим на двигатель и кабину, ни о каком охлаждении не было речи. Мы заняли наши места, отлично зная, что нечего и мечтать о запуске с первой попытки. Механик, стоя на левом колесе, вставил заводную рукоятку в отверстие в капоте двигателя. Я подал ему знак, чтобы он начинал запуск.

Он стал крутить, и, пока он это делал, мы с Бахманном неторопливо обсуждали наш курс, поскольку знали, что пройдет вполне достаточно времени перед тем, как двигатель заработает. Пот начал заливать спину несчастного механика, который сопровождал каждый поворот ручки хорошо слышимым стоном, чтобы быть уверенным в том, что его усилия не проходят незамеченными. Я дал ему еще две минуты, прежде чем скомандовал:

— Зажигание выключено — засасывание!

Механик спрыгнул с колеса и принялся вращать пропеллер в противоположном направлении[66]. Но он был явно измотан.

— Бахманн! — сказал я с красноречивым кивком.

Он уже подозревал, что ожидает его, и теперь, сопя и вздыхая, покидал свое заднее место.

— Проклятая старая корова! — пробормотал он, нацеливая злобный пинок в одно из колес нашего ценного самолета.

— Запуск — зажигание!

Я включил оба магнето[67], и Бахманн еще раз начал решать трудную задачу. Механик, все еще тяжело дыша, усмехаясь, стоял в стороне, уперев руки в бедра. «Р-р-р», — изрек двигатель после пары поворотов рукоятки, но это было все. Тропическая рубашка Бахманна стала на спине темнеть от пота.

Они, должно быть, трудились полчаса. Затем Бахманн повернулся, посмотрел на меня большими жалобными глазами и просительно сказал:

— Господин майор?

Фактически он подразумевал: «Право — теперь ваша очередь!» Пожав плечами, я вылез из кабины. Без сомнения, он чувствовал себя измотанным, но действительно было довольно нахально делать такое предложение своему командиру эскадры. Бахманн удобно устроился в кресле пилота.

— Зажигание выключено — засасывание! — весело закричал он излишне громким голосом.

Физической активности не требовалось, чтобы вспотеть; лучи солнца через плексиглас жгли мой живот.

— Зажигание!

Едва я, приложив незначительное усилие, рукояткой провернул пропеллер на один полный оборот, двигатель как ни в

чем не бывало ожил и продолжал работать без признаков дыма или звуков невоспламенения топлива.

— С дороги! — крикнул я Бахманну, показывая, чтобы он быстро перебрался на заднее место и застегнул привязной ремень.

Он смиренно кивнул.

— Нет никакой справедливости, — это был его единственный комментарий.

Подбрасываемый турбулентным потоком теплого воздуха «шторьх» преодолел горный хребет и летел вперед через скалистое ущелье, на дне которого в скудных тенях между дубами неподвижно стоял черный рогатый скот. Затем долина перешла в плавно поднимавшееся плато. Слева от нас простирался огромный, голый горный массив. Двигатель гудел монотонно. Когда я передвинул тумблер зажигания вниз, обороты упали едва заметно. В кабине сильно пахло маслом и смазкой. Если я хотел перелететь через следующий хребет, я должен был сразу же начать набор высоты. Но температура масла была очень высокой, стрелка устойчиво стояла в каком-то миллиметре ниже красной черты. Я осторожно брал ручку управления на себя, следя за высотомером; нельзя было позволить машине терять много скорости.

За горным хребтом вдаль тянулось плато, которое закачивалось крутым обрывом, грозно нависавшим над пейзажем. На всем пространстве вокруг не было заметно ни одной деревни, только небольшие холмы, покрытые низким кустарником. В дальнем конце равнины утесы отбрасывали фиолетовые тени. Когда я облетал их, прямо передо мной на этой мирной, уединенной горе возник храм Сегесты[68], его высокие колонны и фронтоны казались сверхъестественными на жаре полуденного солнца. Под нашими крыльями, в дикой местности, лежала лестница, изящно изогнутая по направлению к горе. В поле зрения не видно ни души. Ниже в долине бежит железная дорога в Трапани, маленькая станция — единственный признак человеческой жизни.

— Сегеста! — закричал я. — Сегеста, Бахманн, древний храм!

Он наклонился к окну и, как и я, был немедленно очарован

красотой и великолепием сцены.

— Четыреста лет до нашей эры, — ответил он, извлекая то, что помнил из своих школьных дней. — Селинус[69] — Карфагенские войны.

Война, конечно, почти всегда на Сицилии. Греки, карфагеняне, римляне. Иностранные завоеватели. И теперь мы. Скоро, возможно, британцы и американцы. Сицилия обречена на это географическим положением: завоеватели прибывают или из Европы, или из Африки.

Но мощный храм уже остался позади последней горной цепи. Я развернул на колене карту и рукой измерил расстояние до Трапани. По моей оценке, было еще приблизительно двадцать минут лета. Я намеревался направиться к узкой посадочной полосе на склоне горы Эриче, на которую можно было зайти только с запада, что влекло за собой посадку в гору. Вылет в том же направлении был невозможен; мы всегда взлетали под гору, независимо от направления ветра.

Я не был встревожен и не предпринял никаких действий, когда увидел резкие, отчетливые тени самолетов, мелькавшие внизу, на земле. Они пролетели под нами, подобно грозным призракам, и на большой скорости умчались дальше вниз по склону. Только тогда я решил посмотреть вверх, чтобы определить происхождение этих темных призраков. То, что я увидел всего в сотне метров над нами, было второй волной элегантных истребителей, летящих на запад тем же самым курсом. Прошло несколько секунд, прежде чем я пронзительно прокричал: «Киттихауки!» — и в то же самое время автоматически среагировал, убрав газ и бросив «шторьх» в глубокий вираж. Надо было как можно быстрее посадить машину и затем бежать со всех ног. В то время как Бахманн крутил шеей, пытаясь получше разглядеть происходящее позади, и крикнул что-то похожее на «Подходит другая эскадрилья!», «шторьх» выровнялся и почти потерял скорость. Мы едва перелетели через песчаную дорогу, на обочинах которой росли огромные агавы, а затем наши колеса заскользили по мягкой земле крошечного кукурузного поля. Я подтянул ручку управления как можно ближе к своему животу, ожидая, что самолет в любой момент может скапотировать. Каменная стена в конце поля стремительно приближалась к нам. Я отчаянно жал на тормоза, последние обороты винта подняли вихрь песка и кактусовых листьев[70], и

хвостовое колесо шлепнулось на землю. Мы выскочили наружу и побежали с такой скоростью, с какой нас только могли нести наши ноги. Куда бежать, не имело значения, главное, чтобы как можно дальше от самолета. Мы оба одновременно решили, что одна определенная дюна представляет подходящее укрытие, и бросились вниз, затаив дыхание.

Шум двигателей «киттихауков» стихал вдали.

— Нам повезло, — сказал я, все еще задыхаясь после стометрового спринта. — Наш «шторьх» был бы лакомым кусочком для этих истребителей. Все равно он деформирован, чтобы летать теперь.

— Я думаю, только винт, — заметил Бахманн.

— Что же, нам сидеть здесь сложа руки и ждать новый винт? Где мы вообще? Пожалуйста, принесите карту.

Пока он ходил к самолету, я размышлял над неуловимостью судьбы и удачи, когда для человека наступал решающий час. Я думал о летчиках-истребителях, ветеранах с прославленными фамилиями, блестящих командирах и хладнокровных тактиках, которые провели сотни воздушных поединков. Что значил весь их опыт перед лицом тысячи и одного фокуса, припрятанного у фортуны в рукаве?

Почему случилось так, что ни один американский пилот не увидел беспомощный «шторьх», летевший под носом?

Согласно карте мы были всего в нескольких километрах от шоссе Палермо — Трапани. Бахманн пару раз вздохнул, когда я сказал ему, что пойду пешком к Каталафини[71] и что он отвечает за «шторьх», пока я не найду местных карабинеров и не вернусь вместе с ними.

Удобная тропинка вывела к шоссе, и после того, как я несколько минут шел по нему, рядом остановился большой итальянский армейский грузовик, чтобы подобрать меня. Всюду в Северной Африке и на Сицилии итальянские водители отличались высоким духом товарищества, который проявлялся в том, что они сами останавливались всякий раз, когда видели идущего пешком немца. Карабинеры без проволочек согласились взять под охрану «шторьх», и в пределах часа Бахманн был

сменен. После этого мы сели в «фиат», который должен был доставить нас в Трапани.

Интенсивного движения на шоссе не было. Мы встретили несколько грузовиков, перевозивших солдат и снаряжение. Около каждой деревни неизменно находился дорожный блокпост, состоявший из нескольких камней и бесполезной колючей проволоки, с величавой надписью «Posto di blocco». Посты были укомплектованы пожилыми карабинерами, которые добросовестно проверяли каждый автомобиль. После Каталафини шоссе спускалось вниз, в долину, через плотно заселенную местность и обильные виноградники. В деревнях мужчины, как всегда, праздно стояли и болтали перед кафе. Мирная вечерняя атмосфера, которой веяло от этих деревень и их наивных и набожных жителей, была обманчива. Я думал, что они должны иметь какие-то подозрения о том, что их ждет. Как они реагировали и что за слухи циркулировали на этом наиболее подверженном слухам из островов? Словно зная, что воздушное наступление союзников знаменует последнюю стадию их оккупации чужими для них немцами, они демонстрировали раболепное дружелюбие, но при этом под любыми предлогами отказывались от предоставления эффективной помощи. Громкие лозунги «Noi tireremo diritto» или, например, «Il duce ha sempre ragione», написанные метровыми буквами на фасадах и торцах зданий, вероятно, также никак не могли изменить эти настроения. Было много признаков, которые со временем каждый научился видеть и правильно понимать, показывавших, что здесь, на Сицилии, происходит не то, что дуче имел в виду…

Мы, конечно, также имели собственный опыт исторических прогнозов со стороны деятелей нашего Верховного военного командования. Однако мы были достаточно хорошо обучены, чтобы закрывать глаза на подобный опыт и думать о нем как о не относящемся к делу.

Перед спуском к морю шоссе делало последний подъем по серпантину через одну из немногих оставшихся на острове дубовых рощ. Мы медленно двигались по очередному повороту, когда на наши уши обрушились радостные такты энергичного военного марша. Мы с удивлением переглянулись. На самом краю дороги разместился итальянский военный оркестр в оливково-зеленой форме, полукругом расположив свои пюпитры вокруг дирижера, стоящего спиной к дереву. Они играли очень бодро, наполняя летний вечер высокими звуками своих инструментов.

Не спрашивая нас, наш водитель остановился. Он вышел и, сев на корточки, слушал программу воодушевляющих итальянских военных маршей, музыку, известную своим качеством и исполняемую, к нашему счастью, с большим жаром. Оркестранты в сдвинутых на затылки фуражках и с потом, сверкавшим на их бровях, с большим щегольством размахивали своими немного запятнанными медными инструментами. Вокруг них восседали на земле, сидели на корточках или лежали сотни сицилийцев с детьми всех возрастов, воспользовавшиеся этим неожиданным вечерним развлечением и превращавшие его в импровизированный народный праздник. Это было характерно для сицилийцев, которые неизменно страдали в ходе войн между большими державами. Они всегда, при любой представившейся возможности проводили свои праздники и всякий раз исчезали куда-то, когда иностранные армии начинали сражения. Радостные ноты издалека неслись вслед за нами, когда мы преодолевали последний поворот серпантина. Единственной внешней реакцией Бахманна на нашу остановку стали покачивание головой и замечание: «Если бы фюрер знал…»

Мы проехали знакомым маршрутом до виллы. Белая дорога мерцала в сумраке, отражая светлое небо. Пешеходы и запряженные ослами повозки, спешившие в город, были видны лишь как темные силуэты; только лица людей освещались последним светом. В деревне в седловине горы, как всегда в этот час, перед тратторией[72] стояла толпа людей. Я сбросил скорость, чтобы свернуть на узкую дорожку. Единственным ответом на мое приветствие был вялый ропот. На доме около поворота кто-то написал неровными метровыми буквами, все еще видимыми в наступающей темноте: «VINCEREMO!»[73]

Толстяк объявил, что краны работают, но я должен поспешить, если хочу принять душ, прежде чем воду снова выключат. Когда я раздевался, зазвонил телефон. Дежурный офицер сообщил, что после обнаружения большого соединения военных кораблей, двигающихся от Мальты, объявлена общая тревога. Задача эскадры состояла в том, чтобы на рассвете вылететь на разведку и перехватывать бомбардировщики. Это было похоже на любой другой день: вы забываете то, что делали сегодня, и думаете о том, как выполнить завтрашнее задание. Таков был наш образ жизни в течение последних четырех лет, но на самом деле наша жизнь стала такой перед войной, когда мы еще только учились летать.

Снова появились «Веллингтоны», и, когда начали падать первые бомбы, я отправился в грот. Я обнаружил, что все до одного снова собрались там, поскольку теперь стало традицией проводить ночь таким образом.

Они выслушали мой рассказ о бомбежке Комизо и вынужденной посадке на «шторьхе», как будто это было самое рядовое происшествие. Все здесь привыкли к убийствам, разрушениям и смерти. При этом они не сделали никаких комментариев, когда я пересказывал свой разговор с генералом.

— Доктор вернулся из Мессины, — объявил Толстяк. — Он сказал, что хочет зайти и поговорить с вами.

Доктор Шперрлинг сопровождал раненых на паром и вернулся с медицинскими препаратами, которые выпросил на складе. Он был нашим духовным отцом, заботившимся обо всех наших болезнях и духовных потребностях, и мы ужасно тосковали без него в течение этих двух дней, пока он отсутствовал. Как гинеколог он фактически был немного неуместен в нашем полностью мужском сообществе. Его мобилизовали с началом войны и, поскольку он немного летал на планерах, назначили в эскадру, в которой он с тех пор и оставался.

Его появление в гроте было встречено радостными возгласами. Польщенный теплым приемом, он широко улыбнулся, показывая свои плохие зубы.

— Привет, доктор, мы думали, что вы, должно быть, дезертировали. Что делают девочки в Мессине? — рассмеялся кто-то.

Доктор Шперрлинг никогда не терялся с ответом:

— Что я буду делать для вас, так это продолжать накачивать атебрином, пока вы еще не столь желты, как китайцы, но девочки будут последним, что придет вам в голову!

Независимо от температуры он носил китель хаки с накладными карманами. Если кто-то жаловался на то, что заболел, он немедленно начинал молча рыться в них перед тем, как извлечь пилюли всех размеров и разновидностей, таблетки от малярии, тропических болезней, диареи.

— Мессина выглядит ужасно. Тяжелые бомбардировщики почти все время атакуют ее. Паромы не могут использовать порты в Мессине или в Реджо. Они теперь идут в запасные гавани, но два больших парома уже утонули. Военные грузы доставляются на десантных судах и на паромах «Зибель», и эта работа выполняется весьма успешно. Наша зенитная артиллерия потрясающа. Вы понятия не имеете, какой заградительный огонь она ведет при каждом налете.

Осколки, падающие вниз, шумят подобно ветру, дующему сквозь крону деревьев.

— Несомненно, док, — дружелюбно сказал Кёлер. — Мы знаем, на что это похоже, только слышим это не так. Приходите к нам через некоторое время, когда мы, взлетев, на высоте 7700 метров видим вблизи тяжелые бомбардировщики, и эти грязно-серые взрывы перед вашим носом, и осколки летят всерьез, — если не возражаете против моих слов. Но если я когда-нибудь буду сбит нашей зенитной артиллерией, то действительно подумаю, что сошел с ума.

— Если у вас еще останется ум, — раздался голос из темноты.

— На шоссе между Мессиной и Палермо всегда большое движение, — продолжал доктор. — Но их истребители-бомбардировщики работают главным образом против дорожных мостов и туннелей. Недавно они стали атаковать одиночные автомашины. И явно наслаждаются этим.

* * *

Я не мог заснуть, хотя устал как собака. До этого времени я отказывался признаться самому себе, что уже долго был добычей беспокойства, формы внутренней эрозии, которая весьма отличалась от чувства страха. Страх всегда появлялся в какой-то конкретной ситуации, например непосредственно перед перехватом противника или в середине боя, когда ты понимал, что у тебя на хвосте «Спитфайр». Но если возникала такая ситуация, ты мог сражаться и действовать, и с изменением ситуации страх уходил. Чувство беспокойства, однако, приходило изнутри. Оно неизменно возвращалось на определенной степени морального истощения, когда вы были бессильны справиться с ним. Многие из самых храбрых прибегали к спиртным напиткам, чтобы рассеять это беспокойство. Несомненно, Фрейтаг был

одним из них. Я переживал эту форму беспокойства в течение долгого времени, с тех пор как мы потеряли уверенность в победе. Оно распространилось среди нас той ночью, когда мы были отрезаны на аэродроме в Калинине и могли слышать «ура» наступающих русских, не имея возможности ничего сделать. То же самое было на мысе Бон — последнем выступе Африки, остававшемся у нас в руках, — мы готовились бежать и еще не знали, удастся ли это нам.

И сейчас чувство беспокойства людям вокруг меня снова не давало спать или превращало сон в чуткую, тревожную дремоту на неудобных раскладушках. И это не имело ничего общего со страхом, который затрагивал каждый орган человека, парализовывал его на несколько секунд и от которого пересыхало во рту. Такие реакции вызывались внешними воздействиями и могли разительно отличаться. Например, я в прошедший полдень летел без мыслей в голове и не сразу почувствовал тревогу, которую должен был чувствовать при виде американских истребителей.

Подобные потрясения — неотъемлемая часть воздушного боя — могли быть спрогнозированы по мере того, как вы начинали осознавать самого себя и собственные реакции. Но было невозможно предвидеть все ситуации и способы, которыми можно было бы на них реагировать. Никто никогда не знал, что ждет его. Судьба нередко давала своей жертве время разобраться. Если его поврежденный самолет летел, то у пилота был выбор: сможет ли он преобразовать удивление или внезапность в необходимые действия, или же паника возьмет верх? Судьба также предоставляла ему время, чтобы перебороть себя или же, если удар был внезапным и сокрушительным, с горечью осознать человеческое бессилие, когда пылающий самолет падал на землю в пикировании, не поддающемся контролю.

> Наши собственные военно-воздушные силы имели слишком мало самолетов, чтобы позволить нам атаковать врага одновременно и мощно над Сардинией и Сицилией.
>
> *Военный дневник главного командования вермахта, вып. 3*

В течение трех дней NATAF и 9-я воздушная армия объединили свои силы в потрясающих атаках на

аэродромы в восточной части Сицилии, в то время как средние бомбардировщики NATAF обстреливали аэродромы, лежащие в западной и центральной частях острова. Джербини и его запасные аэродромы были полностью разрушены, наиболее мощный удар, нанесенный 5 июля «B-17», оценивался в 100 уничтоженных вражеских самолетов.

> *Европа: от «Факела» до «Пойнтбланка»*[74], *август 1942 г. — декабрь 1943 г. Армейская авиация США во Второй мировой войне, том 2*

Джербини/Трапани, 5 июля 1943 г.

Мы взлетели на рассвете, нашей задачей было усиление обороны восточной части острова. Инспектор истребительной авиации решил сконцентрировать свои истребители и создать несколько ключевых пунктов.

Организация наших эскадр была очень далека от предъявляемых требований. После Битвы за Англию мое подразделение действовало подобно пожарной команде, посылаемой везде, где вспыхивала война. Мы научились существовать и вести бой с минимумом наземного персонала — механиками, оружейниками и связистами, — основная часть, ремонтные мастерские и штаб, редко догоняла боевые компоненты, поскольку те передвигались с места на место. В целом прекрасный пример потраченных впустую ресурсов!

Впрочем, так происходило и прежде: мы путешествовали по России вместе с передовыми армейскими частями, перепрыгивая с одной взлетно-посадочной полосы на другую. В эти дни для перевозки самого необходимого в нашем распоряжении обычно были три транспортных «Ju-52». После нескольких рейсов наши механики, наши палатки и коробки с нашим пайком собирались в новом месте. Мы, пилоты, возвращались из нашего первого патрульного полета над новым сектором, израсходовав боекомплект, на самолетах, более или менее поврежденных в боях. Обычно нас ждали луг или клеверное поле, которые после этого приобретали название аэродрома. Эти летные поля получали названия от соседней деревни или группы лачуг, названия, которые скоро стали известны каждому в люфтваффе: Питомник, Любань, Морозовская или Гигант[75]. Тем временем основная часть эскадры могла находиться где-нибудь в Польше или Крыму, где использовалась в качестве склада и транзитного лагеря для групп отпускников.

В этом конкретном случае инспектор истребительной авиации фактически просил, чтобы мы сотворили чудо: мы, как ожидалось, должны были раздробить наш наземный персонал, и это при том, что мы еще не получили замены людям, потерянным нами в Северной Африке. Транспортные самолеты не могли летать в течение нескольких дней, и чувствовалось, что они не переживут эти вылеты. Воздушный флот не был великодушен к немногим «Ju-52», которыми он все еще обладал.

До предыдущего дня наши самолеты обслуживались 53-й истребительной эскадрой, чьи две группы базировались в Комизо и Джербини. Однако число непригодных для полетов самолетов росло так быстро, что требовалось найти лучшее решение.

В ночь на 5 июля часть технического персонала моей эскадры была на грузовиках отправлена в восточную часть острова. К западу от Катании до подножия Этны лежала широкая равнина. Высохшие, пустые поля, с которых пшеница была давно собрана, тянулись вдаль, насколько глаз мог видеть, усеянные точками пересохших, пыльных оливковых деревьев.

Узкая дорога вилась между несколькими никудышными фермами, обозначенными на карте как Джербини. В результате равнина, имевшая несколько идеальных площадок для взлета и посадки, получила претенциозное название «аэродром Джербини».

Когда мой «мессершмитт» катился к стоянке, я видел механика, показывавшего жестами, чтобы я остановился под оливковыми деревьями. Но едва я покинул взлетно-посадочную полосу, огромное, завихряющееся желто-коричневое облако пыли окутало самолет. Я не мог вообще ничего разглядеть, и потребовалось некоторое время, чтобы снова появились люди, деревья и бараки. Слой пыли был такой толстый, что цвет моих крыльев стал темно-желтым. Я открыл фонарь и огляделся. Во всех направлениях в горячем, струящемся воздухе поднимались столбы пыли. Самолеты моей 1-й группы садились и рулили к стоянкам, предназначенным для них.

Жара была невыносимой. Во влажном воздухе — ни ветерка, моя рубашка, промокшая от пота под снаряжением, прилипла к телу. Солнце делало кабину похожей на духовку. Я отстегнул парашют и вылез на крыло. В нескольких метрах, вне палящего солнца, стоял барак. Вдоль него в земле была выкопана зигзагообразная траншея. Кто-то в ней громко разговаривал по телефону: «Я не понимаю, что вы говорите… Какой квадрат карты?»

Только сейчас я заметил в тени оливкового дерева жалкую фигуру. Гауптман Кегель неподвижно сидел на корточках, его голова была перевязана, а правая рука висела на поддерживавшей повязке. Он смотрел на меня почти укоризненно.

Я спрыгнул с крыла в пыль, снял ножные ремни с патронами сигнального пистолета и стянул через голову спасательный жилет.

— О господи, Кегель, — сказал я, — вы ужасно выглядите.

Он сделал попытку подняться.

— Ради Небес, не вставайте! Что случилось?

Кто-то в бараке все еще кричал в телефон. Механики, раздетые до пояса, бежали к самолету, и топливозаправщик с визгом остановился перед моим «Ме». Жара была убийственной; я чувствовал, как палящее солнце плавило мою голову. Я вынул из наколенного кармана и надел кепку Африканского корпуса с длинным козырьком, защищавшим глаза. Я должен был без промедления связаться с инспектором истребительной авиации и узнать самую последнюю информацию. Самолеты должны были быть немедленно заправлены. Я надеялся, что нам скоро прикажут подняться в воздух, потому что на аэродроме не было никакой защиты от бомбардировщиков.

— Господин майор… — произнес Кегель, о котором я почти забыл. — Я был похоронен, господин майор, в траншее… Мы потеряли «шторьх» — он сгорел. Все, что осталось, — там.

Я увидел почерневший от огня скелет хвостовой секции, торчащий позади барака.

Гауптман Кегель был с нами всего несколько дней. В гражданской жизни он был активистом «Национал-социалистического авиационного корпуса»[76]. Он был старше нас и, хотя прошел курс подготовки на «мессершмитте», не участвовал в боевых вылетах. Я назначил его на командный пункт, чтобы он контролировал вылеты, составлял боевые донесения и вел журнал боевых действий. Ему необходимо было быстро адаптироваться в маленьком сообществе штаба эскадры. Вечером, когда он прибыл, казалось маловероятным, что он собирается делать это, так как слишком много болтал о своих прошлых достижениях и опыте в «Добровольческом корпусе»[77] и в «черном рейхсвере»[78]. Едва ли было удивительно, что наши молодые летчики, ежедневно участвовавшие в боях и имевшие мало времени для бывшего героя, обращались с ним несколько

пренебрежительно и с иронией. Он сразу получил прозвище Умный Клауд и вынужден был отвечать на повторяющиеся и невинные вопросы Фрейтага относительно видов снаряжения «черного рейхсвера», почему он не носит форму «Национал-социалистического авиационного корпуса», и тому подобные. Вскоре его спесь спала, и с тех пор он вел себя в манере, соответствующей офицеру нелетного состава в звании гауптмана из штаба эскадры. И теперь он также дожил до беды, но уже на земле.

Барак состоял из одной комнаты. Он был построен молодыми парнями из рабочей команды за несколько дней до этого, и в нем еще царил запах свежей древесины, который, если бы не эта ужасная жара, мог бы быть освежающим.

Мебель включала две железные кровати у противоположной стены, каждая из которых была накрыта покрывалом, и узкий стол напротив двери. С оливкового дерева перед окном свисали провода, которые вели к темно-коричневой коробке с телефонным аппаратом. Полевой телефон, карта и телетайп дополняли командный пункт эскадры. Отчаянное, безжалостное сражение, в которое мы были вовлечены, позволяло иметь только самое необходимое оборудование.

Когда я вошел, с единственного стула поднялся Корн, фельдфебель командного пункта.

— Я на связи со штабом инспектора истребительной авиации, господин майор, и уже доложил о вашем прибытии. Тридцать минут назад бомбили аэродром Комизо. После немедленной дозаправки вы должны находиться в готовности к взлету в кабинах самолетов.

Это был четкий рапорт.

— Почему вы не вынесете телефон наружу, Корн? Из-за жары здесь невозможно находиться.

— Действительно, господин майор, — ответил он.

Корн просто не пытался облегчить себе жизнь.

Перед бараком остановился «кюбельваген», его водитель, резко затормозив, добавил еще пыли в воздухе. Из машины

выбрался Фрейтаг, беспечный как всегда, и сообщил, что его группа приземлилась.

— Давайте пойдем в тень позади барака, — предложил я. — Мы вскоре взлетим. Только что атакован Комизо.

— Если они продолжат в таком духе, мы скоро будем ходить пешком. Запчасти все труднее получить. Не хватает даже колес для «сто девятых».

Обмениваясь на практичном жаргоне военных летчиков необходимой информацией, мы периодически прерывались, поднимая головы, как будто хотели почувствовать дуновение ветра от приближавшихся тяжелых бомбардировщиков прежде, чем послышится характерный звук их двигателей. Этот комплекс аэродромов был идеальной целью для «Крепостей» с их тактикой бомбометания по площадям. Вся равнина вокруг Джербини была сейчас покрыта самолетами. Недалеко от нашей посадочной полосы находились эскадра истребителей-бомбардировщиков, оснащенная «фокке-вульфами», и по одной группе из 51-й и 53-й истребительных эскадр, все они были рассеяны под прикрытием редких оливковых деревьев.

— Снова появились «Спитфайры» с Мальты, — сказал Фрейтаг, — только на этот раз это самая последняя версия с острыми законцовками крыла. Они оснащены высотными компрессорами и на высоте выше 7000 метров лишь играют с нами в кошки-мышки.

— Сколько раз вы летали над Мальтой, Фрейтаг?

— О, восемьдесят прекрасных экскурсий. Однажды меня вытащили из воды вблизи гавани Валетты, когда уже подходили британские спасательные катера[79]…

Это было в те дни, когда мы сопровождали «юнкерсы» и были еще способны подавить врага над его собственным островом. Фрейтаг говорил об этих вылетах так, словно это были прогулочные полеты.

Говоря, он время от времени подчеркивал слова вялыми жестами. Ноги он вытянул на патронный ящик прямо перед собой, чтобы дать им отдых. Я заметил, что на нем, как обычно, были белоснежные носки и желтые сандалии, хотя я уже много

раз говорил ему, что во время вылетов он должен носить прочные ботинки… Но когда теперь я в очередной раз сказал об этом, получил в ответ разоружающие извинения, смысл которых сводился к тому, что его ноги потеют или что в Северной Африке, когда он вынужден был выпрыгнуть на парашюте, это не принесло ему никакого вреда…

* * *

Наше снаряжение не давало нам надлежащих гарантий в отношении того, что однажды мы не встретим землю на скорости 3 метра в секунду. Когда началась война, мы, поднимаясь в узкие кабины наших истребителей, все еще носили элегантные, в кавалерийском стиле, сапоги. Затем стали модными теплые меховые сапоги с мягкими, свободно охватывающими икры голенищами, которые говорили всем до одного, что их обладатель пилот. Но когда кто-то был вынужден покинуть самолет на большой скорости, часто случалось, что такие сапоги срывало с ног силой воздушного потока. Так произошло со Шмитцем, который в результате сильно обморозил одну ногу. В течение ночи и дня он перешел по льду Азовского моря, имея только один сапог.

В то время моя группа перебазировалась с Кубани на аэродром в Керчи, в Крыму. Под мартовском солнцем снег на улицах и на полях таял, но ночи все еще были очень холодными, и Азовское море, чей берег находился весьма близко от северной границы аэродрома, представляло собой сплошную поверхность грязно-белого льда. Около полудня самолеты группы вернулись из патрулирования и механики готовили их к вылетам на следующий день, когда из воздушного штаба в Крыму поступил приказ немедленно направить звено из четырех «мессершмиттов» к Мариуполю. Когда я возразил, что уже очень поздно и что будет очень трудно приземлиться ночью на отдаленном и незнакомом аэродроме, мне сказали, что на рассвете ожидается прибытие в Мариуполь самого фюрера и истребительное прикрытие его самолета жизненно необходимо. После некоторого размышления я выбрал в качестве командира звена Шмитца и приказал, чтобы он как можно скорее взлетел.

После завершения летной подготовки Шмитц был сразу направлен в мою эскадрилью в звании обер-ефрейтора. В то время мы были в Кале и Битва за Англию достигла кульминации. Для своих двадцати лет необычно одаренный способностью излучать

хорошее настроение, он был принят с распростертыми объятиями в небольшое сообщество пилотов, которые полюбили этого высокого, стройного новичка с утонченными чертами лица и заразительным смехом.

В многочисленных боях в ходе Битвы за Англию Шмитц сражался отважно и быстро показал отличные летные качества, летая на истребителе и управляя им в бесчисленных опасных ситуациях, которые возникали в воздушном бою между равноценными противниками. Вскоре я уже мог позволить ему возглавлять маленькие группы. В ходе кампании в России, когда счет его побед стал быстро расти, он был сбит за линией фронта, но смог вернуться обратно в эскадру после шести дней приключений. Немного позже он получил звание лейтенанта.

Выслушав распоряжение без задержки вылететь в Мариуполь, он заметил, что приказ есть приказ, но совершать вечерний перелет на неизвестный и, возможно, неосвещенный аэродром — все равно что испытывать судьбу. После этого он взлетел.

Ночью меня разбудил телефонный звонок. Из воздушного штаба мне сообщили, что фельдфебель Неметц, ведомый Шмитца, видел, как тот выпрыгнул с парашютом, когда они пересекали Азовское море. Уже почти наступила ночь, и парашют быстро скрылся во мраке.

На следующий день Неметц вернулся и подтвердил то, что я уже знал. Не было никаких следов Шмитца. Ночью на его поиски вылетела эскадрилья спасательных гидросамолетов, но утром из-за тумана поиски пришлось прервать. Как только позволила погода, мы на наших «Ме» начали систематические полеты надо льдом и вели поиски до наступления темноты. При этом мы видели, что с приходом весны лед пришел в движение. Во всех направлениях появлялись высокие гребни пакового льда, чередующиеся с узкими каналами открытой воды.

На следующее утро, — к этому времени я почти записал Джонни в пропавшие без вести, — воздушный штаб информировал меня, что лейтенант Шмитц найден в маленькой деревне на северном берегу Азовского моря, где на широкой деревенской кровати приходил в себя после тяжелого испытания прогулкой по льду.

В тот же самый день он выбрался из транспортного самолета

с толстой от бинтов правой ногой. Придя в восторг оттого, что снова «дома», он рассказал нам, как его двигатель встал после сильного удара. Он сразу же понял, что уже слишком темно для вынужденной посадки, да и сомневался в том, что лед выдержит. Не теряя времени, он сбросил фонарь кабины и перевернул машину, чтобы воздушный поток вытянул его из нее. Повиснув на парашюте, он с тревогой обнаружил, что потерял не только правый сапог, но также и носок. Ко всему прочему он неудачно опустился на лед, сразу же должен был сесть и массировать получившую растяжение лодыжку. После этого он с левым носком на правой ноге отправился в путь и шел в течение ночи и дня. Ночь была ясной, и, ориентируясь по Полярной звезде, он пошел в северном направлении. Спустя некоторое время он с тревогой обнаружил, что едва не упал в трещину во льду, и понял, что такие опасные участки необходимо обходить. Ему также пришлось взбираться на высокие барьеры пакового льда, сформировавшиеся по краям каждой полыньи, и эти дополнительные усилия отнимали оставшиеся силы. Тем временем его правая нога промокла, но попытка идти в левом сапоге, надетом на правую ногу, потерпела неудачу. Время от времени он слышал низколетящие поисковые самолеты, но его пистолет «Вери» был потерян во время спуска на парашюте, и тем самым он лишился каких бы то ни было возможностей подать сигнал. Ночь миновала, а он не знал, насколько далеко прошел в направлении своей цели — северного берега. Он был удручен и крайне измотан, бесконечно обходя полыньи и преодолевая ледяные гребни. Ему все чаще приходилось останавливаться, чтобы массировать промокшую, обмороженную ногу и восстанавливать силы. Затем, незадолго до рассвета, опустился туман. Был уже почти полдень, когда он отважился снова отправиться в путь. Каждый раз, взобравшись на ледяной гребень, он нетерпеливо смотрел вдаль, надеясь увидеть берег, который, на его счастье, показался в конце дня. Он очень хорошо понимал, что должен достигнуть земли до наступления сумерек. К этому времени носок на его правой ноге превратился в лохмотья и нога горела, как в огне. Вдали он увидел низколетящие «сто девятые», но знал, что шансов обнаружить его в этой ледяной пустыне у них не больше, чем разыскать иголку в стоге сена.

Он был на пределе сил к тому моменту, когда в сгущающейся темноте вышел на высокий берег и увидел перед собой длинную улицу русской деревни с деревянными избами и маленькими огородами. Открыв ближайшую дверь, он оказался в теплой комнате, освещенной единственной масляной лампой. Его

появление испугало крестьянку почти до безумия, но она быстро пришла в себя, с помощью соседки вскипятила воду и положила его на кровать.

На ее аккуратной кровати около печи он заснул под кучей ватных одеял, из-под которых торчала его правая нога, опущенная в ведро с теплой водой.

Когда мы его спросили, была ли эта женщина симпатична и, возможно, даже уступчива, он ответил:

— Даже сама Гарбо[80] не смогла бы остановить мое падение в сон.

Фрейтаг внезапно прервал мои мысли, задав вопрос, который каждый из нас обдумывал вот уже несколько дней:

— Как это все здесь закончится, господин майор? Они скоро высадятся на острове. Через день или два у нас не останется ни одного самолета, чтобы летать. И не предпринимается никаких попыток вытащить нас отсюда. На этот раз западня захлопнется с треском!

Он вопросительно смотрел на меня, как если бы я знал ответ. Я задался вопросом, знал ли его сам инспектор истребительной авиации. Однако как командир Фрейтага я должен был ответить:

— После Сталинграда и мыса Бон я получил все, что хотел, — и героическое сопротивление, и опрометчивые вылеты. Если нам и удастся вовремя убраться отсюда, мы убедимся, что в этом случае каждый достигнет материка, даже если это будет означать, что нам придется взорвать все, что мы не сможем захватить с собой.

— Но как мы собираемся пересечь Мессинский пролив?

* * *

Командиры групп, эскадрилий и их пилоты стояли полукругом в пустом капонире, примыкавшем узким концом к бараку. Когда я разрешил сесть, они отошли в тень и сели, присели на корточки или прилегли в положение, которое считали наиболее удобным.

Понимая, что распоряжения относительно вылета фактически не содержали ничего нового и что летчики достаточно опытны в процедурах взлета, набора высоты и фазы перед перехватом противника, чтобы избежать тактических или летных ошибок, я с тревогой отметил, что небрежность возросла и что некоторые из них больше не были столь внимательны к деталям, как требовалось. Я чувствовал, что должен вбить в них основные принципы, которыми было необходимо руководствоваться в ходе всего вылета от взлета до посадки, сообщить, что я вижу их действия вблизи и замечаю, насколько их летная дисциплина ухудшилась.

— Мы взлетаем, — сказал я, — как только пеленгаторы сообщат о подходе врага. Я буду вести все формирование северо-западным курсом так, чтобы мы могли достигнуть высоты атаки без встречи с истребителями.

Но сначала одно или два замечания о взлете. Я хочу, чтобы вы взлетали в насколько возможно плотном строю, чтобы мы не тратили весь день, сортируя затем вас. Как только я начну выруливать на старт, отсюда начнут выстреливаться сигнальные ракеты, пока штабное звено и 1-я группа не поднимутся в воздух. Лишь тогда 2-я группа начнет взлетать в противоположном направлении.

Я буду набирать высоту на минимальной скорости в левом пологом развороте и не стану ложиться на курс до тех пор, пока группы не займут свои позиции. И на этот раз, господа, я хотел бы, чтобы эскадра формировалась без каких-либо крутых виражей или проскоков. Я хочу видеть вас всех на курсе в безупречном строю в пределах пяти минут после взлета.

Я добавил несколько замечаний относительно соблюдения летной дисциплины и подумал, не должен ли назвать фамилии тех людей, которые, как я знал, летали настолько небрежно, что имели тенденцию отставать; часто они задерживались позади формирования и тем самым портили всю атаку. Но, поразмыслив, я решил, что слишком много замечаний, вероятно, только ожесточат их. Кроме того, я знал, что некоторые из них просто не были способны действовать лучше.

— Каждая группа выделит одно звено для прикрытия сверху. Верхнее прикрытие должно лететь не менее чем на 600 метров выше формирования и немедленно спикировать, чтобы защитить

его в случае атаки «Спитфайров» или «Лайтнингов».

Фактически я должен был приказать, чтобы они избегали боя с истребителями и ограничились атаками бомбардировщиков. Но что мы должны были делать, если истребители вынудят нас вступить в бой? Наше формирование было так смехотворно мало, что любая тактика, разработанная, чтобы связать напавшие истребители с тем, чтобы основная часть смогла прорваться к бомбардировщикам, была обречена на неудачу.

Я остановился, поскольку в бараке зазвонил телефон.

— Да, — услышали мы крик Корна, — да, понятно, летят на север!

Он появился в окне с пистолетом «Вери» в руке.

— Срочный взлет, господин майор! Тяжелые бомбардировщики к югу от Комизо, летят на север с эскортом истребителей.

Срочный взлет. Эти слова немедленно вызвали цепочку рефлекторных действий, в которые не было никакого сознательного вмешательства мозга. Фрейтаг исчез словно молния, и я тоже бросился к своему самолету. На бегу я продел голову в спасательный жилет и споткнулся, пропуская его ремень между ног. Мне показался знакомым человек, раздетый до пояса, который, стоя среди самолетов, выпускал в воздух одну за другой красные сигнальные ракеты.

Моя машина стояла на солнце, и я почувствовал, как металлическая обшивка обжигает мне руки, когда схватился за край кабины, забираясь в нее. Два механика стояли наготове, чтобы запустить инерционный стартер. Во время срочного взлета слова не тратились впустую — все делалось автоматически. Если лидером был командир эскадры, то ему следовало оказаться первым в воздухе.

Я потерял счет, сколько раз участвовал в этой гонке со временем. Прохождение предполетной муштры с ее перемешанной последовательностью операций влекло за собой ряд более или менее автоматических действий. Что каждый думал в течение этого времени? Должно быть, это было что-то из единственной мысли — надежды, что, возможно, они не разнесут

вас на части на земле или что не будут атаковать вас на взлете…

В течение этих долго тянувшихся секунд я иногда шептал: «Ремни парашюта — шлем — стартер — быстрее, быстрее — закрыть фонарь — быстрее, быстрее…», пока двигатель не запускался и не снимал напряжение. С работающим двигателем вы могли кое-что сделать — могли вырулить, взлететь, лететь и стрелять! Любой летчик скорее бы предпочел рискованный взлет под падающими бомбами, чем сидение в траншее.

Я сидел в своей стеклянной духовке. Я тяжело дышал после того, как мой спринт и скорость, с которой я устроился на своем парашюте[81], заставили пот буквально градом литься по лицу, груди и спине. Справа от меня, на самолете Штрадена, начал поворачиваться винт. Двигатель немедленно запустился, и облако пыли, сухой травы и листьев стало завихряться позади, окутывая машину Бахманна.

Как только мой двигатель заработал, я закрыл фонарь и порулил вперед. Сухая пыль поднялась в ясный летний воздух подобно внезапной песчаной буре и закрыла обзор на юг. Я сигнализировал человеку с пистолетом «Вери», дал полный газ, отдал ручку управления от себя и теперь увидел все летное поле, лежавшее передо мной. Из пылевой завесы появлялись силуэты «мессершмиттов».

Я приказал, что Фрейтаг и его группа должны начать выруливать на старт, как только штабное звено поднимется в воздух. Едва я оторвался от земли, были выпущены зеленые ракеты «Вери», показывавшие, что звено командира эскадры в воздухе.

С двигателем, работавшим на максимальных оборотах, указатель скорости показывал более 100 километров в час, «Ме» оторвался от земли. Уголками глаз я видел Бахманна и Штрадена, поднимающихся за мной. Убрать шасси, большой шаг винта, убрать закрылки. Тогда же я убрал газ, чтобы в плавном левом развороте собрать позади себя всю группу. Я почувствовал облегчение, что снова был в воздухе. После сомнений относительно того, сумеем ли мы взлететь невредимыми, теперь наступил непродолжительный период беззаботного полета. Мы избежали бомбежки на земле, но еще не перехватили врага в воздухе. Каждый мог сконцентрироваться на технике пилотирования, на навигации и обмене сообщениями с офицером

управления, но этот короткий момент быстро закончился, и уже глаза людей начали обшаривать небо, чтобы не пропустить внезапное нападение.

— «Одиссей-один», Комизо бомбят — «мебельные фургоны» летят на север, очень высоко. Не пропустите эскорт «Спитфайров».

— Сообщение получено.

Соленый пот струился на глаза из-под сетки моего летного шлема. Закрыв глаза, я вытер веки сухой тыльной частью перчатки, сильно пахнувшей бензином. Даже когда мои рукава были закатаны вверх, я всегда в полете надевал перчатки, предпочитая старую темно-коричневую пару, которая пропиталась бензином в результате постоянных контактов с топливными канистрами.

На высоте 900 метров мы вышли из тумана, который окружал нижнюю часть склонов горы Этна, подобно бледно-синему озеру. Взглянув назад, я смог видеть силуэты появившихся «мессершмиттов», резко выделявшиеся на фоне тумана. Сегодня британцы могли без труда заметить нас на значительном расстоянии, так как мы выглядели, словно нас проецировали на экран. Чтобы избежать этого, я должен был повернуть на юг, в сторону солнца. Мы все еще были не выше 5500 метров.

Офицер управления вышел на связь:

— «Одиссей-один», «мебельные фургоны» в 30 километрах к югу от Катании. Ваша высота, пожалуйста?

— Шесть тысяч.

— Сообщение получено. Поменяйте курс на Мессину. Не пропустите эскорт «Спитфайров».

Я подтвердил получение предупреждения и обратил внимание на свою группу. Она теперь летела в более рыхлом боевом порядке. Я не смог подсчитать, сколько самолетов взлетело, но я думал, что приблизительно двадцать пять. Одна из эскадрилий Фрейтага была у меня справа, и я мог увидеть другие, когда поднял голову и посмотрел вверх назад через плексиглас фонаря в сторону ослепительного солнца. Внезапно в кабине

стало холодно. В углах боковых стекол начали формироваться кристаллы льда. Я опустил рукава рубашки.

Моя левая рука автоматически проверила готовность кислородной маски. Непрерывно, систематически и в соответствии с определенной системой, которая развилась из опыта сотен воздушных боев, мы осматривали воздух вокруг нас. Мой альтиметр показывал 7500 метров. Именно на этой высоте летели бомбардировщики, а выше, приблизительно на 8400 метрах, — эскорт истребителей. К этому времени я после широкого, постепенного виража повернул на север. Заснеженный кратер Этны исчез под крылом, вдали за Мессинским проливом из тумана поднялись горы Калабрии.

Теперь все могло произойти в любую минуту. «Соприкосновение с врагом» — наиболее верное описание начала воздушного боя. Этот термин использовался в наших боевых донесениях во всех случаях. Как только противник был обнаружен вами или кем-то еще, начиналась новая фаза, влекшая за собой различные умственные предположения. Она не обязательно подразумевала, что вы открыли огонь из своих пушек или что вы вступили в бой. Скорее она означала безвозвратный конец сближения; вы освобождались от всего, что могло занимать вас в течение того короткого периода, и в это время вы достигали роковой черты. Теперь никак нельзя было избежать боя, повернуть назад. Все должны были участвовать, когда сражение началось, тот, кто уклонялся от борьбы, потому что в этот конкретный день его наступательный дух был слаб, погибал.

Во время сближения вы заняты, главным образом, стандартными действиями: проверкой приборов, переключением магнето, контролем температуры масла, проверкой давления наддува, часто, чисто автоматически, проверяете ремни парашюта и кислородную маску. Вы летите в группе, вместе с другими справа, слева и выше вас. Однако вы одиноки, очень одиноки в своем гремящем ящике со стеклянным верхом и становитесь добычей мыслей и искушений, которые приносит война. У вас все еще есть некоторый личный выбор; вы все еще можете решать, действительно ли собираетесь выполнять приказ относительно атаки, действительно ли останетесь с группой или же выйдете из атаки. Вибрация в двигателе? Проблемы с зажиганием? Упали обороты? Неисправность двигателя была правдоподобным оправданием за отставание и необходимость повернуть назад. Это было искушение, которому подвергались все пилоты.

По прошествии нескольких минут наушники заполнялись пронзительными голосами, которые давали безжалостные комментарии, питая уже распаленное воображение новыми образами: «бомбардировщики», «их много», «берегись — «Спитфайры»…».

Внезапно вы осознавали необъятность моря и угрожающую природу гор и начинали задаваться вопросом о ваших шансах на спасение. Это были четырехмоторные бомбардировщики, и вы должны были подойти очень близко, чтобы сбить их. Даже когда вы атаковали лишь звено из трех самолетов, в вас стреляли приблизительно тридцать пулеметов. Кроме того, «Спитфайры», которые, как упоминалось выше, все еще маневрировали на очень большой высоте, с самого начала создавали неудобства для вас. И когда этот конкретный вылет будет завершен, вы выполните еще один и еще один, все в один и тот же день. Если, конечно, будете еще живы…

Обычно сообщение о том, что кто-то поворачивает обратно, поступало сразу после взлета и прежде, чем возникала реальная опасность. Оно неизменно сопровождалось выражением сожаления, например: «О черт, мой двигатель продолжает работать с перебоями. Я вынужден вернуться». В некоторых случаях сожаление было искренним, в других — не очень, и требовался длительный командный опыт, чтобы отличить одно от другого.

Тех, кто поворачивал обратно, можно было разделить на три категории. Прежде всего, подлинные неисправности были отнюдь не редкими, так как техника жила по собственным законам и мало заботилась о репутации летчика-истребителя. Надежные ветераны многочисленных кампаний, «старики», знали свои самолеты и нечасто поворачивали обратно. Вместо пространных объяснений они коротко докладывали лидеру о возникшей неисправности. Они знали, что все ими сказанное будет принято без вопросов.

Вторая категория состояла из опытных пилотов, которые, внезапно достигнув предела своих сил, не могли или не хотели продолжать полет. Пережив сотни вылетов и боев, каждый раз узнавая все больше о том, как преодолеть самого себя, как обмануть совершенно естественный инстинкт самосохранения, они неожиданно понимали, что больше не могут справляться с

собой и не способны сопротивляться искушению найти оправдание для временного освобождения от своих обязанностей. После этого они все чаще и чаще поворачивали обратно. В таких случаях лучше было отстранить их от вылетов, чтобы уберечь от гибели.

Третья же группа состояла из молодых летчиков, направленных на фронт из учебно-боевых групп. Среди них всегда были несколько человек, которые поддавались искушению незначительного обмана, чтобы избежать боя. Они были приведены в ужас и крайне подавлены безжалостной воздушной войной на Средиземноморье. Многие из них до этого были введены в заблуждение сводками, которые, хотя и были полны героических дел, ничего не сообщали о превосходстве, которого постепенно достиг противник. Ни одна из истребительных авиашкол не имела возможности подготовить молодых пилотов к тому, что ждало их в действительности.

Когда кто-то из этой категории возвращался обратно, старшие, опытные летчики проверяли его машину. Зачастую они не находили никаких признаков предполагаемой неисправности, немедленно разрушая, таким образом, хрупкое здание мелкой лжи, выстроенное мальчиком. Некоторые больше никогда не предпринимали таких попыток; другие повторяли, но намного позже, уже во второй категории, в то время как большинство остальных были или убиты, или отправлены домой «для другой службы».

Мысли, подобные этим, вертелись у меня в голове в то время, как глаза продолжали механически осматривать окружающее пространство. Внезапно появился враг, и события начали следовать одно за другим с быстротой молнии.

На той же самой высоте встречным курсом прямо через боевой порядок нашей группы пронеслись элегантные истребители. За долю секунды я, казалось, успел рассмотреть, — хотя, возможно, это было только мое воображение, — цветные опознавательные знаки на фюзеляжах «Спитфайров», заостренные законцовки крыльев, молочно-синие, словно животы рыб, нижние поверхности.

И внезапно я почувствовал на языке знакомый горький вкус, во рту пересохло.

Тогда же, краем глаза, я увидел ниже нас бомбардировщики. Они, казалось, стояли на месте, поскольку летели тем же самым курсом, что и мы. Повидимому никем не потревоженные, они следовали своим курсом спокойно и величественно. Они летели в своем обычном боевом порядке с превышением, который позволял каждой машине иметь свободный сектор обстрела выше и в задней полусфере. Но это едва ли был подходящий момент, чтобы спикировать на них. Очень скоро за каждым из нас висел бы «Спитфайр», дышащий в затылок, роль эскорта требовала от вражеских истребителей, чтобы они развернулись и атаковали нас.

На высоте 8400 метров «Спитфайры» могли разворачиваться с удивительно маленьким радиусом. Мы, с другой стороны, в разреженном воздухе на этой высоте должны были выполнять каждый маневр с осторожностью и на полной мощности, чтобы не потерять управление.

В радиоэфире царил полнейший хаос. Смесь сообщений и восклицаний внезапно превратилась в один непонятный и пронзительный крик. Я был рад, что мог видеть свое звено — Штрадена, Бахманна и Бернхарда, — которые сохраняли позицию позади меня. Группа Фрейтага, очевидно, схватилась с истребителями эскорта. Именно она грохотала в наушниках: «Смотри вверх, ручку на себя» или «Йохен, он у тебя на хвосте — берегись!».

Не было никакого рационального объяснения моему решению атаковать, когда я увидел два «Спитфайра», летевшие ниже меня. Возможно, опыт прежних подобных ситуаций подсказал мне, без необходимости размышлять, что я был в идеальной позиции, — я имел преимущество в высоте и приближался со стороны солнца. Я не помню, информировал ли остальных о своем намерении, но сам внезапно перешел в крутое пике со стремительно растущей скоростью. Контуры обоих моих противников уже появились в прицеле. Ведомый, однако, как будто услышав крик предупреждения, резко отвернул в сторону и ушел вниз по левой крутой спирали. К этому моменту и его ведущий вышел из моего прицела.

Без колебаний — это было против всякого здравого смысла — я решил довести бой до конца. Не было времени, чтобы оглянуться. Бахманн должен был быть позади меня, если следовал за моими маневрами, как и было предписано. Во время

разворота с крутым креном ускорение с силой вжало меня в парашют, шея ныла, поскольку я пытался удержать противника в поле зрения. Глубокий вираж заставил выпустить закрылки, в то время как вибрация ручки управления указывала на то, что самолет на грани срыва в штопор.

Метр за метром я приближался к «Спитфайру». Он появлялся в моем прицеле и снова исчезал. Я перевел гашетку стрельбы в верхней части ручки управления в положение «огонь». Еще один полный круг, и затем, возможно, я смог бы прочно зафиксировать его в своем прицеле. Словно одержимый, я мчался на этой карусели, конечной стадии воздушного поединка. Мне не надо было волноваться о том, что сзади или сверху — Штраден, Бахманн и Цан, конечно, прикроют меня, а также целая группа истребителей.

Раздался глухой удар по фюзеляжу, и я вывернул голову, оглядываясь. Посмотрев мимо бронезаголовника, я увидел «Спитфайр», который выходил из крутого разворота в нескольких метрах позади. Дымные следы его трассирующих пуль тянулись ко мне, словно пальцы. Мой двигатель сильно застучал. Пули с ужасным треском разбивались о бронепластину позади моей головы. Кабина немедленно заполнилась запахом кордита. Стрелял он чертовски хорошо! Словно во время тренировочного полета, я вышел из сектора обстрела, сделал переворот через крыло и вошел в вертикальное пике. Замерев в кресле, я чувствовал себя почти одним целым со своим самолетом, выполняя классический маневр ухода из-под удара. Это была крутая спираль к земле, похожая на водоворот. Мои глаза почти отстраненно следили за неистово трясущимися приборами, показывавшими неисправность двигателя. Управление зловеще потяжелело, когда обтянутые тканью элероны начали подниматься, словно воздушные шары, фактически провоцируя сваливание в неуправляемый штопор. Вытекавшая охлаждающая жидкость покрыла лобовое стекло молочной, непрозрачной пленкой. Я был спокоен, рассматривая возможные варианты, как если бы наблюдал за поведением того, кто сам себя загнал в безнадежное положение. Лишь на секунду или две у меня возникли такие мысли, как «это конец» или «все кончено», наносившие вред мощному инстинкту самосохранения.

Тогда я стал говорить сам с собой, сопровождая словами действия, как всегда поступал в ходе воздушного боя. Я произносил, возможно, даже вслух: «сейчас», «быстрее» и

«выравнивай».

На 1800 метрах стало очевидно, что в меня больше никто не стреляет. Лобовое стекло немного очистилось. Я мог видеть, что приближаюсь к склонам Этны. Я выключил двигатель, потому что температуры масла и охлаждающей жидкости опасно возросли. Винт свободно вращался в воздушном потоке. Я снижался с большой скоростью. Теперь уже можно было различить мелкие детали: узкие полосы обработанной земли, чередующиеся с гребнями виноградных лоз, — не лучшее место для посадки «на живот».

Однако я смог выполнить удачный подход между высокими деревьями к длинному, узкому полю, которое отлого поднималось к Этне. Лишь когда законцовки лопастей моего винта ударились о землю, я заметил, что она повсюду усеяна каменными глыбами. Но оказалось уже слишком поздно что-нибудь предпринимать. Перед самым касанием земли я вцепился в плечевые ремни. Удар был сильным — капот двигателя сорвался и улетел вдаль по высокой дуге, в то время как комья земли глухо застучали по крыльям, лобовому стеклу и фюзеляжу. Меня сильно бросило вперед, но привязные ремни выдержали. Самолет, наконец, остановился с резким толчком, от которого встал на кок винта, почти собираясь перекувыркнуться. Затем последовал сокрушающий удар, когда фюзеляж упал на каменистую землю.

Когда я пришел в себя, вокруг стояла тишина. Единственным звуком было тихое гудение — рация все еще работала.

В изумлении я расстегнул привязные ремни, выключил рацию и вылез из кабины на крыло. Оказавшись на твердой земле, я пошел к большому каменному валуну в нескольких шагах. Едва я достиг его, как почувствовал острую боль в спине. Я медленно опустился на землю, опираясь руками о камень. Повернувшись спиной к солнцу, я стянул спасательный жилет, расстегнул на икрах ремни, на которых держались пистолет «Вери» и сигнальные патроны, и вытащил из наколенного кармана свою кепку.

Ровно час назад мы взлетели из Джербини. Сейчас был полдень и солнце висело прямо над бесплодным полем. Не слышалось ни звука. Прищурив глаза, я посмотрел в небо и увидел там постепенно рассеивающийся след воздушного боя в

виде безобидно выглядящего белого узора конденсационных следов.

Поле отлого поднималось к склону Этны. Все оно было усеяно валунами. Один из них оказался на пути моего «сто девятого» и едва не заставил его перевернуться. Когда после «кивка» вперед самолет упал обратно «на живот», мощный удар, очевидно, не лучшим образом сказался на моей спине. Боль была терпимой, если я сохранял неподвижность, но при любом движении простреливала всю спину. Однако я должен был идти, несмотря на последствия, я испытывал такое опустошение, что едва держал глаза открытыми, но о том, чтобы продолжать сидеть здесь, на палящем солнце, не могло быть и речи.

Почему я принял вызов англичанина? Он предложил мне вступить в единоборство, хотя, конечно, у него было много времени, чтобы уйти от моего огня, выполнив разворот и перейдя в пикирование. Вероятно, он чувствовал себя в достаточной безопасности, потому что друзья прикрывали его сверху, иначе пилот второго «Спитфайра» никогда не смог бы получить достаточный запас скорости, который позволил ему, сманеврировав, занять позицию позади меня, из которой он и подстрелил мой самолет. Но мой первый противник принял риск проведения ближнего боя до того момента, когда должна прибыть помощь, что очень характерно для упрямых, спортивных британцев; они весьма отличались от русских, с которыми я не так давно вел борьбу.

Мой ведомый не сработал должным образом. Если бы только мои люди прикрывали меня в течение еще нескольких минут и не позволили тому «Спитфайру» зайти мне в хвост, я смог бы открыть огонь и отвернуть, и теперь англичанин сидел бы на каком-нибудь поле около своего самолета или выпрыгнул с парашютом, — в противном случае он был бы мертв.

Законы стратегического бомбардировочного наступления все больше и больше диктовали природу воздушных сражений, и, соответственно, дуэль в воздухе, классическая «собачья схватка», была все более редкой. Не находилось никакого времени для пробы сил, никакого времени, чтобы соотнести свои летные навыки с вражескими, когда бомбардировщики летели потоком и истребители обеспечивали их прикрытие. Наша работа состояла в том, чтобы проникнуть через этот защитный экран и напасть на бомбардировщики, в то время как работа истребителей эскорта

была в том, чтобы не дать нам этого сделать, идя вверх и открывая огонь, как только мы переходили в пикирование. Но маневренный бой случался уже не так часто.

Частые тревоги выводили наших молодых пилотов из равновесия и иссушали их решимость, так что, когда их атаковали истребители, они входили в крутую спираль, толком не зная, как извлечь из этого маневра тактическое преимущество. Подобные поединки длились недолго; прежде чем можно было прийти на помощь, охваченная огнем жертва, вращаясь, падала на землю, сделав перед этим не более одного полного круга со своим противником.

Однако время от времени в бою неожиданно сходились два одинаково подготовленных мастера. Когда это случалось, ветераны, все еще участвовавшие в основном сражении, наблюдали за ним с восторгом и затаив дыхание ждали его результат.

Они должны были скоро начать меня искать. Очевидно, мою вынужденную посадку не видели; иначе они, конечно, кружились бы над полем. Я должен был пробовать связаться с командным пунктом эскадры по радио. Или, возможно, кто-то из летчиков все еще был в воздухе и смог бы услышать мой аварийный вызов.

Стеная, я заставил себя встать и, держась одной рукой за спину, с трудом перегнулся в кабину. Я использовал обычный переключатель, и рация включилась. Прижимая одной рукой к горлу ларингофон, другой я работал с кнопкой передатчика на ручке управления.

— «Одиссей-один» вызывает «Одиссея»… Никакого ответа.

— «Одиссей-один» — «Одиссею». Сел на «на живот» к югу от Этны. Пожалуйста, прилетайте…

Очевидно, рация была непригодна для использования. Действительно, было бы чудом, если она пережила тяжелейший удар. Я выключил ее и медленно преодолел сотню метров до края поля, где несколько чахлых деревьев отбрасывали небольшую тень. Когда я вступил в высокую сухую траву, во все стороны поднялись рои маленькой саранчи, облепившей мои ботинки и нижнюю часть брюк. Я отпрянул с отвращением и потряс ногами, чтобы избавиться от вредителей. Тень была и в другом месте —

выше, под изгородью например.

Если бы только не эта адская жара! Но они вскоре меня найдут. Я задался вопросом, бомбили ли Джербини. К этому моменту они, вероятно, готовились к следующему вылету.

Тем временем я нашел пятно тени у подножия оливкового дерева, расстегнул рубашку до живота, надвинул кепку на глаза и погрузился в дремоту.

Я наполовину спал, когда услышал звон металла о металл, сопровождаемый мужскими голосами. Открыв глаза, я увидел около самолета двух сицилийцев в грязных белых рубашках и черных брюках. Они вытаскивали из кабины парашют.

— Эй! — закричал я.

Они вздрогнули, после чего я поднял пистолет «Вери» и снова закричал. Сицилийцы посмотрели в моем направлении, но, похоже, хотя и слышали мой крик, еще не разглядели меня в тени оливкового дерева. Только когда они медленно выпрямились, я увидел два длинноствольных дробовика, прислоненных к фюзеляжу. Взяв свое оружие, они подошли ко мне и остановились, не произнеся ни слова. В них не было ничего особенно грозного. В глазах старшего из этих двоих читалось дружелюбие. Это был худой, беззубый человек с костлявыми руками, на которых заметно выделялись вены. Молодой — ему было не больше тринадцати или четырнадцати — внимательно смотрел круглыми, удивленными глазами на чужого летчика.

— Buon gorno[82].

— Buon gorno.

— Tedesco?[83]

— Si, Tedesco.

Они сели около меня в тени. На мгновение я подумал, что было бы любопытно узнать, что бы они сделали, ответь я «Inglese»[84] или «Americano»[85]. Но в этот момент мальчик показал на две фигуры, которые двигались к разрушенному самолету. Затем я услышал своеобразный звук двигателя «шторьха». Да, это был «шторьх», он кружился над склоном,

который поднимался к вершине Этны, покрытой редкой растительностью. Я выстрелил красную сигнальную ракету, и уже вскоре медленно летящий самолет выполнял вираж над полем, ища подходящее место для посадки.

Он остановился около «сто девятого», и из него выбрались Бахмани и мой старший механик фельдфебель Шварц. Оба самолета были немедленно окружены любопытными зрителями разных возрастов. Каждый житель соседних деревень должен был видеть происходящее. Без сомнения, мы устроили долгожданное развлечение этим людям, которые собирались вокруг нас, громко разговаривая и жестикулируя. У меня было такое чувство, что совсем скоро они увидят «очень много войны».

— Мне жаль, господин майор, — сказал Бахманн, — что я потерял вас из виду… Вы атаковали так внезапно…

— Да, Бахманн, это точно не был шедевр боевой подготовки или взаимодействия. На вас висит ответственность за то, что случилось.

— Сбили Бесенка. Все произошло так неожиданно — возникло всеобщее замешательство…

Он запнулся. Что он еще мог сказать? Снова ушел один из самых молодых. Отвернувшись, я тоже молчал.

Шварц уже начал демонтировать с самолета оборудование. Мы решили снять и забрать с собой рацию и часы. Шварц должен был остаться около обломков, пока мы с воздуха разведаем маршрут, по которому мог бы проехать эвакуационный автомобиль.

Боль в спине возникла снова, едва я поднялся на пару сантиметров. Меня мучила жажда, пот лился по мне ручьем. Как обычно, кабина «шторьха» походила на духовку. Было 2 часа пополудни, когда мы взлетели. «Шторьх» поднялся над сухим полем, оставив на земле после нашего короткого разбега облако пыли. Наше движение сквозь воздух принесло некоторое облегчение жары. Указатель температуры масла показывал максимально допустимое значение, но я не имел никакого желания подниматься в более прохладный слой воздуха, так как там мы были бы во власти «Спитфайров» и «киттихауков».

Мы, вероятно, находились в 50 километрах от Джербини. До горизонта простиралась равнина с полями желтого жнивья. Видимость была не очень хорошей, воздух дрожал от жары. Я пытался найти какие-нибудь наземные ориентиры, когда Бахманн внезапно затряс меня за плечо и завопил в ухо:

— Они атакуют Джербини! Они бомбят…

Тогда и я тоже увидел коричневые фонтаны земли. Казалось, что вся равнина неожиданно пришла в жуткое движение. Аэродром истребителей-бомбардировщиков перепахивался бомбами, и на землю, очевидно, опустился настоящий ад. Когда я приблизился к нашей собственной взлетно-посадочной площадке, она была полностью закрыта завесой пыли. Мы не могли определить, находились ли наши истребители в воздухе, но садиться теперь было безумием. У меня имелось достаточно топлива, чтобы достигнуть Трапани, куда эскадра должна была прибыть тем же вечером. Но Шварц ждал около моего разбитого самолета у подножия Этны и останется там, пока не прибудет помощь.

Приняв решение, я повернулся к Бахманну.

— Летим в Трапани! — прокричал я. — Мы позвоним по телефону в штаб инспектора истребительной авиации относительно эвакуации моего самолета и попросим их позаботиться о Шварце.

Я развернул «шторьх» в северном направлении, чтобы пересечь горы и достичь побережья. Только там, летя на малой высоте над шоссе в Трапани, мы были в безопасности от вражеских истребителей.

Поглядев назад, я увидел, что расползавшееся коричневое облако пыли, подобно одеялу, накрывало равнину. Из него появлялись грибовидные столбы сине-черного дыма от горящих самолетов.

Я пролетел над выжженным склоном горы, а затем поднял «шторьх» к голым скалам и гребню. Полуденная жара вызывала чрезвычайно сильные турбулентные потоки, так что я должен прикладывать большие усилия, чтобы сохранять управление. Справа от нас высился снежный конус вулкана. Затем земля круто шла вниз в виде восхитительного лесного склона, который резко

обрывался там, где начиналось глубокое синее море. Я достиг побережья около Чефалу, узнаваемого по своим характерным утесам, и на малой высоте летел на запад, к Палермо. Воздух был теперь спокоен; двигатель монотонно гудел, и горячее полуденное солнце било нам в глаза через плексиглас кабины. Я подвигался на своем жестком сиденье, пробуя преодолеть усталость. Но члены моего тела были столь же тяжелы, как и голова, в глазах от жары и перенапряжения поплыли цветные круги. Я был на ногах с четырех утра.

Англичанин, который подстрелил меня, пробил оба радиатора под крыльями. Однако бронепластина за моей головой предотвратила конец. Я знал, что некоторые из моих пилотов снимали ее, потому что хотели иметь непрерывный обзор задней полусферы, и я решил, что прикажу им вернуть ее на место.

Я задавался вопросом: застали ли эскадру на земле? Это была худшая и наиболее бесславная ситуация, которую можно было придумать для летчика. Всего лишь два года назад экипажи наших собственных бомбардировщиков ежедневно и успешно выполняли ту же самую задачу: уничтожение вражеских военно-воздушных сил на земле… Я думал о несчастном Фрейтаге, который едва не сходил с ума, когда вынужден был сидеть на корточках в траншее, бессильно слушая свист и разрывы бомб.

Сколько самолетов этим вечером прибудут в Шакку и Трапани? Нашим прекрасным механикам приходилось показывать чудеса изобретательности. Непригодные для полетов самолеты безжалостно разукомплектовывались, поскольку ситуация с запасными частями была катастрофическая.

Нам надо было эвакуироваться с имеющихся аэродромов прежде, чем нас полностью уничтожат. Я решил, что на следующий день пролечу на «шторьхе» над гористой частью острова, чтобы разведать возможные посадочные площадки. Там, между Трапани и Энной, должны были быть подходящие места, где мы могли бы укрыться от бомбардировщиков. Я должен был сообщить инспектору истребительной авиации о своем плане и надеялся, что его телефонная линия все еще не повреждена. На самом деле я лишь обманывал себя, как обманывал три месяца назад в Тунисе, когда остатки эскадры были перемолоты в ходе безнадежного сражения на плацдарме на мысе Бон.

Какими ужасающе безразличными мы стали! В течение нашей

последней ночи в Северной Африке мы должны были уничтожить автомобили, самолеты, радиостанции и запасные части. Эти действия превратились в оргию вандализма, и, возможно, именно тогда наше отношение к ценности этих вещей изменилось.

Если я не занимался чем-нибудь, то сразу же засыпал. В военное время размышления ни к чему хорошему не приводят. Я бросил «шторьх» в крутой вираж и понесся на малой высоте над берегом. В тот момент нас подбросило воздушным потоком самолета, обогнавшего нас на той же самой высоте. Сделав на «шторьхе» полный разворот, я увидел «сто девятый», направлявшийся в Трапани.

В начале второй половины дня я приземлился на некотором расстоянии от командного пункта, на поле, поднимавшемся вверх к горе Эриче. Как только пропеллер перестал вращаться, напряжение полета спало, и единственное мое желание состояло в том, чтобы закрыть глаза и продолжать сидеть на своем месте.

Бахманн открыл боковую дверь кабины, и немедленно снова почувствовался зной; опять стрекотали кузнечики, пахло маслом и смазкой, нагретыми под палящим солнцем. Едва я выпрямился и занес левую ногу над порогом двери, чтобы выбраться наружу, как моя спина снова заболела.

Застонав, я самостоятельно опустил обе ноги на землю и встал, поддерживаемый Бахманном. В воздух поднялись облака кузнечиков, пока мы сквозь чертополох и дикий редис шли к палатке, где нас ожидал «кюбельваген». Поездка к командному пункту была страданием, поскольку автомобиль не амортизировал толчки и ехал, «считая» на дороге одну борозду за другой.

На командном пункте дежурный офицер доложил, что мое штабное звено и 1-я группа покинули Джербини и вот-вот должны были приземлиться. Информация относительно событий дня была путаной и неточной. Кроме того, линия связи с инспектором истребительной авиации была временно неисправна. Эскадра сбила шесть «Крепостей» и один «Москито». Пропали без вести лейтенанты Бернхард и Флик. Ущерб, понесенный при налете бомбардировщиков на Джербини, еще не успели оценить, но главный удар пришелся по эскадре истребителей-бомбардировщиков.

Вскоре позвонил Фрейтаг:

— Мы только что вернулись из Джербини, господин майор, очень беспокоились о вас…

— Я лишь растянул спину. Как дела с вашей группой?

— Сбит Флик. Это произошло в бою со «Спитфайрами». Он упал около Катании. Все аэродромы вокруг Джербини повреждены. Парни из истребительно-бомбардировочной эскадры, должно быть, потеряли чертовское число самолетов. Четыре «фокке-вульфа» уже горели, когда мы взлетали.

— Сколько самолетов вы можете поднять в воздух, Фрейтаг?

— Невозможно сказать точно, — ответил он бесстрастно, — но если все пойдет так и дальше, то скоро не будет ни одного.

— «Фрейя» сообщает о вражеских самолетах, приближающихся со стороны Пантеллерии. Я хочу, чтобы вы, как только сможете, имели два звена, патрулирующих к западу от Марсалы.

— Хорошо, господин майор, — подтвердил он новый приказ тем же самым бесстрастным тоном и тремя короткими телефонными звонками сигнализировал, что разговор окончен.

Тем временем дежурный офицер пытался восстановить телефонную связь с инспектором истребительной авиации, которому я послал сообщение по радио. Линия еще долго могла оставаться неисправной, и я хотел информировать его о текущем состоянии эскадры. Гёдерт сообщил из Шакки, что аэродром был атакован множеством бомбардировщиков и что группа сбила пять «киттихауков» из их эскорта ценой одного своего самолета.

В конце концов, я сумел связаться с генералом по телефону и доложить ему об эскадре, воздушных боях и своей вынужденной посадке.

Дослушав меня, он минуту помолчал, затем дал свои инструкции, которые были краткими и точными: «Завтра держите обе свои группы на западе и атакуйте любые тяжелые бомбардировщики, которые нападут на ваши аэродромы. И начинайте использовать запасные грунтовые площадки, чтобы

ваша эскадра не была уничтожена на земле…» После этого связь оборвалась.

Я собирался остаться на вилле и поспать несколько часов. Уже наполовину заснув, я отчетливо услышал появление «Веллингтонов», ритмичный шум их двигателей и свист первых бомб. Но мои члены были словно свинцовые, и я чувствовал себя так, словно падал на землю на большой скорости. Когда от близкого разрыва бомбы затряслись окна, я еще продолжал лежать на спине, обливаясь потом.

Сев и надевая рубашку, я ощутил приступ дикой боли в спине. Толстяк стоял в дверном проеме с карбидной лампой в руках.

— Разве вам не лучше спать в гроте, господин майор? Они снова здесь…

Вслед за Толстяком я вымученно пролез через отверстие в стене и вошел в грот. Прежде чем мои глаза привыкли к свету, я услышал слова Штрадена:

— Бесенок упал в море, словно факел.

Голос Фрейтага ответил:

— Они сбили его спереди. Никто не заметил приближающиеся «Спитфайры». Я понял, что это были «Спитфайры», когда он уже падал, горя.

Толстяк пододвинул ко мне шезлонг, и я осторожно в него опустился. Лампа на столе освещала лицо Фрейтага, черты которого резко выделялись в грубом свете. Я никогда прежде не видел его в состоянии такого чрезвычайного истощения. Опухшие веки и мешки под глазами делали его лицо старым. Было очевидно, что он снова слишком много выпил.

— Жаль, я не мог прийти к вам на помощь, господин майор, — сказал он довольно запальчиво. — К моменту, когда вы выполнили эту внезапную атаку, у всех нас были заняты руки.

— Возможно, мне не стоило делать этого, — ответил я, — но я думал, что вы будете меня прикрывать. Поединок — искушение, перед которым я действительно не смог устоять. Еще несколько

мгновений — и я наверняка сбил бы его.

— Они спикировали на нас — приблизительно восемь «спитов». Прежде чем мы смогли оглядеться, у каждого из нас оказалось по одному на хвосте. — Тон Штрадена был почти извиняющимся, и его замечание завершило обсуждение.

Парни совершенно правы, думал я, зная при этом, что они давно прекратили подвергать себя ненужному риску. Иначе разве они оставили бы меня с моими проблемами? Теперь они добивались лишь легких побед, сбивая одиночных летчиков, пилотов, которые по неопытности вывалились из боевого порядка своего формирования, отстали из-за повреждений. Во время Битвы за Англию, несмотря на допущенные тогда ошибки, такие вещи едва ли могли иметь место. Но теперь все мы были утомлены, измучены и удручены.

Все равно я задавал себе вопрос, могу ли назвать любого из них «проявившим трусость перед лицом противника». Потом понял, что уже в течение некоторого времени смотрю на Бахманна, который тихо сидел напротив меня. Но он избегал моего взгляда, словно имел нечистую совесть. Возможно, он думал о гибели Бесенка.

— Вы позаботитесь о вещах Бернхарда? — спросил я его. — Мы сможем отправить их на транспортном самолете, если он здесь приземлится.

Он молча кивнул. Подобная процедура была в порядке вещей и больше не нуждалась в особом распоряжении. Это было то, что он делал уже достаточно часто…

Я спрашивал себя, почему наши молодые пилоты переживали так мало вылетов. Мы, «старики», начинали почти так же, как они, но, возможно, могли постепенно адаптироваться к текущей обстановке и по этой причине были теперь невосприимчивы к таким ударам. Когда на замену прибывали молодые летчики, сначала они были все еще очень уверены в себе, щеголеваты и многоречивы. Но первые же несколько вылетов пугали их до смерти, и они вели себя значительно тише. Обычно они замыкали боевой порядок или летели на внешних флангах, где находились в наибольшей опасности. Лишь после очень большого числа вылетов летчику-истребителю давали под командование пару или даже звено. Так что они продолжали еще долго летать в

назначенных позициях, потому что на глазах у них были шоры, мешавшие понимать ситуацию в целом, когда был установлен контакт с противником, а также потому, что они еще не развили инстинктивное чувство боя в трехмерном пространстве. Именно в течение этого периода большинство из них встретили смерть, когда во время атаки любой пилот истребительного эскорта с достаточным боевым опытом по тому, как они обходились с самолетом, понимал, что они новички. Всякий раз, когда они выпрыгивали на парашютах или совершали вынужденную посадку, их следовало обязательно сразу же послать в новый вылет, поскольку, если бы им давали слишком много времени на размышление, они не смогли бы справиться с шоком.

— Сколько вылетов совершил Бернхард?

— Приблизительно десять, — ответил Бахманн.

В течение последней недели перед высадкой союзников бомбежки приняли массированный характер. Каждый аэродром, взлетно-посадочная площадка и запасная полоса были настолько сильно повреждены, что только привлечением всех доступных резервов, — включая армейские подразделения, — стало возможным на временной основе восстановить несколько аэродромов до их эксплутационного состояния. Немецкие и итальянские зенитные батареи сбили большое число самолетов, но они были неспособны остановить массированные удары с воздуха. Кроме того, в последние перед вторжением дни военно-воздушные силы союзников предприняли мощные атаки против береговых оборонительных сооружений на юге и юго-востоке острова. Эти крупномасштабные атаки указывали возможное место высадки десанта.

Франц Куровски. Ворота в крепость Европа

К концу дня «Д» минус один (9 июля)[86] союзные военно-воздушные силы расчистили путь для высадки десанта на Сицилию. Вражеская авиация была выбита с острова или была в значительной степени скована разбитыми аэродромами, пути подвоза снаряжения и подкрепления были так разбомблены, что обычный поток

материалов и персонала был серьезно замедлен. Завоевав превосходство в воздухе, NATAF и 9-я воздушная армия были готовы принять дополнительные обязанности, которые возложит на них начавшееся вторжение.

> *Европа: от «Факела» до «Пойнтбланка», август 1942 г. — декабрь 1943 г. Армейская авиация США во Второй мировой войне, том 2*

В 04.30 10 июля первые вражеские самолеты появились над союзными кораблями, сконцентрированными перед атакуемыми пляжами… Воздушные налеты лишь немного препятствовали высадке.

> *Альберт Гарланд. Сицилия и капитуляция Италии. Средиземноморский театр военных действий. Армия Соединенных Штатов во Второй мировой войне*

К ночи дня «Д», 10 июля, 7-я армия твердо закрепилась на Сицилии.

> *Альберт Гарланд. Сицилия и капитуляция Италии. Средиземноморский театр военных действий. Армия Соединенных Штатов во Второй мировой войне*

Трапани, 10 июля 1943 г.

Взлетно-посадочная полоса должна была быть уже за следующей цепочкой холмов. Я бросил «сто девятый» в левый вираж и на малой высоте понесся над опаляемой солнцем поверхностью луга по направлению к зданию фермы, стоявшему около высохшего русла реки. Рядом с ним было желтое сигнальное полотнище, растянутое на земле и обращенное к долине. Оно указывало точку, где надо было приземляться.

Я задавался вопросом, почему эта выжженная желтая полоса с темными дубами, редко покрывавшими склоны с обеих сторон, сегодня кажется такой маленькой. Вчера она выглядела намного большей, когда я приземлился на ней на «шторьхе» и рулил по каменистой земле. Выбравшись из него, я должен был идти через высокую, по колено, траву и чертополох, которые потрескивали, когда я ломал и крошил их своими ногами. Длина взлетно-посадочной полосы показалась мне достаточной при условии, что ты приближался к сигнальному полотнищу на минимальной скорости и приземлялся около него.

Я хотел выполнить хорошую посадку, чтобы придать группе, летевшей позади меня, уверенность. После этого я должен был быстро отрулить в сторону, чтобы освободить дорогу Бахманну и Хелбигу, которые находились не так далеко позади меня и уже выполняли вираж перед тем, как выровнять самолет на конечной стадии захода на посадку. Непосредственно перед тем, как я направил самолет вниз, из двери дома вышли люди в хаки, и, когда колеса шасси коснулись земли, я увидел вблизи сигнального полотнища солдат с пистолетами «Вери». Их работа состояла в том, чтобы немедленно выстрелить красные сигнальные ракеты, если при заходе на посадку что-нибудь пойдет не так, как полагается. Штраден выбрал опытных людей для этой задачи.

Катясь вверх по склону, самолет быстро остановился. И затем я понял, что взлетно-посадочная полоса слишком коротка для того, чтобы севший с перелетом пилот мог снова взлететь, в его распоряжении имелось не более доли секунды, чтобы принять решение сделать еще круг и выполнить вторую попытку. Мой механик сигналил мне из тени под деревьями. Я выключил двигатель, расстегнул привязные ремни и сел на край кабины. Оттуда у меня был хороший обзор происходящего на аэродроме,

и я мог по радио передавать инструкции приземляющейся группе Фрейтага.

То, что мы делали с нашими «мессершмиттами» на этом крошечном клочке земли, который называли посадочной площадкой, граничило с высшим пилотажем. Двигатель работал на высоких оборотах, так как надо было поддерживать высокую скорость, чтобы управлять самолетом. Непосредственно перед сигнальным полотнищем рычаг сектора газа резко передвигался назад, и тяжелая машина в облаке пыли совершала посадку на каменистой, но далеко не гладкой земле. Это был рискованный маневр, к которому нас, однако, приучили годы наших блужданий. При этом единственное отличие для меня состояло в том, что я, как командир эскадрильи, еще мог ругать такой выбор или эту несчастную полоску земли, с которой, как ожидалось, нам предстояло действовать. Но теперь это был мой собственный выбор, а это совсем другое дело! Все, казалось, проходило нормально: каждый знал очередность посадки; интервалы между самолетами соответствовали обстановке, и молодые пилоты неоднократно предупреждались об опасностях посадки в таких обстоятельствах.

Один из последних после посадки немедленно снова взлетел, поскольку недооценил свою скорость. Совершенно правильно. Красные сигнальные ракеты медленно опустились на землю и погасли. Были обычные облака пыли, крещендо и диминуэндо[87] двигателей, рулящие самолеты, двигающиеся топливозаправщики, кричащие механики: калейдоскоп войны, вторгшийся в эту мирную долину с силой взрыва. Для нас же это было весьма банально, даже притом, что несоответствие посадочной полосы, — о чьем существовании здесь вряд ли кто-нибудь подумал, — заставляло волосы вставать дыбом.

Время от времени я командовал в микрофон, например: «2-я эскадрилья отрулить влево!», или «Разомкнуться больше!», или «Снова сомкнуться!». Приблизительно двадцать «мессершмиттов» приземлились благополучно. Только два продолжали кружиться над полем: в одном случае у пилота возникли проблемы с выпуском шасси, в другом один из новичков не смог сесть с первой попытки. Я снял шлем и нагнулся в кабину, чтобы выключить рацию, когда услышал взволнованные крики механиков:

— Слишком далеко влево… он заходит слишком круто!

Выпрямившись, я увидел «сто девятый», севший значительно в стороне от сигнального полотнища. На слишком большой скорости он какой-то отрезок склона одолел с поднятой хвостовой частью, а затем, из-за сильного давления на тормоза, затрясся и начал крениться.

В этот момент каждый затаил дыхание, ожидая развязки. Механики прекратили работу; пилоты в своих кабинах поворачивали головы, следя за движением самолета, который несся мимо них. Опытные ветераны знали о том, что должно случиться, но все же их лица были бесстрастны. Он врежется в деревья, подумал я. Возможно, закончит путь в дубовой роще или, может быть, пилот рискнет резко развернуть самолет и тогда сломаются стойки шасси.

Но прежде чем он достиг деревьев, хвост «мессершмитта» внезапно задрался вверх, и, после секундного балансирования на коке винта, самолет перевернулся. Все, что теперь можно было увидеть из высокого кустарника, так это колеса и тонкие стойки шасси, торчащие вверх.

Он, очевидно, натолкнулся на валун, но как это было возможно? Вчера я выполнил полную проверку поверхности, руля на «шторьхе» во всех направлениях…

Несколько автомобилей уже мчались к месту аварии, когда я соскочил на землю и вызвал транспорт. Уже на большом расстоянии я почувствовал сильный запах бензина. Группа летчиков собралась вокруг хвостовой части самолета, готовясь поднять ее совместными усилиями. Я слышал их крики:

— Осторожно, утечка топлива!

— Держите наготове огнетушители!

— Вместе — подъем!

Около меня внезапно появился Бахманн.

— Это, вероятно, один из новых офицеров, — сказал он. — Мой бог — вы слышите это? Генератор все еще работает. Это означает, что зажигание все еще включено.

Одна искра где-то в лабиринте электропроводки могла вызвать взрыв. Земля вокруг самолета уже пропиталась бензином. Один из механиков, вооруженный тяжелым инструментом, опустился на колени под крылом и яростными ударами выбил боковое стекло фонаря кабины. Другие летчики, покряхтывая, удерживали хвост на весу. Сначала из кабины появилась пара рук, а затем голова в летном шлеме; наконец, механик рывком вытащил и поволок по земле покрытого ссадинами пилота, в пропитанной бензином рубашке в лохмотьях. В этот момент зрители вздохнули с облегчением. Во время всей операции множество огнетушителей было нацелено на место аварии. Мы хорошо знали опасность происходящего и держались на почтительном расстоянии от луж бензина.

— Давайте его отсюда! — кричал кто-то.

Толкаемый вперед рукой своего спасителя, пилот поднялся на колени, ударившись головой о кромку крыла.

— Теперь огнетушители!

Можно было подумать, что струи пены зажгли пары бензина, поскольку внезапно перед нами с глухим «уф-ф» поднялась стена красного огня, высокая, словно дом. Спотыкаясь и падая, мы побежали, спасаясь от нее. Мы были вне опасной зоны, когда увидели бегущего человека, горевшего, словно факел. Это был пилот. Одолев несколько метров, он внезапно остановился и рухнул на землю. Пожарные помчались к нему на помощь и опустошили огнетушители на корчащегося человека. К тому моменту, когда я добрался до него, огонь был уже потушен.

— Как я и думал, это один из новых офицеров, — произнес Бахманн. — Он ужасно обгорел.

Внезапно я ощутил весь адский характер действий с этих временных передовых взлетно-посадочных площадок. Эскадра имела теперь лишь одну санитарную машину, и она находилась в другом месте. Мы уничтожили весь наш транспорт в Тунисе, и, когда нас переоснащали, все, что воздушный флот смог предоставить нам, — это была одна санитарная машина.

Все до одного звали медицинский дежурный персонал, но пока еще ни один из них не прибыл. Из Трапани отправился только самый необходимый транспорт, а маленький клочок

пастбища, который теперь стал нашим аэродромом, было трудно найти. Мы оставили гауптмана Шперрлинга, нашего врача, там, чтобы он заботился о раненых, которые из-за непрерывных налетов заполнили наш маленький лазарет.

Обгоревшего пилота положили на носилки и перенесли в тень. Он был в ужасном виде. Несколько летчиков обсуждали, как облегчить его боль.

— Это Беренд из моей эскадрильи, — сказал Рейнерт. — Он с нами только неделю и еще не участвовал в боевых вылетах.

Склонившись над распростертым человеком, я был поражен зловонием сожженной плоти. Огонь проделал ужасную работу над его головой и верхней частью туловища. Его волосы сплавились в тошнотворную массу, лицо было покрыто пузырями. На руках и груди висели клочья сгоревшей одежды.

Между стонами он кричал:

— Я не могу переносить это — сделайте что-нибудь, чтобы прекратить эту боль!

Он снова и снова повторял свои мольбы, в то время как мы беспомощно стояли вокруг, поскольку врач или другой медицинский работник отсутствовал, а среди нас не было никого, кто мог сделать инъекцию морфия.

— Пошлите за Штраденом, — приказал я. — Он раньше делал уколы. Возьмите аварийную аптечку с одного из самолетов; там должны быть шприц и ампулы.

Штраден появился, переводя дыхание. Его обязанностью теперь было руководить импровизированным командным пунктом эскадры. Он сразу понял, чего от него ждут, и принялся за работу.

— Спокойно, парень, — сказал он, сломав твердой рукой головку ампулы и наполнив шприц. — Спокойно, потерпи еще минуту или две. Еще немного…

Вскоре раненый успокоился. Он тихо стонал, бормоча слова, которые мы не могли разобрать, в то время как техник отгонял мух, которые роились вокруг. Его веки раздулись; его лицо

превратилось в невыразительную, студенистую массу.

Наконец, над полем появился «шторьх», который мы по радио вызвали из Трапани. Он доставит Беренда в наш лазарет. Был также полевой госпиталь в Трапани. Возможно, они смогут отправить его на материк, если случится, что в течение ночи прилетит «юнкерс», чтобы доставить срочно необходимые запчасти и эвакуировать раненых.

Я сел в «кюбельваген» и поехал вниз по склону к зданию фермы, где мы разместили наш командный пункт. В течение долгого времени я не мог избавиться от впечатлений от случившегося. Между телефонными разговорами и докладами о состоянии самолетов передо мной вновь продолжало появляться лицо этого пилота, почти мальчика, и мне казалось, что я чувствовал зловоние сожженной плоти.

* * *

Около ворот фермы стоял штабной грузовик. Между ним и стеной был натянут палаточный брезент. Под ним стояли наши шезлонги. Ворота, очень ободранные, были закрыты и надежно заперты на засов. Взобравшись на верхний брус и подтянувшись вверх, вы могли посмотреть во внутренний четырехугольный двор, окруженный покрытыми черепицей загонами для рогатого скота. Вокруг лежали ржавые сельскохозяйственные орудия. Это была сельская Сицилия, мирное зрелище. Сейчас было время сбора урожая и можно было ожидать увидеть во дворе какую-то деятельность, но люди, скорее всего, в панике бежали, как только ветер донес до них то, что мы собирались делать здесь. Поскольку везде, где мы появлялись, вслед за нами приходили смерть и разрушения.

Фрейтаг и командиры его эскадрилий вместе со Штраденом, Бахманном и Хелбигом собрались в тени тента. Было жарко и безветренно.

— Что известно относительно высадки союзников? — спросил Фрейтаг.

— Мало, — ответил я. — Не намного больше, чем мы сами можем выяснить. Этим вечером я успел перемолвиться с генералом несколькими словами прежде, чем линия была перерезана. Он сказал о воздушном десанте и действиях

парашютистов в районе Аугуста — мыс Пассеро — Джела. Вы знаете его спокойную, отстраненную манеру, с которой он рассматривает и оценивает ситуацию, вид которой привел бы любого другого к нервному срыву. Но этим вечером его голос звучал раздраженно и напряженно, когда он говорил: «Мы ведем невероятный заградительный огонь…» Затем связь оборвалась.

— Славная ситуация, — прокомментировал Фрейтаг.

— Бахманн, сообщите мне, пожалуйста, когда заправят все самолеты. Сколько приземлилось?

— Двадцать четыре, господин майор.

Двадцать четыре. И сколько из них были пригодны для полетов? 1-я группа осталась в Шакке. Гёдерт должен был взлететь оттуда на рассвете, чтобы атаковать десантные суда около Джелы, и сразу же перебазируется на наш передовой аэродром, если станет невозможно оставаться в Шакке.

Накануне вечером мы все собрались в гроте, что стало нашей традицией после начала воздушного наступления союзников. Толстяк организовал в нем импровизированную кухню, и теперь мы поглощали здесь наши однообразные ужины.

Последние немногие разведывательные полеты показали присутствие многочисленных военных кораблей всех размеров в гавани Валетты и вокруг острова. Вместе с мощными бомбардировками и беспрерывными полетами вражеских разведчиков это указывало на неизбежную высадку десанта.

К полуночи с моря с необычной интенсивностью начали стрелять пушки. Взрывы сотрясали пол и крышу грота. Пробудившись от глубокого сна, мы лежали с открытыми глазами на наших раскладушках, все мы знали, что началась финальная стадия.

Зазвонил телефон: сначала отделение радиоперехвата на горе Эриче сообщило, что переговоры на радиочастотах союзников приняли невероятные размеры. Но было очевидно, что люди, которые передавали приказы, информацию и предупреждения друг другу и говорящие со своими офицерами управления на земле, не были командирами бомбардировочных и истребительных эскадрилий, с которыми мы были уже знакомы, а

были полностью вновь прибывшими, с чьими эскадрильями и крыльями до настоящего времени мы не сталкивались на Средиземноморье.

Затем на связь вышли командный пункт, взвод радиосвязи и, наконец, 1-я группа из Шакки, и вся эта информация, складываясь, формировала картину сражения, в котором союзники погрузились на корабли с намерением взять штурмом крепость Европа.

Обитатели грота лежали неподвижно, ожидая, когда серая муть рассвета заставит их подняться с кроватей, чтобы готовиться к дневным вылетам. Их глаза всякий раз были прикованы к моим губам, когда я говорил по телефону с командным пунктом или получал сообщения от радиовзвода, чтобы знать, как развивается ситуация. Затем они вполголоса обсуждали, или, достав из наколенных карманов карты, показывали Джелу, например, или Сиракузы, или водили пальцами по побережью в районе Ликаты.

Мы встали, когда первые лучи рассвета начали пробиваться через арку в стене. Прежде чем мы прошли через нее к грузовикам, чтобы ехать на аэродром, гауптман Кегель сообщил задание на день:

«Утренняя разведка плацдарма около Джелы. Разведка районов моря, простирающихся к Мальте, Пантеллерии и Тунису. Перехват приближающихся бомбардировщиков. Полеты начать после перебазирования на передовую взлетно-посадочную площадку».

* * *

— Командира к телефону!

Застонав, я встал и по ступенькам поднялся в штабной автомобиль. Внутри было невозможно выпрямиться без того, чтобы не удариться головой о крышу.

На карте, которая покрывала стол у окна, пестрело множество красных стрелок, направленных с юга и востока к южной части острова. Они показывали движение клещей, которые позволяли противнику, пользовавшемуся превосходством в воздухе и на море, свободно отрезать южную оконечность острова.

— Господин майор, мы обнаружили большое формирование стратегических бомбардировщиков, приближающееся с юго-запада. — Звонок был с командного пункта на горе Эриче. — Если вы немедленно взлетите, то встретите их, когда они будут пересекать побережье.

— Спасибо — мы взлетаем. Я свяжусь с вами снова, когда мы будем в воздухе.

Пилоты, стоявшие около грузовика, слышали мой ответ и были готовы идти. Водители завели свои двигатели.

«Тяжелые бомбардировщики приближаются со стороны Пантеллерии», — объявил я. Не было никакой потребности в предварительной информации к словам «быстрый взлет». Это понималось без слов. Все поспешили к автомобилям, застегивая спасательные жилеты, набивая сигнальными патронами карманы в нижней части ног своих комбинезонов и обмениваясь замечаниями по поводу взлета.

Хорошо тренированное подразделение всегда взлетало в определенной последовательности, которая отрабатывалась многократно, для сохранения управляемости взлета, сбора в воздухе и отправки всего формирования. Когда наши эскадрильи были рассеяны вокруг круглого аэродрома, — а большинство наших аэродромов, за исключением передовых взлетно-посадочных площадок, имели такую форму, — взлет управлялся визуально видимыми сигналами в виде ракет «Вери», выстреливаемых с мест рассредоточения эскадрилий. Не всегда можно было строго придерживаться обычной последовательности, и во время быстрого взлета самолеты уже с поднятыми хвостами часто участвовали в необдуманных гонках на земле. Случайный зритель, впервые являясь свидетелем этой сумятицы, мог бы от страха закрыть глаза, но внимательное наблюдение бы скоро показало, что в целом это своеобразная комбинация тренировки, интуиции и опыта. В России эскадрильи «Пе-2» нередко незамеченными подходили к аэродрому, потому что одно из наших передовых отделений воздушного наблюдения в тот момент вместе с пехотой перемещалось на новое место. По причине этого мы ускорили взлет, в котором, конечно, каждый хотел принять участие, во-первых, потому что стремился сбить противника, а во-вторых, потому что, даже в России, каждый чувствовал себя более в безопасности в воздухе, нежели на земле.

Очевидно, что воздушный бой на Восточном фронте был не более чем безопасной игрой по сравнению с этим адом, но, с другой стороны, он тоже мог приносить некоторые неприятные потрясения.

Выполняя широкий левый разворот, я оглянулся и сосчитал самолеты позади себя. Шестнадцать — другими словами, остатки 1-й группы и штабное звено. Возможно, после этого вылета их будет десять, а возможно, меньше.

— «Мебельные фургоны» приближаются к плацдарму высадки. Пересечение побережья около Селинунте. — Сообщение с нашего узла связи на горе Эриче было очень громким и четким, что в некоторой степени обнадеживало меня.

— Сообщение получено, — подтвердил я.

Утреннее солнце светило прямо мне в лицо. Я немного подвинулся на своем парашюте, чтобы переплет лобового стекла затенил мои глаза. Лежащая подо мной южная часть острова походила на изысканную сине-зеленую акварель, ее побережье изящно выделялось волнистой полоской белой пены, там, где голубые волны Средиземноморья разбивались о берег. Воздух был кристально чист и делал такими близкими деревни, сине-зеленые оливковые рощи и виноградники, так медленно скользившие мимо подо мной, что они, казалось, были на расстоянии вытянутой руки и что я был неподвижен в воздухе над ними. Слева, где плодородная прибрежная полоса превращалась в голую, высохшую, бесплодную местность, картина приобретала оттенки темно-желтого и золотого цветов. Альтиметр показывал 8000 метров.

Тонкий белый конденсационный след, четко видимый на фоне синего неба, начал формироваться позади машины Бахманна. Несомненно, я должен был сразу начать снижение; иначе бы мы продемонстрировали наше положение «Спитфайрам» и «Лайтнингам». Далеко впереди в юго-восточном направлении, где солнце отражалось от поверхности моря, лежал плацдарм высадки вражеского десанта. Мои глаза скользили вдоль прибрежного шоссе, пока не остановились на белом пятне, это была Джела. В том же направлении находились корабли, неисчислимые серые тени, усеявшие поверхность моря. Они маневрировали на высокой скорости, и их носовые части ткали на поверхности воды словно сеть из длинных волн,

распространявшихся вдаль, насколько мог видеть глаз. Какой огромный флот! Если бы только мы имели сколько-нибудь бомбардировщиков и неповрежденные аэродромы! Но корабли не опасались нас, не было ничего, что мы могли бы сделать им.

— «Одиссею» — от верхнего прикрытия. «Мебельные фургоны» должны сейчас пересечь ваш курс.

И почти сразу же на радиосвязь вышел Бахманн:

— «Одиссей», большое число «мебельных фургонов», на 9 часов[88].

Теперь я тоже увидел бомбардировщики, направлявшиеся к Мессине. Они летели в боевом порядке уступом влево на значительной дистанции и были эшелонированы по высоте на 900 метров. Требовалось несколько минут, чтобы мы догнали их, и я механически стал делать обычные вычисления, касающиеся сближения, выхода в атаку, боя и отхода. Но куда мы могли отойти? Было более чем вероятно, что Комизо негоден к использованию, так как ему уже угрожали наземные войска, в то время как Джербини с его многочисленными запасными аэродромами был опустошен лишь накануне. Так что это должны были быть или передовая взлетно-посадочная площадка, или даже Трапани. Когда я сделал пологий разворот к порту, я увидел, что группа Фрейтага уже отправилась в погоню. Позади меня были только Бахманн и Хелбиг.

В этот момент я увидел приблизительно в 100 метрах ниже себя одиночный «боинг», возможно поздно взлетевший или отставший из-за технических проблем. Теперь он храбро летел позади главных сил. Я знал, что должен преследовать основное формирование и не оставлять Фрейтага одного. Если одиночный самолет будет продолжать свой путь, мы в любом случае встретимся с ним позже. Но в моих ушах все еще звучали слова генерала: «Вы должны сбивать бомбардировщики. Это — десять членов экипажей, которых несет каждый из них!»

Я сделал переворот через крыло и спикировал из идеальной для атаки позиции. Мое лихорадочное желание одержать победу отбросило все другие мысли, кроме короткой мысли о том, что жалкие остатки моей эскадры теперь готовятся напасть на армаду «Летающих крепостей»…

«Боинг» устойчиво держался в моем прицеле. Я заранее снял гашетку стрельбы с предохранителя и теперь открыл огонь, хотя было еще слишком рано, чтобы мои выстрелы принесли эффект. Однако звуки выстрелов быстро прекратились — мои пушки заклинило; продолжали стрелять только пулеметы. Запах кордита заполнил кабину.

Набирая высоту, я увидел «Крепость», продолжавшую лететь своим курсом и, очевидно, невредимую. И в этот момент, подобно длинным пальцам, к ее крыльям и двигателям потянулись дымные трассеры Бахманна, и уже можно было заметить тонкий белый след вытекающего топлива, заструившийся позади правого внешнего двигателя. Но большой самолет оставался на курсе, как будто ничего не случилось. Хелбиг открыл огонь с 300 метров, вне пределов дальности его оружия.

Теперь снова настала моя очередь. Словно я был в чем-то виновен и хотел положить конец неравному соревнованию и в то же самое время дать ему шанс, я спикировал вниз, как в учебнике, и приблизился на несколько метров. Но почему никто не стрелял из хвостовой турели? Киль бомбардировщика вырисовывался перед моим лобовым бронестеклом словно дерево, турбулентные потоки, создаваемые его двигателями, бросали мой самолет, моя рука сжимала ручку управления, и я нажал на гашетку. Пушки после выстрела снова заклинило. Мои пулеметы распылили град искр по алюминиевой обшивке гигантского самолета прежде, чем я должен был уйти вверх. Благодаря своей скорости, я пролетел намного вперед моего противника. Когда развернул машину и посмотрел вниз, увидел, что он начал величественный разворот. Теперь за ним снова был Бахманн. Он, не дрогнув, висел в нескольких метрах позади выполнявшего вираж самолета, стреляя в поврежденный двигатель из всего, что имел. Белые струи вытекавшего бензина отмечали его попадания. Пропеллер двигателя, бывшего его целью, вращался все медленнее и медленнее и, наконец, замер. К этому времени американец развернулся на обратный курс и пытался уйти в направлении Пантеллерии. Мы выпустили еще несколько очередей в его фюзеляж, но без успеха. Мы были все еще на высоте 4000 метров, когда пересекли побережье. Бомбардировщик, летающая развалина с бензином, струящимся позади двух двигателей, после всех трассеров, которые мы выпустили, не загорался. Я задавался вопросом, сколько из десяти человек экипажа были еще живы в этом летающем гробу. Наверняка пилот, защищенный сзади бронеспинкой. Но я забыл, что наше время истекало.

— Выходим из атаки, выходим из атаки! — приказал я и повернул на северо-запад, в направлении нашей передовой взлетно-посадочной площадки. Когда аэродром появился подо мной, я мог слышать по радио обрывки фраз и гвалт сражения. Группа Фрейтага все еще вела бой.

Спустя четверть часа вернулись двенадцать из шестнадцати вылетевших «Ме». Я услышал, как кто-то сказал: «Гауптман Фрейтаг пропал без вести». Новости, передаваемые из уст в уста, достигли штабного автомобиля прежде, чем прибыли с докладом пилоты.

— Мы влетели прямо в гущу «спитов», — сказал фон Кестер, молодой долговязый лейтенант. — После этого я потерял из виду гауптмана Фрейтага[89]. Это было скорее похоже на фарс, чем на воздушный бой, и каждый стрелял из любой возможной позиции. «Спиты» были поражены, когда мы появились.

— Кто-нибудь видел парашют?

— Нет, господин майор, — во всяком случае, не в ходе боя со «спитами».

— Но «спиты» ушли, — продолжал Кестер. — Они пробились, двигаясь словно адские молоты, и оставили собственные бомбардировщики. Боевой порядок бомбардировщиков был настолько паршивым, что они прямо-таки приглашали атаковать. Мы бросились на них, и вскоре шесть из них были сбиты. Там над всем районом были парашюты.

— Продиктуйте боевые донесения штабному писарю, пожалуйста, и после этого удостоверьтесь, что ваши самолеты готовы взлететь снова, как можно быстрее.

Полуденная жара становилась невыносимой. Мы опустились в наши шезлонги и теперь отдыхали молча и без каких-либо мыслей. Аэродромный телефон продолжал звонить, поскольку эскадрильи выходили на связь, чтобы доложить о технических дефектах и о завершении дозаправки. Мы должны были выполнить еще один или два патрульных вылета и затем вернуться в Трапани.

Мы уже давно прекратили обсуждение наших вылетов —

скажем, боевого порядка, в котором летели, или атаки, или самого боя. Мы были так измотаны ежедневной безнадежной рутиной, которую исполняли теперь подобно автоматам, что хотя и регистрировали то, что видели и испытывали, но делали это без комментариев. В любом случае, что, право, было там обсуждать или о чем распространяться? Мы были немногими из тех, кто, по разным причинам, все еще выживали; до некоторой степени мы были отбросами когда-то известной истребительной авиации Юга, которая была украшена фамилиями знаменитых Марселля и Мюнхенберга. Однако расчеты снова были неверными, как в Сталинграде и Тунисе. В глазах рейхсмаршала мы были просто дисциплинарные батальоны, чьи действия больше не могли оцениваться выражениями похвалы или порицания, а заслуживали только презрения.

Новости о Фрейтаге угнетали меня. Я нашел легкий выход, напав на одиночный самолет, вместо того чтобы преследовать основную группу и таким образом усилить нашу позицию.

Будь он здесь, несомненно сделал бы некоторые иронические замечания относительно моих действий. Они все же были хорошо обдуманы, чтобы оказаться приемлемыми в пределах неофициальных отношений между командирами и подчиненными. Возможно, он сказал бы: «Вы выбрали для себя славный лакомый кусочек» или «Невероятно, почему эти тяжелые бомбардировщики выдерживают. Три истребителя выпаливают все свои боеприпасы, и ничего!».

* * *

Справа от меня в шезлонге сидел Бахманн. Этот молодой весельчак до сих пор встречал происходящее спокойно и безмятежно, но теперь его лицо настолько осунулось, что выглядело почти мученическим. Его пальцы нервно барабанили по подлокотнику шезлонга. Когда я положил свою руку поверх его, чтобы сдержать ее, он повернулся ко мне и сделал замечание, которое я меньше всего ожидал услышать в сложившейся ситуации.

— Если я когда-нибудь выберусь отсюда, господин майор, — сказал он, — если выберусь, то я поеду прямо в Берлин. Мне нужна женщина. Я жду этого с нетерпением еще с Аламейна…

— Вы должны были что-нибудь предпринять для этого, когда

были в Бари, — заметил Штраден.

— О, не говорите мне об итальянских женщинах… Это большая авантюра, они нравились нам, когда мы были мальчиками и имели обыкновение читать Карла Майя. Мы собирались, служа фюреру, завоевывать далекие страны и находить себе добычу, подобно грекам в Троянской войне…

Пришел штабной писарь, чтобы сообщить, что 12 машин готовы к вылету. Немного позже из подъехавшего «кюбельвагена» выбрался офицер по техническому обеспечению эскадры[90] и со стоном, прислонившись спиной к стене напротив меня, опустился на землю. Он вытер лоб тыльной стороной руки.

— Ситуация с запчастями всех видов катастрофическая, господин майор, — сказал он. — Не хватает боеприпасов, мало охлаждающей и гидравлической жидкости. Если ничего не изменится в пределах пары дней, мы должны будем закрыть мастерскую.

— В течение пары дней, мой друг, мастерская будет закрыта так или иначе, — произнес Штраден глухим голосом.

После этого беседа прекратилась снова. Телефон звонил непрерывно. Командный пункт продолжал свою обычную работу, и мы могли слышать отдельные слова: например, «исправны» — «охладитель» — «замена затвора», которые перемежались с отрывками разговоров с командным пунктом на горе Эриче. Связисты смогли восстановить линию, что было почти чудом.

Несколько пилотов начали тихо переговариваться. «Разве никто не видел, что случилось с Фрейтагом?» — спрашивал кто-то, или: «Машина Беренда ударилась в скалу. Он шел слишком быстро и сел в стороне от посадочной полосы».

С полевой кухни доставили чай, дыни и белый хлеб. Мы ели вяло, без аппетита. Огненный шар солнца висел прямо над головой.

Я спрашивал себя: что могу сделать с остатками своей эскадры? Должны ли мы сражаться «до последней машины»? Вместо того чтобы впустую растрачивать против вражеских соединений последние пригодные для полетов силы в размере эскадрильи, было бы лучше найти заслуживавшую внимание

альтернативу, учитывавшую наши возможности. Мы должны были вернуться в Трапани в сумерках при условии, что они сумеют держать взлетно-посадочную полосу чистой. Наши задачи на следующий день были все те же: разведка над плацдармом высадки десанта, штурмовка наземных целей (она снова появилась!), защита Мессинского пролива от ударов бомбардировщиков. Движение через пролив было жизненно важным, если наше намерение состояло в том, чтобы удержать остров, и было еще важнее, если мы собирались эвакуироваться с острова. В том случае, если генерал со своим штабом переместится на север, наши боевые донесения будут передаваться по радио. Они должны быть короткими и доходчивыми и включать информацию о ситуации, но, в отличие от сводок вермахта, в них не будет ничего о героическом сопротивлении или о сокрушительных потерях, понесенных противником. Я опасался, что остров будет удерживаться «любой ценой», потому что так решило Верховное командование вооруженных сил, и что приказ об эвакуации снова прибудет тогда, когда нечего будет эвакуировать и нечего спасать.

— Телефон — лейтенант Бахманн!

Немного позже адъютант вернулся и сказал:

— 1-я группа просит разрешения присоединиться к нам здесь. Они только что пережили ужасающий налет «мародеров» и говорят, что хотели бы найти мирное место в этой стране, где смогли бы спокойно вздохнуть.

— На этом карманном носовом платке уже слишком много машин, — громко возразил я. — Где мы их разместим?

Штраден скептически заявил:

— Это будет последней каплей, переполнившей чашу. Что произойдет, если «киттихауки» обнаружат нас здесь, когда они вылетят на штурмовку или на разведку?

Однако отказ противоречил моему взгляду на то, что нам следует сконцентрировать все наши боеспособные силы. Терялось слишком много ценного летного времени, пока мы с различных аэродромов достигали точки сбора.

— У них нет других вариантов отхода, — сказал Бахманн.

Я дал разрешение. В этой ситуации, когда общее управление отсутствовало, каждый командир должен был самостоятельно принимать решения и нести персональную ответственность за свои действия.

Прошел, должно быть, час, когда появилась 1-я группа. Сделав круг над аэродромом, она приземлилась, к счастью без инцидентов. Это были Кёлер и Гёдерт вместе с тринадцатью другими пилотами — все, что осталось от группы. Гёдерт резко нырнул под тент, чтобы сообщить о своем прибытии, затем стянул через голову свой спасательный жилет и расстегнул по пояс промокшую рубашку. При этом он показал живот, украшенный бледно-голубой татуировкой, изображавшей женщину с прекрасными формами в чувственной позе. Мы видели эту красотку прежде: очевидно, она появилась на свет в Гонконге или в Шанхае, когда ее владелец служил в торговом флоте. Лоб Гёдерта покрывали бусинки пота.

— Сожалею, что так сильно вспотел, — сказал он, — но я волновался за посадку…

После него под тент втиснулся Кёлер и сделал слабую попытку поприветствовать присутствующих. К настоящему времени этот мягкий, чувствительный человек был просто тенью самого себя в прошлом. В рассеянном свете под тентом его лицо выглядело почти хромово-желтым. При помощи огромных доз атебрина он вел отчаянную борьбу с малярией, однако участвовал в каждом возможном вылете.

— Этим утром я получил одного из этих малоскоростных, похожих на «шторьх», американцев[91], — сказал он. — Был полный хаос, когда мы столкнулись с зенитным огнем. Как и предполагалось, мы обстреляли десантные суда и выяснили, насколько далеко от берега продвинулись янки. Там все до одного стреляют в любого наверху! На берегу и на отмелях стоят великолепные планеры. Мы обстреляли все шоссе к Агридженто.

— Это был самолет, корректировавший артиллерийский огонь с боевых кораблей. Он парил вверх-вниз над прибрежным шоссе. Армин быстро занял позицию позади него, и он упал, подобно огненному шару, — произнес с долей восторга обычно невозмутимый Гёдерт.

— Когда на пути к побережью мы пересекли холмы, справа внизу увидели их выглядящие толстяками истребители-бомбардировщики, которые делали свое дело. Так что мы могли передать, где находятся наши собственные силы. Но была адская путаница, и нельзя было обнаружить никакой настоящей линии фронта. Легкая зенитная артиллерия стреляет во все, что видит, и если вы появляетесь рядом с большими кораблями, то кажется, что на вас обрушивается лавина огня. Истребители-бомбардировщики с Мальты и Пантеллерии, большинство из них «Грумман мартлет»[92]. Это толстые, маломаневренные самолеты, несущие невероятную бомбовую нагрузку. В первом патруле мы обстреляли десантные суда. Когда они низко сидят в воде и забиты войсками, это прекрасные цели.

— Сколько самолетов вы сможете поднять в воздух?

— Я буду более чем счастлив, если удастся привести в порядок десяток, господин майор, — ответил Гёдерт. — Они действительно перепахали сегодня нашу Шакку. Мы уже сидели в кабинах, готовые вылететь во второй патруль, когда наверху без предупреждения появились наши старые друзья «мародеры» из Северной Африки. Их прицеливание, как всегда, было отвратительным. Наши «восемьдесят восьмые» открыли огонь и хорошенько им дали — вскоре над взлетно-посадочной полосой были десять парашютов. Два бомбардировщика разбились около аэродрома. Взамен они оставили в моем крыле дыру, достаточно большую, чтобы в нее пролезла ваша голова.

— Очень хорошо. Мы должны как можно скорее быть готовы снова взлететь. Командный пункт с горы Эриче продолжает сообщать о появлении одной волны за другой, Трапани уже дважды бомбили.

«Киттихауки»! Мы не слышали звук их двигателей, но внезапно они появились шеренгой прямо над нашим аэродромом на высоте не более 90 метров. Они, очевидно, возвращались на Пантеллерию. Их животы были окрашены в синий цвет, а когда лидер перевел свой самолет в глубокий вираж, мы смогли увидеть пестрый пустынный камуфляж на верхних поверхностях. Мы замерли, надеясь, что нас не заметят. Если бы мы открыли огонь из наших пулеметов и винтовок, то раскрыли бы себя. В любом случае наша оборона аэродрома была в значительной степени импровизированной и состояла из нескольких «МГ-15»[93] на треногах, установленных вдоль посадочной полосы, и

винтовок, которыми были вооружены наши механики.

— Они заходят!

Растянувшись подобно бусинкам в ожерелье, американцы теперь кильватерной колонной приближались к долине. Спотыкаясь о стулья и провода, мы бросились под защиту стены и достигли ее несколькими мощными прыжками. Вражеское оружие заработало одновременно, словно по команде, затем к нему присоединились наши собственные пулеметы. Мы прижимались к стене затаив дыхание, в то время как пули поднимали фонтанчики земли из твердого грунта вокруг фермы. Остроносые истребители, — должно быть, около десятка, — пронеслись над аэродромом, незнакомый звук американских двигателей заполнил длинную долину. К этому времени наши люди открыли огонь из своих винтовок, как и были обучены, из траншей, из щелей в земле и из укрытий под деревьями. Я думаю, что это был не особенно эффективный способ обороны, но, по крайней мере, отлично поддерживал моральный дух. Можно было рассчитывать на успех только тогда, когда стреляли все, чтобы вверх было направлено максимально возможное количество свинца. Русские поступали так же и действовали на нас раздражающе, когда мы штурмовали их позиции.

— Внимание! Они возвращаются! — завопил один из наблюдателей.

Они выполнили разворот с набором высоты и, зайдя с востока, открыли огонь с большой дистанции. Мы бросились вокруг здания фермы, чтобы на этот раз укрыться за его западной стеной, эта ситуация приобретала забавный характер. Без сомнения, они атаковали ферму и штабной автомобиль, предполагая, возможно, наличие в них радиостанции, жизненно важной для управления ходом сражения. Но несомненно, они не могли не заметить наши слабо замаскированные самолеты под деревьями.

Ругаясь и задыхаясь, мы бросились в канаву, поскольку град пуль рвал землю вокруг фермы и сухую траву на взлетно-посадочной полосе.

— Чертовы идиоты! — проклинал кто-то. — Если бы только мы могли взлететь!

— Внимание, они разошлись. Заходят с двух сторон!

По-видимому, намереваясь разнести невинную сельскую ферму на части, американцы теперь атаковали с разных направлений, гоняя нас вокруг амбара. Мы продолжали скакать, спасая свои жизни, ругаясь и смеясь. К счастью, ни один из наших противников не имел под фюзеляжем бомб, так что мы могли позволить себе относиться к происходящему с некоторой долей легкомыслия. Наконец, после неистового, бешеного крещендо все они исчезли в западном направлении, и звук их двигателей очень скоро стих.

Мы собрались вокруг штабного автомобиля, отряхивая пыль с пропитанных потом рубашек и брюк и рассматривая жалкий, пронизанный пулями грузовик и его разбитые окна. Из-за пробитых шин он накренился на одну сторону, и мы думали, что нам придется бросить его, если окажется, что также поврежден и двигатель.

Бахманн первым подал голос.

— Проклятые дилетанты, — сказал он презрительно, и все мы засмеялись, соглашаясь.

— Карл ранен! — закричал кто-то с другого конца посадочной полосы. — Нам нужны бинты и потребуется «шторьх»!

— Карла все знают, — сказал я. — Мы должны поспешить.

Карла принесли и положили на землю, пристроив под голову подушку сиденья. Он испуганно озирался, пытаясь что-то сказать, но получалось у него только бульканье.

— Вы не должны говорить, — сказал обер-фельдфебель Хаманн. — Лежите тихо, скоро будет «шторьх». — Он повернулся ко мне: — Пуля прошла через грудь по диагонали. Мы использовали все бинты, которые смогли найти, но кровь все еще идет.

Карл Рамхарт был в эскадре с тех пор, когда она вступила в войну в 1939 г. Он рос в центре Мюнхена, возле рынка. Работал с торговцем углем. Если сказать более точно, то был одним из тех людей с почерневшими лицами и мешками на головах, надетыми подобно капюшону, которые доставляли мешки с углем людям в

подвалы, и обладал телосложением, отвечающим этой работе. Его направили в эскадру, где он работал сначала на кухне, а позже на вещевом складе, затем обучился автовождению, отдавая предпочтение большим автозаправщикам. Вскоре он стал одним из незаменимых членов эскадры.

Но то, что позволило Карлу занять особое положение среди нас, была присущая только ему форма общения. Он обращался на «ты» к любому, включая старших по званию. Не то чтобы Карл не принимал во внимание звания, просто он легко и ловко объединял свободу обращения с общепринятыми знаками внимания при разговоре со старшими. И все это на самом ярко выраженном из мюнхенских произношений. Было заметно, что его школьные учителя так и не сумели втолковать ему некоторые правила.

Мало того что он пользовался всеобщей популярностью, он также являл собой образец самоотверженной преданности работе и готовности помогать другим. Среди тех, к кому он питал особые чувства, был и я.

— Карл, — сказал я, склонившись над ним, — лежите тихо и не разговаривайте. Мы собираемся отправить вас по воздуху в Трапани. Там получше, чем здесь.

Его лицо искажали гримасы боли, он дышал с трудом. Его могучие руки, которые так непринужденно управлялись с тяжелыми топливными бочками, беспокойно задвигались. Было ясно, что он хочет поговорить со мной.

Придвинув свое ухо поближе к его губам, я едва расслышал, как он хрипло произнес:

— Господин майор, когда снова буду в порядке, я хотел бы вернуться к парням. Вы обещаете, господин майор?

— Да, Карл, не волнуйтесь. Вы снова вернетесь к нам через несколько недель.

* * *

Мы достигли Трапани незадолго до наступления сумерек, «мы» — это горстка пилотов с еще пригодными для полетов самолетами. Не имея возможности определить, где приземляться,

я сделал несколько кругов над перепаханным аэродромом, пока из района рассредоточения не взлетели зеленые сигнальные ракеты, указывавшие, что маркерам взлетно-посадочной полосы можно доверять и что посадка разрешена.

Поразительно, сколько вынес этот аэродром, подумал я, когда после нескольких громких выхлопов пропеллер остановился. В течение последних 14 дней противник посыпал его по нескольку раз в день бомбами всех калибров, однако мы все еще могли взлетать и садиться. В этом, подумал я, был урок воздушной тактики, но сомневался в том, что мне хоть как-то удастся его использовать, — урок в том, что мало толку в разрушении аэродромов врага, если вы не поражаете и не уничтожаете большую часть его самолетов. По общему признанию, наши противники преуспели в соблюдении этого требования, но мы все еще летали и все еще причиняли им потери, которые, в свою очередь, заставляли их выполнять дальнейшие налеты на наши аэродромы. Однако британцы и американцы обладали вполне достаточными ресурсами, чтобы не заботиться об экономии; они вряд ли бы остановились, пока не уничтожили или не прогнали бы нас.

Солнце только что село, и казалось, что его красный закатный свет окрасил камни, поля и дома на склонах горы Эриче светящейся краской, район вокруг капониров самолетов внешне был похож на лунный ландшафт. Одну стену барака вырвало, и крыша, лишившись опоры, обрушилась и торчала вверх. Обломки самолетов были свалены около изувеченных деревьев, формируя беловатую кучу, на земляных защитных валах были разбросаны канистры и лестницы. Было очевидно, что топливозаправщики, — если у нас все еще оставались неповрежденные топливозаправщики, — больше не имеют возможности въехать в укрытия. Техники катили туда бензиновые бочки и приступали к трудной процедуре дозаправки при помощи ручных насосов.

— Сегодня был кровопролитный день, господин майор, — произнес унтер-офицер, не прекращая работу. Казалось, что ему почти не надо было смотреть за тем, что он делает, столь профессиональны были его движения.

Это были немногие минуты, когда механики работали вместе со своими пилотами. В таких случаях необходимость выполнения общей задачи стирала все различия в званиях и в степени ответственности, и они могли говорить с ними теми же самыми

живыми, короткими фразами, которые использовали в общении между собой. Таким образом, они кое-что узнавали о боях и могли участвовать в судьбе эскадры, к которой принадлежали.

«Так что случилось с гауптманом Фрейтагом?» — могли спросить они, или: «Что происходит на плацдарме высадки — как далеко добрались янки?» При этом они не стеснялись высказывать свои взгляды на ход войны в самых откровенных выражениях: «Это такая же проклятая бойня, как и два месяца назад в Северной Африке. Как они полагают, что мы можем сделать с немногими самолетами, оставшимися у нас? Похоже, они видят все в розовом свете!»

Я не был доволен работой своего двигателя и послал за обер-фельдфебелем Хакелем, который магическим образом справлялся с двигателем «Даймлер-Бенц» «сто девятого». Он был словно врач-диагност и редко когда не мог определить причину неполадки после того, как ему были описаны ее симптомы. Если кто-то слышал в сумраке где-нибудь на аэродроме звук двигателя, то доходивший до максимальных оборотов, то вновь замиравший, и если это происходило три или четыре раза подряд, можно было быть уверенным в том, что это Хакель обследует одного из своих пациентов, подойдя, увидеть, что он сунул голову в его внутренности, а его руки и предплечья покрыты маслом и смазкой.

— Двигатель все еще не в порядке, — сказал я ему, — даже после замены втулок. Как только я превышаю пять тысяч, он начинает давать перебои. Но это не из-за падения давления топлива. Вчера механик установил другой насос, и никакого проку.

Тем временем техники сменили тему разговора и теперь обсуждали Фоджу, нашу базу на материке, где нет булыжников и трупов, но есть места для выпивки и настоящие живые девушки. Но увы, это были не более чем солдатские мечты, в действительности и там сейчас все обстояло совсем по-другому.

— Давайте попробуем теперь, — сказал Хакель, забираясь на крыло и оттуда в кабину. — Запуск! — крикнул он.

Инерционный стартер жалобно заскулил, набирая обороты, и двигатель запустился, изрыгнув из выхлопных патрубков плотное облако копоти и сине-черного дыма.

К этому времени члены нашей наземной команды — обычно называемые пилотами просто механиками — снова собрались вокруг, поскольку они так много участвовали в судьбе этого самолета и в судьбе человека, который летал на нем. Они наделяли этот неодушевленный шедевр из алюминия, стали, пластмассы и многих сотен метров проводов человеческими качествами, называя его «она», как будто это была женщина. Они также приписывали «ей» успехи пилота, и именно они были теми, кто следил за обновлением отметок о победах на вертикальном оперении — по крайней мере, так они делали до последнего времени.

Из постоянных наблюдений они много знали о самолете и его особенностях и не делали никаких скидок, когда кто-то уничтожал или повреждал его вследствие небрежности или неопытности. Замечание наземного обслуживающего персонала часто оказывалось более эффективным фактором в обучении летчика, чем дисциплинарные меры со стороны командира эскадрильи. Я помню, как однажды механики ушли, качая головами, когда молодой пилот «сто девятого», который оказался глух к их советам, во время взлета не сумел компенсировать разворот самолета, ставший реакцией на вращающий момент пропеллера, и в результате сломал шасси.

Даже теперь, когда самолет стал одноразовой вещью, у них оставалось чувство ответственности и гордости за свою работу. С тех пор как мы возвратились на Сицилию, они почти непрерывно работали, обливаясь потом, окруженные пылью и парами масла и бензина, не имея достаточно времени для сна. Многократно в течение дня они бежали в укрытия, опасаясь, когда выйдут оттуда, обнаружить, что вся их многочасовая работа сведена на нет одной маленькой бомбой.

С тех пор как в Северной Африке мы разработали схему размещения механиков в фюзеляже, чтобы перевезти их в Европу, между наземным персоналом, который таким образом избежал смерти или плена, и пилотами установились особые отношения. Я не знаю, кто предложил использовать истребители в качестве своеобразного воздушного транспорта на Сицилию, но, когда это было решено, мы стали прикидывать, скольким людям должны будем предоставить шанс, если получим разрешение, эвакуироваться из Северной Африки.

Перед первой попыткой специалисты различных служб образовали группу заинтересованных зрителей вокруг самолета, который предполагалось использовать для пробной загрузки «морской свинкой»[94] в качестве будущего пассажира. Сначала была снята бронепластина позади головы пилота, а затем дно небольшого багажного отсека за кабиной. Это позволило «морской свинке» встать на колени в узком фюзеляже «сто девятого», за плечами пилота. Посадка была сродни акробатическому трюку, поскольку сначала требовалось просунуть ноги в узкий люк, через который проводилось обслуживание радиостанции. Вскоре мы поняли, что нельзя обувать подкованные гвоздями сапоги или ботинки, поскольку ноги их владельца находились вблизи основного компаса и металл мог стать причиной ложных показаний.

Стоя на коленях, человек через некоторое время начинал испытывать покалывания и резь в ногах, но полетного времени было менее часа, и можно было вытерпеть. Тогда же один изобретательный ум обнаружил, что, если потребуется, можно найти еще одно место для кого-то «очень маленького» в темноте хвостовой части фюзеляжа, там, где проходили тяги, ведущие к хвостовым рулям, и где находилась ниша хвостового колеса, которое первоначально проектировалось как убиравшееся. Эксперимент и здесь оказался успешным, но надо было, конечно, соблюдать определенную последовательность и в посадке, и в размещении. Все эти действия вызвали много искреннего смеха, хотя не было повода для веселья в сложившейся ситуации, которая сделала их необходимыми, и в наших перспективах на будущее. Тогда мы начали поиски «очень маленьких» механиков и приступили к составлению подробных списков пассажиров.

У самолета, загруженного подобным образом, изменялся центр тяжести, так что взлет и посадка становились опасными действиями, требующими большого летного навыка. Рейнерт заработал всеобщее восхищение, когда, несмотря на свой перегруженный самолет с двумя механиками на борту, вступил в бой с противником и сбил «киттихаук»[95]. Однако многие из слесарей и радиомехаников, которые так горячо просились перелететь на Сицилию, погибли позднее во время бомбежек острова.

Начиная с этих полетов, члены наземного обслуживающего экипажа всегда говорили о пилоте как о «своем». Даже если его больше не было в живых.

* * *

Этим вечером в гроте собрались почти все, кто прилетел в Трапани с передовой взлетно-посадочной площадки. С нами также были Гёдерт и пилоты 1-й группы, потому что аэродром Шакка оказался больше непригоден для использования.

В сумерках боевые корабли начали с моря обстрел.

— Довольно большие штуки они швыряют, — сказал Гёдерт, — почти наверняка с крейсеров или линкоров.

Глухой гул регулярных разрывов, весьма отличавшийся от шума, производимого взрывами бомб, действовал на нервы. У нас отсутствовала связь с инспектором истребительной авиации, начиная с полудня. Связисты продолжали вести поиск на различных частотах, то вступая в контакт со штабом 2-го воздушного флота, то снова теряя его и продолжая поиск в эфире. Британский флот, очевидно, обстреливал береговую оборону, что могло означать прелюдию к высадке в Марсале или маневр по отвлечению наших сил. Хотя все мы смертельно устали, никто не думал о сне. Грохот орудий кораблей, накатывающийся с моря, и шум взрывов исключали любой отдых или расслабление.

На рассвете мы должны были снова вылететь на разведку, даже притом, что мы не знали, кому мы должны будем сообщить о ее результатах. С нашими немногими остающимися самолетами мы должны продолжать атаковать бомбардировщики. Мы не нуждались ни в каких приказах относительно этого. Недалеко от передовой взлетно-посадочной площадки, которую этим утром обнаружили «киттихауки», Штраден нашел луг, на котором, как он полагал, смогут разместиться остатки эскадры. Мы намеревались перелететь туда на рассвете и действовать оттуда, при условии, что союзники тем временем не высадятся в Марсале, а также что у нас все еще останется достаточно самолетов, чтобы выполнять эффективные вылеты. Мне было необходимо связаться с инспектором истребительной авиации и выяснить, правда ли, что американцы продвинулись далеко на север и достигли центра острова, тем самым угрожая разрезать наши силы на две части. Держа эту возможность в памяти, я отдал распоряжения относительно плана, который предусматривал, что наземный персонал эскадры на всем имеющемся транспорте должен был по шоссе вдоль северного побережья отойти к Мессине, в то время

как пилоты должны были продолжать летать, пока не останется ни одного самолета, пригодного для полетов. Если я не смогу что-нибудь выяснить о текущем положении, то должен буду полагаться на информацию, добытую нашей собственной разведкой.

Тем вечером даже обычный мрачный юмор иссяк. Тревога, явная или скрытая в разной степени, преследовала нас, подобно кошмару. Теперь каждый, следуя за несложным ходом мыслей и взвесив все возможности, понимал, что ситуация стала чрезвычайно серьезной. Они восприняли уход Фрейтага как предзнаменование несчастья. Действительно, никто из нас никогда не думал, что с ним могло что-нибудь случиться в полете или в бою. Если бы он был достаточно удачлив, выпрыгнув на парашюте и опустившись на твердую землю, мы, несомненно, уже узнали бы об этом, каждый в этих обстоятельствах сделал бы все возможное, чтобы сообщить в его подразделение.

Сегодня, как всегда, он носил бы свои безупречно белые гольфы и желтые сандалии, которые так часто были объектом моей критики.

Тереза уронила несколько слез, когда ей сказали о несчастной судьбе Фрейтага. Она девушка со странным, рассеянным и флегматичным характером, обычный ребенок сицилийских деревни и народа, и, возможно, переживаний этой ужасной войны слишком много для ее маленького ума. Теперь она молча сидела около своей бабушки, безучастно глядящей перед собой.

Никто в гроте не чувствовал никакого желания пить марсалу или вермут больше, чем это было необходимо для утоления жажды. В любом случае большую часть содержания бутылок, приготовленных для нас Толстяком, всегда выпивал Фрейтаг.

К полуночи противник, очевидно, решил дать своим экипажам немного сна, обстрел ослаб и продолжали стрелять лишь несколько орудий. В конечном счете, они тоже замолчали, к этому времени даже наши «раздражители»[96] оставили дежурство и улетели домой в Тунис или Бизерту.

Поскольку шум стих, напряженность спала, и истощение, соединенное у большинства со здоровой конституцией, погрузило всех присутствовавших в короткий, без сновидений, сон. Лишь

несколько человек были не способны заснуть, но они остались в гроте, поскольку не имело смысла возвращаться в квартиры на оставшуюся часть ночи, кроме того, «Веллингтоны» могли снова начать бомбежку, и им пришлось бы идти назад.

Появившийся гауптман Кегель присел около моей раскладушки, чтобы доложить о своем осмотре аэродрома Джербини. Он говорил шепотом, чтобы не тревожить спящих, одновременно полируя свои очки. Певучим тоном коренного саксонца он описал свой полет в Джербини и ужасную картину опустошения, которую там обнаружил.

— Я думаю, что мы сможем приземлиться в Джербини, — сказал он, — потому что комендант и его люди продолжают расчищать одну или две взлетно-посадочные полосы. Они даже получили несколько рабочих подразделений, которые также имеют потери. Это только мальчики — проклятый позор! Если вы будете патрулировать над Мессинским проливом, то должны сбросить подвесные топливные баки лишь в крайней ситуации или, конечно, вовремя выйти из боя, потому что сомневаюсь, что иначе вы сможете снова приземлиться. Едва одна партия тяжелых бомбардировщиков оставляет Джербини, как над ним появляется другая. Можно подумать, что они имеют их слишком много. Воздух, вероятно, завтра будет более безопасным местом, чем земля.

> Наземная инфраструктура острова была сильно разрушена массированными и непрерывными ударами с воздуха, и по этой причине истребители и подразделения непосредственной поддержки войск на поле боя больше не имели возможности обеспечить эффективную поддержку армии или защитить ее от бомбежек. Способствующим этому фактором было и нерешительное поведение итальянцев… Похвальным исключением были подразделения торпедоносцев, которые действовали великолепно, и несколько истребительных эскадрилий во главе с выдающимися командирами.
>
> *Франц Куровски. Ворота в крепость Европа*

> Итальянские военно-воздушные силы были в безнадежном положении из-за устаревших и худших самолетов… Итало-немецкая координация действий в воздухе была слабой, немецкие истребительные части

взлетали со своих аэродромов для защиты Сицилии, словно итальянцев вообще не существовало.

Альберт Гарланд. Сицилия и капитуляция Италии. Средиземноморский театр военных действий. Армия Соединенных Штатов во Второй мировой войне

В пределах своих возможностей подразделения истребителей также принимали участие в оборонительных боях. Особенно тяжелые бои они вели, прикрывая движение судов через Мессинский пролив, и вместе с зенитной артиллерией, которая была направлена в этот район, очистили воздушное пространство от вражеских самолетов. Авиационные подразделения 2-го воздушного флота, базировавшиеся на Сардинии, были переброшены на Сицилию.

Франц Куровски. Ворота в крепость Европа

Трапани, 11 июля 1943 г.

Приблизительно в 5 часов утра 11 июля Штраден и я вырулили на взлетную полосу, готовясь вылететь на Сардинию. Во время взлета у него лопнула шина колеса, и, сообщив мне об этом по радио, он повернул обратно на посадку. Я решил лететь один, и вскоре побережье Сицилии растворилось позади в море. Я медленно поднялся на 6000 метров, чтобы как можно скорее увидеть берег Сардинии. Ночи были короткими; бомбежки позволяли нам лишь короткий сон, а как командир истребительного подразделения я должен был уделять ночные часы и неотъемлемой бумажной работе. Чем дальше я летел на северо-запад, тем больше спадало мое напряжение, и вскоре меня охватило чувство безмятежности. Что можно было ждать от полета над водой длиной свыше 300 километров, когда вероятность неприятностей от «Спитфайров» или «Лайтнингов» была очень мала? Это была расслабляющая экскурсия.

Я приспособился на жестком парашюте так, чтобы можно было поудобнее вытянуть ноги, затем проверил свою кислородную маску. Шаг винта был тщательно отрегулирован и максимально соответствовал оборотам двигателя, который гудел без малейшего намека на вибрацию. Снаружи на высоте 6000 метров было очень холодно, вероятно — 30 °С. Я медленно закрыл створки радиатора. Если повышение температуры охлаждающей жидкости было едва заметным, то скорость увеличилась примерно на 6 километров в час.

Прямо подо мной море выглядело зеленым, как трава, изменяя далее к горизонту свой цвет на чернильно-синий. Моряку полное отсутствие пенных гребней указало бы силу ветра от 1 до 2 баллов. Бронепластина, защищавшая голову и шею, отбрасывала широкую тень на приборную доску. Винт, блестящий прозрачный диск, отражал яркий солнечный свет, пыль и песок полностью ободрали с него первоначальное покрытие из черной краски, оставив голый металл.

Внезапно мои наушники ожили, заставив меня вздрогнуть.

— Тяжелые бомбардировщики в квадрате один-два один — семь, курс один — два — ноль. Эскорт истребителей.

Это был командный пункт на горе Эриче, передававший

инструкции истребителям на Сицилии. Я также мог расслышать неясные голоса некоторых пилотов, и затем все снова стихло. Холод начал опускаться вдоль моей спины куда-то к почкам. Моя рубашка, которая была влажной, когда я взлетал, теперь походила на ледяной пакет на пояснице. Я опустил закатанные рукава рубашки и развернул у себя на коленях карту. Еще сотня километров до побережья Сардинии, прикинул я, и затем еще сорок до передовой взлетно-посадочной площадки 3-й группы. Уббен не знал, что я лечу, так что это должен был быть один из тех внезапных визитов, которые входили в обязанности любого командира.

В прошлом такие дни посещений высокопоставленных лиц приносили много волнений, а иногда много шума, но мы давно отказались от подобных вещей. После нашего неудачного массированного вылета 25 июня Уббен вместе со своей группой вернулся на Сардинию, потому что порты Кальяри и Ольбия были излюбленными целями четырехмоторных бомбардировщиков, а также потому, что нельзя было исключать возможности высадки десанта на Сардинии.

Теперь, в момент перелома в ходе сражения, он на следующий день должен был перелететь в Джербини, чтобы помочь прикрыть Мессинский пролив. По общему мнению, это было похоже на то, что надо ограбить Петера, чтобы заплатить Паулю, и нам все равно придется расплатиться за то, что мы оставляем Сардинию без защиты, хотя было невероятно, что союзники смогут начать два больших десанта почти одновременно. Но мы ожидали невозможного от наших наземных служб. В Джербини по суше могли быть направлены только отдельные механики моей эскадры, так как в отсутствии транспортных самолетов было нецелесообразно отправлять в дорогу, которая занимала несколько дней, больше технического персонала, чем самый необходимый минимум. Его надо было беречь. В Джербини о наших самолетах в дополнение к своим собственным должна была заботиться 53-я истребительная эскадра. В Трапани должно было оставаться достаточное число наземных экипажей обслуживания и рабочих мастерских, чтобы дозаправлять, перевооружать и обслуживать наши машины после возвращения. И наконец, мы все еще должны были держать часть людей на передовой взлетно-посадочной площадке, чтобы мы могли, по крайней мере, садиться там, дозаправляться и снова взлетать. Мы просто не имели рациональной наземной организации для этого вида войны, но думать об этом теперь

было бесполезно.

Мой подвесной бак опустел. Я нажал кнопку зажигания, чтобы проверить магнето, и увидел, что обороты двигателя не изменились. Каждый раз, когда я делал вдох, два бледно-желтых диска в верхней части кислородного аппарата смыкались и размыкались, словно губы, показывая, что кислород поступал в мою маску. Я чувствовал невыразимую усталость. Чтобы отогнать подступавший сон, я начал вращать головой и поводить плечами настолько энергично, насколько позволяло натяжение привязных ремней. Одновременно я начал громко вслух говорить:

— Господа, я прибыл сюда, чтобы информировать вас о сложившейся ситуации. Я говорил с генералом, и он полностью на нашей стороне. Он собирается поговорить с рейхсмаршалом, как только вернется в Берлин…

Какая ерунда! Словно для нас имело значение, что рейхсмаршал или еще кто-либо мог или не мог думать о нас. Почему бы им не оставить нас выполнять наш проклятый долг в этом гробу, пока на острове не будет убит последний пилот и последний самолет не станет грудой обломков? Если именно этого требовало Верховное командование, все здорово и хорошо. Но они могли бы, по крайней мере, при этом перестать надоедать нам!

После прибытия я, конечно, не был готов сказать что-то подобное пилотам, хотя, вероятно, именно этого они ждали от меня. Это были просто слова человека, говорящего наедине с самим собой, когда его одинокий самолет был на высоте 6000 метров над Средиземноморьем.

Я был поражен пустотой моря. Нигде в поле зрения не было ни одного судна. Эти воды уже давно контролировали союзники, итальянцы отваживались покидать свои гавани только ночью.

Далеко впереди из темно-синей воды тонкой-тонкой линией поднялось побережье Сардинии. Теперь я мог начать снижаться.

Когда 30 минут спустя я приближался к посадочному сигнальному полотнищу, было видно, как мерцал воздух над пологими холмами и покрывающими их редкими деревьями. Характер ландшафта Сардинии весьма отличался от ландшафта Сицилии; он был более мягким, более гладким и своей

монотонностью несколько напоминал степь. Высокая трава была выжженной и желтой, влажный воздух струился под безжалостным, жгучим солнцем. В тени приземистых пробковых дубов стояли большие, песочного цвета палатки. Для каждого привыкшего, как я, лишь к разбитым аэродромам, разрушенным домам и самолетам это была мирная картина.

Под аккомпанемент нескольких выхлопов винт остановился, и ожидавший механик поднялся на крыло, чтобы помочь мне снять снаряжение и выбраться из кабины. Гауптман Уббен стоял поблизости и, когда я спрыгнул на землю, доложил:

— 3-я группа в боеготовом состоянии… Семнадцать самолетов пригодны для вылетов! — Затем менее официальным тоном добавил: — Сегодня начал дуть сирокко[97]; это — более тридцати восьми в тени…

Горячий ветер пустыни дул над равниной. Небо стало желтым, и отбрасываемые деревьями тени стали рассеянными. Это было то, чего я не заметил, когда подлетал.

— Я лучше поговорил бы с пилотами, — сказал я.

— Очень хорошо, господин майор. Может быть, вам лучше перейти в командный пункт под деревьями? Там немного прохладнее. Тем временем я вызову летчиков.

В палатке мне дали стакан чаю с лимоном; он был тепловатым, крепким и без сахара — в течение последних недель мы находили этот напиток приятным. Вскоре полукругом около меня сидели пилоты, врач группы и офицер по техническому обеспечению. Горячий ветер раздувал желтый тент, натянутый между дубами. От солнечного света брезент сиял желтовато-коричневым заревом, и этот цвет отражался на лицах.

Без прикрас я сообщил им о ситуации на Сицилии. Сказал, что союзники атакуют наши аэродромы днем и ночью и что, следовательно, нам необходимо быть постоянно начеку, если мы не хотим быть уничтоженными на земле. Я подробно объяснил им намерения генерала и возможности, которые должны были предоставить гибкое использование аэродромов и передовых взлетно-посадочных площадок и концентрация наших сил, насколько массированный сбор самолетов на одном аэродроме был допустимым. Было мало надежды, продолжил я, что мы

произведем сильное впечатление на тяжелые бомбардировщики с нашими немногими машинами, с тех пор как появились «Крепости «, а их явный численный перевес означал, что любой воздушный бой теперь был большим сражением. Однако мы могли по-прежнему заставлять противника отвлекать часть сил на то, чтобы сковывать нас, и это могло помочь в обороне острова.

Они слушали спокойно, не задавая вопросов. Ровно 30 пилотов — офицеров и унтер-офицеров — сидели передо мной и смотрели на меня, ожидая откровенного разговора.

Большинство из них я знал по именам. Тремя месяцами прежде я стоял перед ними в Северной Африке и обсуждал перспективы сражения. Я не знал, что сказать им тогда, и не пытался вселять напрасные надежды. Каждый командир, достойный этого звания, больше не делал этого после всех этих лет войны. Мы оставляли такие заявления Верховному командованию, чья единственная мудрость состояла в губительном использовании и чрезмерных требованиях. Как и в предыдущем случае, я не дал им никакой надежды на то, что положение сколько-нибудь улучшится. Признанные ветераны среди них, так же как и я, понимали неизбежность поражения.

Однако сейчас было несколько молодых лиц, плохо знакомых мне. Должен ли я что-то сказать этим новичкам? Возможно, ободрить их? К этому времени большинство из них, должно быть, поняли, почему были направлены сюда из своих истребительных авиашкол. Но действительно существенный урок, а именно — умение оставаться в живых, не будучи обвиненными в чрезмерной осторожности, мог быть получен только от ветеранов в ходе ежедневных вылетов.

Было мало толку в разговоре о трудностях на других фронтах, поскольку это так или иначе всегда имело место. Разглагольствовать перед этими людьми, произнося сентиментальные и звучные фразы, было не лучше, чем лгать им. Они знали, что нужно делать на следующий день, и день спустя, и в день после этого, и все, что они хотели услышать, — имеют ли они еще шансы, или к ним будут предъявлены бесчеловечные требования. Сверх того, они были настроены скептически и по их выражениям их лиц было видно, что они взвешивали и оценивали мои слова. Они попросили рассказать, какова ситуация в действительности, имело ли сражение хоть какие-то перспективы на успех, и, даже если таких перспектив не было и все выглядело

в черном цвете, они хотели знать правду. Хорошо, почему бы не рассказать им обо всем? Я знал, что не буду неправильно истолкован.

Ветераны, те, кто летали с ранних дней войны, в любом случае поняли мой краткий отчет о ситуации и действиях наших истребителей против превосходящих сил. Они понимали, что подразумевали «использование передовых взлетно-посадочных площадок», «гибкость в наших действиях» и «концентрация наших оставшихся сил». Они знали, что эти слова означали попытку выжить вопреки всему. Они также знали, что должны лететь в сомкнутом строю, если хотели пробиться к бомбардировщикам, и что эта тактика и необходима, и правильна. Но они также знали, что подобные меры больше не могут уравновешивать чашу весов. И потому, что они понимали все это, потребовалось лишь несколько минут, чтобы сказать все необходимое. Закончив, я отпустил пилотов, чтобы поговорить с Уббеном о вылете на следующий день и о действиях на Сицилии.

Все три истребительные группы, которые составляли мою эскадру, заметно отличались друг от друга, несмотря на то что число их побед было почти одинаковым. 3-я группа всегда действовала отдельно от штаба эскадры, и это обстоятельство наложило особый отпечаток на ее офицеров и унтер-офицеров, которые, очевидно, понимали свое привилегированное положение, были более уверены в себе и сдержанны, чем их коллеги в двух других группах. Любой чувствовал, что они хотели сказать: «Только оставьте нас одних, мы со всем отлично справимся…»

Сейчас они снова были в дикой местности, в километрах и километрах от ближайшего города и каких-либо немецких вспомогательных подразделений. Их домом был клочок сардинской равнины, с которого они вылетали против, по-видимому, непобедимого потока четырехмоторных бомбардировщиков, и делали это без ропота. Однако на следующий день им предстояло столкнуться с кое-чем новым: постоянными попытками достичь недостижимого, сумасбродными прыжками с одного аэродрома на другой до тех пор, пока это еще оставалось возможным.

* * *

Длинная линия восточного побережья Сардинии скользила

мимо законцовки моего правого крыла, когда я медленно набирал высоту, прежде чем лечь на нужный курс. Через 20 минут по правому борту должна была появиться самая южная оконечность острова, но сирокко скрыл все в облаках желтой пыли, которые теперь на юге поднимались прямо к солнцу.

Командный пункт 3-й группы вышел на связь, чтобы предупредить меня о «Лайтнингах», которые недавно появились над островом. В наушниках потрескивало; радиостанция работала на прием и фиксировала движение в воздухе, женский голос начал считать: «Один, два, три…»

Я не должен был улетать в полдень, в самую жару. К тому же совсем не спал во время посещения 3-й группы. Когда я выруливал на взлетно-посадочную полосу и разворачивал свой «сто девятый» носом против ветра, пот заливал мое лицо, грудь и спину. Теперь на нынешней высоте я снова начал чувствовать холод.

Полет становился гнусным занятием, когда не было никакого горизонта или визуального ориентира, чтобы определить положение самолета, а мне требовался еще час, чтобы достичь Трапани. Вполне достаточное время, чтобы поразмыслить об утренних событиях, во время которых у меня где-то в глубине души постоянно скрывались уныние и депрессия. Теперь, когда я в одиночестве летел над морем, эти же самые чувства охватили меня с такой внезапностью и силой, что я пришел в ужас. Я действительно достиг этой стадии? Психологическая устойчивость, как нас всегда учили, была главным требованием к командиру. Всякий неустойчивый или подверженный депрессии был не пригоден для командования.

Мои глаза двигались по приборной доске и остановились на указателе давления масла. Его данные удивили меня необычностью, но я так и не смог определить, что он показывал. Почему двигатель внезапно стал работать более громко? Должно быть, я на несколько секунд отключился. Моя голова была тяжелой, наушники больно давили.

Я откорректировал курс, проверил магнето и приладил кислородную маску. И задался вопросом, что случится, если я засну. Буду ли я разбужен необычным поведением самолета? Возможно, чистый кислород[98] поможет рассеять смертельную усталость.

В кармане моих брюк был хлопковый пакет длиной около 15 сантиметров, обернутый в целлофан и содержащий пять или шесть молочно-белых таблеток размером с ячейку плитки шоколада. Они имели этикетку «Первитин». Доктор Шперрлинг сказал нам, что эти таблетки предназначены для борьбы с усталостью. Открыв пакет, я вытянул сначала две, а потом и третью и, немного сдвинув кислородную маску, стал жевать. На вкус они были ужасно горькими и имели консистенцию муки, но у меня не было ничего, чем я мог бы прополоскать рот. С этого момента я надеялся, что останусь в состоянии бодрствования.

Двигатель работал ровно и тихо. Если он начнет давать перебои, то я еще смогу достигнуть земли около Кальяри. Затем предстоит длительный перелет над морем и уже не будет никакой разницы, где я выпрыгну на парашюте или где посажу самолет на воду. Возможно, я смог бы выдержать в спасательной шлюпке часов сорок восемь, получая все более и более сильные солнечные ожоги. А затем умер бы от жажды и солнечного удара. Вздор! Почему двигатель должен отказать именно сегодня, а не в какой-нибудь другой день?

Увидев побережье Сицилии, я намеревался повернуть в восточном направлении, чтобы держаться вне трассы истребителей около Трапани. Наземный диспетчер сообщил бы мне, когда воздух будет чистым.

Точки прямо передо мной на той же самой высоте напоминали «Спитфайры» или «Лайтнинги». Да, это «Спитфайры»! Четыре… шесть… и затем я потерял их из виду. Я был настороже, в ушах отдавалось биение сердца. Почему внезапно небо стало таким ярким? Яркий свет слепил мои глаза. Если это «Спитфайры», я должен был подняться выше их, — проверенное временем правило, — но что «Спитфайры» делают над морем между Сардинией и Сицилией? Блеск был почти невыносимым, но, прикрыв глаза свободной рукой, я смог видеть лучше. Двигатель теперь шумел очень сильно, звук был такой, как будто он превысил допустимые обороты. Но все приборы, несомненно, показывали нормальные значения. Температура масла, давление масла, температура охлаждающей жидкости, обороты — или все же обороты слишком велики?

Ниже в тумане были самолеты. Может быть, «Крепости»? Они летели тем же курсом, что и я, и мне потребовалось напрячь

глаза, чтобы увидеть их. Я слегка опустил одно крыло, чтобы посмотреть вниз, но самолеты вошли в крутой крен. Затем я потерял их из виду. Но когда я успел подняться на высоту 8000 метров? Мне стало трудно дышать, в кабине было очень холодно, особенно вокруг моих коленей. Я летел над высотным туманом, созданным сирокко. Солнце, безжалостный желтый диск, сияло через крышу кабины и боковые стекла, его сильный свет заливал все, что обычно находилось в тени: приборы, панель вооружения между моими коленями, кислородный аппарат с контрольным индикатором. На стеклах кабины появились морозные узоры, и в углах начали формироваться кристаллы льда. Мои глаза приклеились к альтиметру и его люминесцентной стрелке, под которой я мог прочитать буквы «DO». Двигатель теперь работал мелодично, с полным отсутствием вибрации. Его звук был столь тихим, что возникало ощущение тишины. Все стало воздушным и абстрактным. Словно я покинул свое тело и теперь летел над своим аэропланом, наблюдая мчавшийся над Средиземноморьем самый быстрый немецкий самолет, обладатель абсолютного рекорда скорости[99], которого тянула вперед огромная мощь, передаваемая его пропеллеру: элегантный, с совершенными обтекаемыми формами, созданный руками человека для целей разрушения.

Было искусством соединить тысячи лошадиных сил двигателя с винтом и рулями, чтобы обеспечить безупречный баланс между скоростью и скороподъемностью. Рули реагировали на мои движения, резкие, отрывистые или столь мягкие, что были едва заметны; они могли заставить самолет пикировать, набирать высоту, выполнить крен или войти в штопор. И они могли заставить его потерпеть аварию, если крылья окажутся не способны противостоять перегрузкам, приложенным к ним. Именно тогда я вспомнил то, что давно уже забыл: великолепное, блаженное ощущение полета…

Я прошел обучение на биплане «Хейнкель-52» и, возможно по этой причине, все еще неохотно надевал кислородную маску и поднимал свой «сто девятый» на высоты, где рули становились вялыми и малоэффективными. Незадолго до начала войны «мессершмитты» стали заменять бипланы, поскольку последние были не более чем реликвиями Первой мировой войны и больше подходили для описания в романах о воздушных полетах, чем для участия в новом наступлении на скорость и высоту. В те дни мы беззаботно относились к состоянию, известному как кислородное голодание, считая его кратковременной и не опасной слабостью

или сравнительно безопасным несовершенством человеческого тела. Мы также все еще были погружены в романтический период авиации, в немалой степени из-за того, что гарнизонные библиотеки переполняла литература о рыцарях воздуха, чьими единственными заботами были галантность, спортивное мастерство и по-настоящему честные поединки один на один. Сердцем мы не принимали самолет с закрытой кабиной, потому что чувствовали себя запертыми в нем, а также потому, что атрибуты бесстрашного летчика — шлем, очки, струящийся по ветру шарф, кожаная безрукавка с толстым меховым воротником — должны были уступить место более функциональному и, следовательно, менее лихому снаряжению.

Во время нашего первого упражнения мы взлетели с запасного аэродрома, чтобы из наших жестко установленных пулеметов стрелять в мишени, буксируемые самолетом «юнкерс». Нас было трое, все молодые лейтенанты, и все принадлежали к истребительной эскадрилье морской авиации. Мы относились к полетам на истребителях как к занятию спортом, похожему на автомобильные гонки, который объединял высший пилотаж, воздушный бой и полеты в строю. В перерыве между упражнениями командир нашей эскадрильи внезапно вспомнил, что мы, лейтенанты, еще не сдали высотный тест, и приказал, чтобы мы в течение 30 минут летали по кругу на высотах между 4900 и 5800 метрами. Одетые, словно кавалеристы, в бриджи, элегантные сапоги для верховой езды и коричневые кожаные безрукавки с меховой подкладкой и меховым воротником, мы уселись позади наших ветровых стекол и приготовились подняться на высоту, которая для того времени была очень значительной, — без кислорода, заметьте! Каждый из нас, конечно, стремился лететь выше других и доказать, что он сделал это при помощи барографа, установленного на самолете. Я все еще помню, как там, в разреженном воздухе, полет походил на прогулку на парусной лодке по волнам Атлантики, как мои руки и ноги испытывали ужасающий холод, как я задыхался и страдал от невероятных галлюцинаций. Вернувшись на землю, мы сравнивали наши барографы и хвастались мнимыми приключениями, относясь к этому в целом как к большому развлечению.

Позднее мы во главе с нашим командиром эскадрильи поднялись в воздух, чтобы на высоте 5500 метров выполнить полет в сомкнутом строю. Однако выполнение этого упражнения пришлось прервать, во-первых, потому что командира почти

протаранил его ведомый, и, во-вторых, потому что один из бипланов перешел в неконтролируемое пикирование. Когда пилот на высоте 1800 метров, в конечном счете, над аэродромом восстановил управление, он понятия не имел, что с ним произошло.

Мы были свидетелями безвозвратного ухода романтического периода и безуспешно пытались задержать это движение, потому что еще не осознавали, что только этот процесс открывал путь к еще большим достижениям в области авиации. Кислородные маски теперь приходилось надевать все чаще, поскольку наши двигатели достигали максимума своей эффективности только после того, как мы поднимались в слои более разреженного воздуха. В то время маски были неуклюжими предметами, которые сильно ограничивали обзор и движения. Это вызвало внезапное помешательство на вырезании деревянных мундштуков, подобных саксофонным, которые крепились к концу кислородной трубки вместо маски. Тогда живительный эликсир можно было изящно вдыхать, как дым из турецкого кальяна. Но эта аффектация, конечно, была не более чем неосознанная защитная реакция на прозаический реализм технологии. Кроме того, считалось довольно хорошим тоном ничего не знать о технических особенностях двигателя и выключать рацию всякий раз, когда она мешала. (Должен признать, что и сам часто подвергался соблазну сделать это, поскольку было фактически невозможно регулировать громкость, и непрерывное битье по вашим барабанным перепонкам становилось настоящей пыткой для нервов.)

* * *

Передо мной гора Эриче подняла из тумана голову, подобно дружелюбному привидению. Таким образом, я удержался строго на курсе, несмотря на мое состояние эйфории и беззаботности и ощущение невесомости. В эфир еще раз вышел командный пункт эскадры, слова отдавались громким эхом в моих наушниках: «Внимание! Двухмоторные «мебельные фургоны» миновали Палермо, направляясь к Трапани с эскортом истребителей». Сообщение, однако, казалось, не имеет никакого отношения ко мне, и я продолжал оставаться весьма беспечным.

Аэродром, когда я приземлился, казался абсолютно мертвым. Никакого движения, ни одной души. Около побитых оливковых деревьев между воронками от бомб — торчащие вверх жалкие

руины ангаров. Казалось, что я как будто прибыл на Луну или на некую ужасную планету.

Пыль от последнего налета едва осела. Когда я рулил к стоянке штабного звена, моя правая шина взорвалась, вероятно, потому, что я переехал осколок бомбы. Я выключил двигатель и выбрался наружу, отметив при этом, что никому в голову не пришла мысль помочь командиру эскадры выбраться из машины. Барак, или то, что от него осталось, был в сотне метров, и я под палящим солнцем пошел к нему.

Штабной писарь, смотревший на меня, словно я призрак, приветствовал меня и доложил, что сигнал отбоя воздушной тревоги был получен с горы Эриче за минуту до моего прибытия и что атака была направлена главным образом против 88-миллиметровых зениток.

Некоторое время спустя, встретив гауптмана Шперрлинга, я спросил, что за ужасное вещество первитин, и предложил, чтобы пилоты были предупреждены о нем. Когда он узнал, что я одну за другой принял три таблетки, он почти впал в истерику и запретил мне на оставшуюся часть дня «притрагиваться к самолету, даже снаружи».

В тот же самый день к эскадре присоединились три новичка. Они прилетели в Вибо-Валентия, аэродром в «носке» Италии, и оттуда на пароме переехали в Мессину, прибыв ко времени первого дневного налета. Затем они на попутных машинах добрались до Трапани.

Двум лейтенантам было приблизительно по двадцать лет, третий унтер-офицер еще моложе. Во время доклада они держались очень прямо и вообще создавали мужественное впечатление. Наши потребности диктовали, что офицеры должны быть направлены в 1-ю группу, а унтер-офицер — во 2-ю группу. Каждый месяц учебно-боевая группа посылала нам достаточно пилотов, чтобы восполнить наши потери. Но теперь было больше невозможно поддерживать численность пополнения на высоком уровне, и в любом случае мы в действительности не могли их использовать. Позволять им здесь участвовать в вылетах означало подвергать опасности не только их, но также и других. Как сказал Бахманн: «Мы не можем позволить им, словно ягнятам, идти на бойню!»

Больше не было возможности постепенно вводить вновь прибывших пилотов в бой — «Спитфайры», «киттихауки» и «Лайтнинги» почти постоянно были над нашими аэродромами. И при этом мы не были способны посвятить их в методы атак «Крепостей», потому что ни один из них не обладал требуемыми для полета в нашем сомкнутом строю навыками и опытом.

— Они крайне молоды, — заметил Штраден после их доклада.

— Вы подразумеваете, что мы получаем все более и более молодых, — сказал Бахманн. — Я бы многое отдал, чтобы узнать о том, что они думают, когда прибывают сюда. Жаль, что мы не можем спросить их. И очевидно, они не собираются ничего говорить о своих собственных мыслях — для этого слишком не уверены в себе.

Снова, как уже часто делали прежде, мы начали обсуждать их лица, их поведение и общий внешний вид. И еще раз, как и во многих предыдущих случаях, мы подвели итоги, строя прогнозы об их будущем, которые, большей частью, были ошибочны и несправедливы. К тому времени я должен был знать, что попытки классифицировать людей бесплодны, потому что одаренные, успешные летчики-истребители не принадлежали к какому-то определенному, узнаваемому типу. Было большим искушением выделить тех, к кому любой испытывал немедленную симпатию из-за их естественных дарований. Но мужественный внешний вид и уверенное поведение редко совпадали с успехом в полетах в качестве истребителя.

Был один случай в Тунисе, когда два новых унтер-офицера — просто мальчики — прибыли ко мне с докладом. Внешне они полностью отличались, и вскоре оказалось, что и в воздухе действуют совершенно по-разному. Тогда как один из них — атлетически сложенный парень с прямой осанкой — внимательно и искренне синими глазами смотрел мне в глаза, другой осторожно озирался, как будто проводил опись имущества моего жилого фургона. В отличие от своего компаньона он был маленьким, тощим и жилистым, и его голова была увенчана огромной копной волос, в стиле парикмахеров Вильгельма Буша[100]. Он напоминал мне карикатуры Буша каждый раз, когда я смотрел на него.

— Невероятно, кого они посылают нам, — заметил я

Бахманну, когда мы смотрели на уходящую пару. — Только посмотрите на этого тощего малого! И как он надеется атаковать и сбивать самолеты, когда все небо сплошной ад.

— Да, — сказал Бахманн, — я тоже голосую только за высокого блондина. Я бы предположил, что он хороший, смелый игрок и в целом более симпатичный.

Днем позже я сидел с Бахманном, Штраденом и Цаном перед палаткой на краю аэродрома, ожидая команды на взлет. Эти два новичка опробовали свои самолеты, практикуясь в посадке и взлете, это было необходимой предосторожностью перед их вводом в действие. Бахманн и я занимались бумагами, «болтанка в шезлонгах», как он это называл. Он передавал мне бумаги, приказы и папки, давая несколько сопроводительных комментариев о каждой из них, в то время как я читал, диктовал, подписывал и давал указания. Всякий раз, когда нараставший шум двигателя указывал, что к посадочному сигнальному полотнищу приближался самолет, я прерывался и провожал его глазами, ни один командир летного подразделения не может не смотреть, когда один из его пилотов заходит на посадку. Приземление — это критический момент, когда управляемый полет резко заканчивается и наступает кратковременная неуправляемая ситуация, которая не является ни полетом, ни рулежкой.

Есть хорошие посадки — и есть плохие, некоторые из них состоят из серии сильных скачков, а другие являются просто сильным столкновением самолета с землей. Однажды один летчик с чувством юмора сказал, что «полет предполагает посадку», в то время как англичанин — его коллега, за исключением противоположного места приземления, — которого мы принимали в нашей офицерской столовой после вынужденной посадки на побережье Ла-Манша, заметил о его маневре: «Любая посадка, после которой вы остаетесь в живых, хорошая». Вид садящихся самолетов всегда привлекал мое внимание, и мой интерес, конечно, был особенно сильным, когда новичок знакомился со своей машиной.

Я наблюдал за заходом на посадку и подпрыгнул от испуга, когда Бахманн закричал:

— Он забыл о шасси! Смотрите, господин майор, он забыл о своих колесах!

В этот момент винт ударил о землю, и самолет заскользил по ней на брюхе, пока не остановился, подняв облако пыли.

— Поехали! — крикнул я.

Мы вскочили в «кюбельваген» и помчались к месту происшествия. Там мы застали картину, от которой у меня перехватило дыхание. Пилот, встав на колено рядом с жалким объектом с погнутыми лопастями винта, пытался уместить поврежденный самолет в видоискателе своего фотоаппарата. Это был наш «парикмахер»!

— Идиот! — заорал я на него. — Вы действительно, должно быть, безнадежны — разбили один из наших бесценных «сто девятых». Каждый самолет здесь на вес золота, а вы приходите и разносите его на части только потому, что не можете пользоваться своими пятью чувствами. И что теперь, после всего этого, побуждает вас фотографировать этот памятник некомпетентности?

Он смотрел на меня совершенно ошеломленно и, запинаясь от волнения, что-то говорил о том, что «запомнил» и что «будет более осторожным в следующий раз». Когда мы ехали назад, я сказал Бахманну:

— Пусть Фрейтаг получше проверит и выяснит, сможем ли мы отослать «парикмахера» обратно домой. Я сразу сказал, что от этого мальчика не будет проку.

Через некоторое время, возможно неделю спустя, мы встретились с нашими старыми друзьями — «мародерами» из Тебесса[101], которые на сей раз не имели никакого эскорта «Спитфайров». В последнее время их нападения на наши аэродромы стали слишком наглыми и они, казалось, не опасались наших истребителей. На этот раз мы смогли восстановить свою пошатнувшуюся репутацию в глазах своих противников, разбив их боевой порядок и преследуя поодиночке на малой высоте над пустыней. Над Кайруаном[102] мы столкнулись с сильным патрулем истребителей. Имея преимущество в скорости, «Спитфайры» спикировали на нас, чтобы заставить прекратить преследование бомбардировщиков. Завертелась карусель борьбы «Ме» и «спитов», огромная спираль, вращавшаяся против часовой стрелки. «Спитфайры» спикировали, и стороны разошлись, чтобы

набрать высоту и вернуться на встречных курсах, ведя огонь из своего оружия. В течение некоторого времени никто не мог добиться успеха. Затем я увидел «Ме», которого атаковали два «Спитфайра». Пилот перешел в крутое пике, затем грациозно выровнял самолет, начал набор высоты и маневром, который свидетельствовал о совершенных летных навыках, занял позицию позади одного из своих преследователей и короткой очередью сбил его.

После того как мы приземлились, я спросил, кто этот меткий стрелок, и, к своему удивлению, услышал, что это наш «парикмахер», повредивший тогда самолет. Фрейтаг, к чьей группе в то время он принадлежал, подтвердил, что он одаренный летчик, и предсказал ему большое будущее в качестве летчика-истребителя. По-видимому, он был одним из тех весельчаков, которые всегда были бодры, легки на подъем и легко завоевывали симпатию окружающих. Он действительно вскоре одержал вторую победу, но затем встретил свой конец при жутких обстоятельствах. Когда накануне нашей эвакуации из Туниса он днем вырулил на узкую взлетно-посадочную полосу, собираясь взлететь, его протаранил истребитель, совершивший вынужденную посадку с противоположного направления. Он умер ужасной смертью от ожогов прямо в своей кабине.

* * *

Днем я попытался отдохнуть, чтобы можно было, по крайней мере, принять участие в вечернем вылете. Но не смог долго оставаться на своей раскладушке на вилле. Сердце сильно билось, и необъяснимое чувство нервозности не давало мне покоя. Я должен был двигаться, что-нибудь делать. Поэтому я проводил время готовясь к отходу, который теперь казался неизбежным. Если никакого приказа на отход не поступит, то я намеревался принять решение самостоятельно, в зависимости от ситуации. Вместе с гауптманами Кегелем и Тарновом, моими офицерами по административным и техническим вопросам, я проверил погрузочные листы транспорта и обнаружил, что даже если его загрузить максимально, то места хватит только для того, чтобы перевести в Мессину наш наземный персонал. Следовательно, тонны материалов — все запчасти и снаряжение, которые мы начали требовать со складов немедленно после нашего вывода из Северной Африки и которые только что были переданы нам, — придется снова уничтожить, чтобы они не попали в руки противника.

Когда мы сели ужинать, снова начала стрелять тяжелая корабельная артиллерия. От взрывов дом трясся и дребезжали окна. Вскоре появились и ночные бомбардировщики, и мы, как делали это каждый вечер, отправились в грот. Пилоты дневных истребителей, мы привыкли проводить там ночи, обсуждая наши действия днем. Вскоре все стихло, и мы чувствовали себя в относительной безопасности, конечно, при условии, что какой-нибудь глупец из бомбардиров не накроет виллу случайным попаданием. Все мы пытались использовать короткие часы темноты для сна.

Препарат, очевидно, все еще циркулировал в моих венах, поскольку я продолжал беспокойно ворочаться на своей раскладушке. Снова и снова я мысленно проходил последовательность отхода, сомневаясь, что при достижении материка эскадра с ее пилотами и самолетами все еще будет представлять жизнеспособную боевую единицу. В этот раз мы не могли спасти даже ящики с инструментами. Оргия разрушения должна была начаться в ближайшие несколько дней, и если мы сможем собрать эскадру в Фодже, то потребуются месяцы, чтобы обеспечить замену тысяче и одному предмету, необходимому для действий истребительной эскадры: самолетам, инструменту, грузоподъемному оборудованию, палаткам, двигателям, запчастям, кухонному оборудованию, радио, телефонам, пишущим машинкам…

Зазвонил телефон. Гауптман Кегель доложил, что в грот направляется майор Тонне[103], командир эскадры истребителей-бомбардировщиков. Он выпрыгнул на парашюте из своего «фокке-вульфа» после того, как эскадрилья «Лайтнингов» атаковала его около Корлеоне и расстреляла его двигатель. Немного спустя Толстяк привел Тонне к гроту. Опираясь на толстую палку и хромая, он вошел и представился.

Возражающим жестом он прервал мои извинения за примитивное и заполненное спящими помещение. Я предложил пойти на виллу, когда стихнет бомбардировка, чтобы поспать несколько часов. Майор был полным, крепким, мускулисто выглядевшим человеком с коротко подстриженными кудрявыми волосами. Он напоминал крестьянина, и одной из его наиболее приятных черт были темные, добрые глаза.

Он без промедления начал рассказ:

— Приблизительно около полудня мы атаковали корабли около Джелы. Это всегда хороший момент, когда ваша бомба ушла и вы можете, выровняв самолет и набрав высоту, оказаться вне досягаемости убийственного огня с кораблей. Тогда мы столкнулись с «Лайтнингами»…

— Но как вы оказались около Трапани, если базируетесь в Джербини?

— Как я сказал вам, нас подкараулили «Лайтнинги». Мы с нашими немногими пригодными для полетов самолетами, которые смогли наскрести, спикировали с 4900 метров, неся по одной 500-килограммовой бомбе. Море было усеяно отличными целями. — Его голос был слишком громким и грубоватым и разбудил находившихся в шезлонгах и на раскладушках, которые, теперь сев, с интересом наблюдали за ним.

— Они немедленно появились позади и начали преследовать нас на малой высоте в ходе полета над долиной в глубь острова. Это завершилось целой серией одиночных поединков. К счастью, «фокке-вульф» точно не слабак. Я видел несколько идущих вниз самолетов, но должен был сберечь свою собственную шкуру. Я повернул на север, чтобы избавиться от них. Я перепробовал все, петляя по долинам и перепрыгивая через горы, но «Лайтнинги» держались позади меня. В конце концов они вышли на дистанцию огня и повредили мой самолет, но прежде, чем они успели окончательно покончить со мной, я набрал высоту и выпрыгнул на парашюте. Я был удивлен, что они не обстреляли меня, пока я болтался на своем парашюте. Я приземлился около маленького городка под названием Корлеоне. Это к югу от Палермо, приблизительно в 60 километрах по прямой. Корлеоне означает «дух льва», и я думаю, что это довольно точно… Затем я шел пешком и смог сесть на итальянский грузовик. На всем протяжении дороги итальянские армейские грузовики с необычно выглядевшими гражданскими на борту, другими словами — славная итальянская 6-я армия, продвигающаяся домой к маме.

— На что похож Джербини? Мы собираемся вылететь туда завтра.

— Аэродром перекопан, словно пашня осенью. Они сбрасывали бомбы повсюду, как будто хотели метр за метром уничтожить весь район. Нам пришлось почти ежечасно взлетать и

при необходимости перемещать наши самолеты, скрываясь в промежутках в жнивье. Затем все поля вокруг загорелись, и огонь выгнал нас. Только несколько самолетов из эскадры все еще пригодны для полетов, и мы не можем нанести противнику много ущерба с одной несчастной бомбой, подвешенной под животом каждого из них. Если вы видели «боинг», открывающий створки бомболюка, и то, что из него падает, — так это то, что я называю эффективностью…

— Как вы думаете, завтра утром мы все еще сможем приземлиться в Джербини? Как мы сможем прикрыть движение паромов, если на востоке не осталось никаких аэродромов?

Он с сомнением покачал своей круглой головой.

— Вы сможете приземлиться, если прибудете перед первой волной бомбардировщиков. У коменданта есть люди из рабочих частей, которые в течение ночи восстанавливают взлетно-посадочные полосы, насколько это возможно в пределах того времени, что им дают ночные бомбардировщики. Мы планировали поражать корабли 1000-килограммовыми бомбами. Мы, конечно, послали бы несколько из них на дно, если бы нас не перестреляли одного за другим. К тому времени, когда противник высадился на острове, моя эскадра уже была выведена из строя, разбита на земле. Теперь нам показывают, как мы должны были вести сражение над Англией в 1941 г., имея необходимые для этого самолеты. Я только что прочитал наставление, обычно это последняя вещь, которую я делаю. Это LDvl6[104] и так точно описывает, как надо это делать. Оно написано лично генералом Вефером[105]…

Приказ, направленный последним (рейхсмаршалом) в подразделения, был столь жестким, что был равносилен требованию, чтобы немецкие летчики-истребители жертвовали собой. Каждому пилоту, чей самолет не был поврежден или не был сбит, угрожал суд военного трибунала, если он не мог представить доказательства своего успеха в воздушном бою.

> Из-за отказа Верховного командования понимать действительные причины отсутствия успехов истребителей в борьбе с четырехмоторными бомбардировщиками, а также из-за оскорбительных мер, упомянутых выше, моральный дух летчиков-

истребителей упал крайне низко. Для любого разумного человека было очевидно, что главнокомандующий люфтваффе выходил из себя, когда сталкивался с событиями, такими, как они были, и прятал свою голову в песок.

Пауль Дейхманн. Воздушные сражения в Западном Средиземноморье, от потери Туниса до высадки на Сицилии

…В течение серии из двадцати одного воздушного боя, со второй половины мая по первые числа июля, немцы понесли тяжелые потери. Геринг, который знал о происходящем, но не понимал его причин, оказывал сильное давление на немецкий 2-й воздушный флот, призывая к непрерывному использованию в боях дальних бомбардировщиков и истребителей. Но немецкие самолеты по скорости и вооружению не могли соответствовать самолетам союзников. К потерям Геринг добавил оскорбление, послав летчикам-истребителям 2-го воздушного флота специальную телеграмму:

«Вместе с летчиками-истребителями во Франции, Норвегии и в России я могу относиться к вам только с презрением. Я требую немедленного поднятия боевого духа. Если этого не произойдет, то весь летный персонал, включая командиров, должен быть лишен званий и послан на Восточный фронт для службы в пехоте».

Альберт Гарланд. Сицилия и капитуляция Италии. Средиземноморский театр военных действий. Армия Соединенных Штатов во Второй мировой войне

Трапани/Джербини, 12 июля 1943 г.

Безжалостно дребезжащий телефон прервал мой сон. Шум был неприятно громким, и я в темноте поспешно схватил телефонную трубку.

— Телеграмма из штаба воздушного флота, господин майор. В полночь мы установили с ним связь, но сейчас снова потеряли. Я прочту ее вслух?

— Подождите минуту. Я должен включить свет.

В темноте я искал выключатель, но, когда наконец нашел его, понял, что старался напрасно. Тока не было. В конечном счете я смог найти спички, чтобы зажечь огарок свечи на тарелке около моей раскладушки. Мои движения были медленными, поскольку я чувствовал непередаваемую усталость. Я снова лег в своей пропитанной потом пижаме и взял трубку, все тело было тяжелым, будто свинцовым.

— Пожалуйста, прочитайте вслух.

Бесстрастным голосом оператор телетайпа, обер-ефрейтор, начал читать:

— «Второму воздушному флоту. Вместе с летчиками-истребителями во Франции, Норвегии и в России я могу относиться к вам только с презрением. Я требую немедленного поднятия боевого духа. Если этого не произойдет, то весь летный персонал, включая командиров, должен быть лишен званий и послан на Восточный фронт для службы в пехоте. Геринг, рейхсмаршал…» Вы все еще там, господин майор?

— Да, спасибо. Принесите телеграмму на командный пункт.

Когда я положил телефонную трубку, оператор дал три коротких звонка, как было предписано правилами. В комнате стояла мертвая тишина. Мерцающее пламя свечи отбрасывало гротескные танцующие тени на стены. Внезапно я услышал собственное дыхание. Сдерживая его, я продолжал неподвижно лежать. Всюду в этих маленьких домах люди были погружены в спокойный сон, не зная о новом оскорблении. Обер-ефрейтор на телетайпе и я были пока единственными здесь, знавшими о

суровой критике, высказанной самым высокопоставленным человеком в люфтваффе. Я попробовал представить человека на другом конце телефонной линии, поскольку видел его достаточно часто. Возможно, в штатской жизни этот человек, по возрасту годившийся мне в отцы, был учителем. Неожиданно я почувствовал странную связь между собой и тем невидимым оператором.

Но это настроение было быстро отброшено осознанием явного зверства невероятной телеграммы, которую я только что услышал. Как я должен теперь реагировать? Должен ли прочитать ее вслух перед строем? Но если я появлюсь перед ними с разговорами о «боевом духе», они посмотрят на меня с немым укором. Выражения их лиц сказали бы мне, что моя обязанность, как командира, избегать подобных выражений.

Так вот что вышло из усилий нашего генерала, пытавшегося спасти нас от трибунала. В самом деле, боевой дух! Через час рассветет и начнется новый день, который снова потребует от нас героической импровизации, как в любой день после нашего возвращения на Сицилию. С остатками эскадры, которые сможем наскрести, мы полетим над северным побережьем и вулканом Этна к Мессинскому проливу, где выполним серию нескоординированных атак на «Летающие крепости». Нас так мало, что мы сможем причинить немного ущерба бомбардировщикам, если вообще прорвемся к ним.

Затем мы приземлимся в Джербини, если аэродром все еще останется пригодным к использованию, или в Катании. При помощи ручных насосов дозаправим наши самолеты, перевооружим и зальем масло. Мы будем прыгать в земляные щели и укрытия, чтобы переждать ковровую бомбежку, прокатывавшуюся через нас. А затем выползем наверх, оттаскивая в сторону разрушенные самолеты, ремонтируя незначительно поврежденные, а если у нас еще останется достаточно машин, чтобы составить скромную группу, снова взлетим. Все это мы должны были продолжать делать день за днем. И теперь я, как предполагалось, должен выступать перед ними с речью о боевом духе!

Я сомневался в том, что мы сможем продержаться в Трапани остаток дня. Бомбардировщики появлялись без сигнала оповещения, так как летели слишком низко, чтобы их могли засечь наши радиопеленгаторы. Летя в сомкнутом строю, они

усыпали аэродром бомбами до тех пор, пока он не стал напоминать лунный пейзаж. Поэтому передовая взлетно-посадочная площадка около Корлеоне, вероятно, была нашим последним убежищем. К настоящему моменту она являла собой не что иное, как длинное поле, покрытое желтым жнивьем пшеницы и обозначенное побеленными каменными плитами.

Мы походили на преследуемых охотниками и ищущих укрытие животных. Без телефонной связи и снабжения мы также были отрезаны от внешнего мира. При этом в западной части Сицилии не осталось никаких других аэродромов.

Я, должно быть, заснул, и телефон снова выдернул меня из короткого периода блаженного бессознательного состояния.

— Четыре часа, господин майор.

Первый свет пробивался через венецианские шторы, когда я встал, чтобы открыть ставни. Я все еще чувствовал себя крайне измученным; в самом деле, я, казалось, находился в состоянии перманентной усталости. У меня было только одно желание — спать.

В другой комнате Толстяк открывал ставни, придвигал стулья к столу и гремел посудой для завтрака. Стало немного прохладнее. В бледном предрассветном свете серповидная бухта, террасы, сады и белые дома были окутаны легким туманом, через который вверх торчали черные сосны, и вертикально в небо поднимался дым из труб.

Когда я вошел в гостиную, Бахманн и Штраден, сидевшие за столом, ответили на мое «доброе утро» тихими, угрюмыми голосами. Ни один из нас не испытывал никакого желания разговаривать. Что мы действительно хотели, попивая горячий крепкий кофе Толстяка, так это положить голову на стол и заснуть.

Вошедший Кегель сел и без слов придвинул ко мне телеграмму. Белые полоски с отпечатанным текстом были аккуратно приклеены к бледно-розовой бумаге официального бланка. Первыми словами, на которых остановились глаза, была подпись под главной частью длинной телеграммы: «Геринг, рейхсмаршал».

«…относиться к вам только с презрением…» Я не имел никакого желания читать это до конца. Не в моих привычках было уклоняться от того, что неприятно, но сейчас мне было противно. Казалось, что это относилось только ко мне одному; я отвечал за эту эскадру и лично был объектом его презрения.

Я протянул телеграмму через стол. Штраден взял ее и вместе с Бахманном стал читать. Затем он медленно и осторожно положил бумагу на стол, поднялся, взял свою кепку с вешалки и вышел из комнаты, не сказав ни слова. Бахманн неуверенно посмотрел ему вслед, затем на меня и Кегеля и последовал за Штраденом. Он спокойно сказал:

— Я еду на командный пункт, господин майор.

Зазвонил телефон.

— Господин майор, это генерал.

Голос генерала был далеким и перекрывался потрескиванием и шипением. Чтобы лучше его слышать, я сдерживал дыхание и жестом показал Кегелю и Толстяку, чтобы они соблюдали тишину.

— Мы около Таормины, — сказал генерал. — Окружены — вы понимаете меня? Комизо больше нельзя использовать.

— Да, господин генерал-майор.

— Я хотел позвонить вам вчера вечером до того, как пришла эта телеграмма, но не смог связаться с вами…

— Да, господин генерал-майор.

— Слушайте, вы не должны принимать ее всерьез. Я сделал все, что мог. Я убедил его отказаться от предыдущего приказа, но тогда он послал эту телеграмму в штаб воздушного флота.

Генерал сделал паузу, и я тоже молчал. Наконец, он спросил:

— Вы все еще меня слушаете?

— Да, господин генерал-майор.

— Соберите все самолеты в Западной Сицилии и направляйтесь в Джербини. Аэродром еще можно использовать. К этому времени ваша 3-я группа должна вылететь с Сардинии и также приземлиться в Джербини. Вашей задачей будет защита Мессинского пролива. Вы можете сказать мне, сколько самолетов прибудет?

— От пятнадцати до двадцати, принадлежащих ко 2-й группе и штабному звену эскадры. Относительно 1-й группы доложить сейчас не могу.

— У вас есть какие-нибудь вопросы?

Вопросов у меня было много, но большинство из них в соответствии с немецкими военными традициями не годились для того, чтобы задавать их генералу.

— Да, господин генерал-майор. Какова ситуация? Как далеко продвинулись союзники?

— Давление на наши наземные войска увеличилось чрезвычайно, и мы будем усиливать нашу оборону в восточной части острова. Возможно, вы должны будете скоро начать отход. Враг усиливает давление в направлении центра острова.

— Но куда эскадра должна двигаться, господин генерал-майор?

— Я еще не знаю, — ответил он несколько раздраженно. — В настоящее время ни один немецкий солдат не может покинуть Сицилию. Но вы должны держать весь свой транспорт наготове. Нет никаких транспортных самолетов — у воздушного флота нет свободных «юнкерсов». И еще раз: не воспринимайте эту телеграмму слишком серьезно. Вы обещаете мне это?

Что я мог сказать по телефонной линии, которая в любой момент могла прерваться? Мы уже однажды обсуждали этот вопрос в течение нескольких часов и не нашли решения, так что было совершенно бессмысленно говорить еще что-нибудь теперь. Поэтому я ответил:

— Да, господин генерал-майор.

Мне было почти стыдно за свою позицию в разговоре с

генералом. Казалось, что я был соучастником акта предательства, жертвой которого стали наши пилоты. В то же самое время я понимал, перед какой дьявольской дилеммой оказался сам генерал. Проглотив язык, я просто ответил: «Да, господин генерал-майор». В этом ответе было заключено доверие к командованию — в целом отношение к жизни, — которое было привито нам, до этого нашим отцам и их отцам. До настоящего времени для нас, солдат, это была единственно правильная позиция, на самом деле единственно мыслимая. Послушание, которым в течение столетий отличался немецкий солдат, всегда предполагало непоколебимую веру в то, что приказы, которые он получал, — это обдуманные приказы и что Верховное командование очень тщательно все взвесило перед тем, как принести в жертву целые соединения. И многие из тех, кем пожертвовали, умерли с уверенностью в этом. Мне казалось, что именно это отражалось в безмолвных лицах моих пилотов, хотя в течение некоторого времени они имели отличную возможность для вопросов. «Это все еще остается в силе, не так ли, господин майор?» — казалось, спрашивали они меня. Конечно, это должно иметь некоторый смысл, если Верховное командование требует этого от нас, конечно, должно!

Но если предположить, что с этим старым военным принципом частично стало что-то не так? Во всяком случае, кто теперь был высшим командованием? Предположим, что после 1933 г. в эту иерархию повиновения вмешался новый фактор — фактор, который позволил Верховному командованию делать все, что захочется, даже что-нибудь бессмысленное?

Вопросы, вопросы! Человеку требовался досуг, чтобы размышлять над ними. Он должен был отоспаться. Он нуждался во времени, нуждался в ком-то еще, чтобы обсудить их. Но в нашем деле подобные вопросы не обсуждались. Возможно, все же было бы лучше, если бы это делалось, поскольку таким способом наши сомнения могли быть рассеяны.

В течение последних нескольких минут я стоял около телефонного стола с трубкой в руке. Кегель и Толстяк ошеломленно смотрели на меня. Из трубки раздался крякающий голос: «Вы все еще говорите? Вы закончили? Разъединяю вас».

В голове у командира эскадры не было никаких мыслей в начале нового боевого дня. Я схватил свой ремень с кобурой со спинки стула, где тот обычно висел, и застегнул его на талии.

Для солдата есть что-то чрезвычайно благотворное в этом жесте: он берет себя в руки, отбрасывая все ненужные мысли, фокусируя свой ум на безотлагательных вещах, на самом существенном.

Как я ненавидел эти полеты в Джербини! Всякий раз, когда я стоял на его бесплодном пространстве под палящим солнцем, видя пейзаж, отмеченный оспинами бомбовых воронок и покрытый разрушенными самолетами, я осознавал безнадежность нашего сражения за остров.

— Толстяк, сообщи на командный пункт, что я еду за гауптманом Штраденом и Бахманном. Мы летим в Джербини.

Кегель сел вместе со мной в «кюбельваген», и мы поехали между садами по узкому, пустынному проходу, который через переулок выходил на главную дорогу. Западная оконечность острова с аэродромом и белыми домами Трапани, расстилавшаяся ниже нас в утреннем тумане, представляла великолепное зрелище. В это короткое время перед восходом солнца можно было почувствовать подобие свежести, идущей со стороны моря, прежде чем с вечно ясного южного неба на окружающую сельскую местность опустится палящая жара. На горизонте, над Марсалой, виднелся ряд темно-синих пятен, плывущих над туманом, — разрывы зенитных снарядов. Было 5 часов утра, и день начинался как всегда.

Пока мы ехали на командный пункт, я дал Кегелю необходимые указания относительно подготовки к отходу.

— Весь наземный персонал, — сказал я ему, — за исключением тех, кто требуется для последней стадии обслуживания самолетов, должен быть отправлен в Мессину. Проверьте наши погрузочные списки и примите меры к уничтожению снаряжения, которое мы не сможем взять с собой.

Приехав, мы с Кегелем выбрались из «кюбельвагена» и по немногим ступенькам поднялись в барак. Навстречу мне уже шел Штраден.

— С вами хочет поговорить генерал, — сказал он.

Он продолжал избегать встречаться со мной взглядом. Мне показалось, что оскорбления рейхсмаршала застряли у него в горле, но их надо было проглотить, иначе можно было

задохнуться.

Пока я, взгромоздившись на вращающийся стул, ждал соединения, мои глаза осматривали равнину.

Пеленгаторы около Марсалы обнаружили приближавшиеся стратегические бомбардировщики, но не было никакого смысла поднимать против них наши немногие пригодные самолеты, так как задача состояла в том, чтобы в течение нескольких минут улететь в Джербини. Атака могла быть направлена против нашего аэродрома, но целью в равной мере могла быть и гавань Палермо. Союзники намеревались перерезать наши линии снабжения, чтобы облегчить свои задачи на острове. А для этого они, помимо палермской гавани, должны были атаковать и Мессинский пролив. Вероятно, они атаковали бы их одновременно, так как, несомненно, обладали достаточными для этого силами.

Предупредительные выстрелы зенитной артиллерии вызвали немедленное прекращение всей деятельности внизу, на аэродроме. Летчики перед бараком жестикулировали и показывали в сторону Чинисии. И затем я также увидел длинный поток бомбардировщиков, приближавшийся с запада. Внезапно белая поверхность взлетно-посадочной полосы, обычно мерцавшая на солнце, скрылась в огромном облаке пыли. Должно быть, площадь бомбежки была очень обширной и полностью перекрывала всю длину аэродрома. Только потом мы услышали грохот разрывов. Когда я кричал в телефонную трубку, безуспешно пытаясь выйти на связь, в небо начали подниматься первые черные облака бензинового дыма от горящих самолетов.

Зрелище разрушаемого аэродрома Чинисия напомнило о моем посещении итальянской группы истребителей, размещенной там[106], и в то же самое время я понял, что почти совсем забыл о существовании итальянской истребительной авиации. В ходе этого ужасного финала каждый на этом острове был сам за себя. Мощные налеты начались прежде, чем мы смогли наладить связь друг с другом или скоординировать нашу тактику — шаги, которые в нормальных условиях предпринимали как сами собой разумеющиеся. В результате наши военно-воздушные силы вели свою собственную воздушную войну. В условиях, когда отношения между итальянским и немецким Верховным командованием были далеки от хороших, были не только разделены системы управления подразделениями этих двух государств, но также были различны и приказы, которые они

получали, так что ни о какой координации в районе боевых действий речи быть не могло. Действительно, это был главный недостаток объединенного командования с самого начала Средиземноморской кампании: штабы обеих сторон были так сильно озабочены собственным престижем, что предпринимали всевозможные шаги, чтобы не допустить передачу собственных подразделений под иное командование. Таким образом, хотя сражение было общим, распоряжения и приказы неизменно были различными.

Бомбометание по площадям — ужасное оружие, когда используется против аэродрома, и чрезвычайно деморализует аэродромный персонал, даже притом, что он может укрыться, сидя на корточках в бункерах или в земляных щелях. Особенно эффективными были малокалиберные бомбы, которые противник сбрасывал тысячами. Они оставляли лишь мелкие воронки, но их осколки, разлетающиеся во все стороны на высокой скорости и близко над землей, прошивали обшивку наших самолетов, словно она была сделана из бумаги.

Как теперь чувствовала себя итальянская истребительная группа, не привыкшая к таким налетам и знавшая, что командование направило ее на Сицилию неохотно? За несколько дней до этого я нанес визит ее командиру. Во время посадки я отметил удивительно хорошее состояние аэродрома. После того как прорулил по длинной взлетно-посадочной полосе, я был направлен к капониру, окруженному защитным валом из белого туфа. Соседние капониры занимали истребители «макки», все еще имевшие пустынный камуфляж периода Североафриканской кампании.

Перед зданием пункта управления полетами ко мне подошел офицер, который представился майором Висконти[107], командиром истребительного подразделения. Он сказал, что командный пункт и штаб его командира находится на горе Эриче и что я, если пожелаю, могу посетить его там.

Человек, идущий рядом со мной, имел мужественное и чрезвычайно симпатичное лицо. Маленькая белая фуражка с коротким козырьком была надвинута на лоб, почти до самых густых бровей. Ниже орлиного носа чернели густые усы. В его взгляде не читалось и намека на робость, когда он смотрел на меня выразительными, удивительно синими глазами. Его фамилия была мне знакома, поскольку я много слышал о нем. Он

был известен ветеранам моей эскадры начиная с Северной Африки, и они отзывались о нем как о храбром и выдающемся летчике-истребителе.

Он начал говорить об их плохой связи и о том, что его главный источник распоряжений — полевой телефон, который, однако, редко позволял ему связаться с командованием. Кроме того, он не имел никакой связи с немецкими пеленгаторами около Марсалы, и, когда видел, что немецкие истребители, вовремя приведенные в готовность, вылетали, чтобы атаковать противника, ему оставалось только завидовать, поскольку он понимал, что без наведения с земли успех — лишь дело случая. Никто, сказал он мне, не предупреждал его о подходе противника, а в воздухе он не получал вообще никаких распоряжений.

Я глубоко сочувствовал его положению. Пытаясь понять, чем могу ему помочь, я испытал что-то вроде гордости, когда сравнил его безнадежную ситуацию с нашей. Мы, по крайней мере, имели технические средства, чтобы вести успешные боевые действия, — действительно, мы все еще имели их! И этот несчастный командир сидел высоко на горном склоне, наблюдая за своей группой, праздно находящейся на первоклассном аэродроме, и ожидая, пока ее не нокаутируют точным массированным бомбовым ударом! Когда, пожав руку Висконти, шел обратно к своему самолету, я решил навестить его командира, как только позволят дела.

Нынешняя атака аэродрома Чинисия напомнила мне о решении, которое я тогда принял. Я удивлялся, почему союзники не напали на этот замечательный аэродром раньше. Возможно, перестали воспринимать итальянцев всерьез? А вообще-то они когда-нибудь воспринимали их всерьез?

Это был ход мыслей, который я не хотел развивать, поскольку он, так или иначе, был недружественным по отношению к Висконти, весьма мне симпатичному. Во всяком случае, я намеревался разыскать его странного командира на горе Эриче.

Однако подготовка к вылету, непосредственно взлет и выполнение в воздухе функций ведущего своего небольшого формирования потребовали всего моего внимания. Снова и снова текущие заботы не давали нам времени на размышления, и это было как раз хорошо. Так или иначе, каждый, кто позволял себе

впасть в задумчивость, был потерян для нас: из-за недостатка решительности он погибал в решающий момент боя или же еще до установления контакта с противником поворачивал обратно, и не один раз, а снова и снова, пока его не переводили от нас, и его карьера, как летчика-истребителя, заканчивалась.

Мы кружили над аэродромом Джербини в поисках посадочной полосы, которую для нас обозначили маленькими, едва видимыми флажками. Наконец, поняв схему ее расположения, я решил садиться. Большая часть полей желтого жнивья выгорела. Равнина, одна из наиболее плодородных, выглядела ужасно с воронками от бомб и черными шрамами от пожаров. Снижаясь, я чувствовал почти непреодолимое нежелание садиться там. Когда машина замерла напротив барака, пропеллер сделал еще несколько судорожных рывков, сопровождаемых громкими хлопками. Двигатели перегревались, когда приходилось рулить со скоростью пешехода. Я не смог сразу обнаружить укрытие своего самолета и, следуя за механиком, выступавшим в качестве проводника, объехал половину аэродрома прежде, чем достиг барака и укрытия, зарезервированного для меня. В хаосе воронок и скелетов уничтоженных самолетов, среди сгоревших оливковых деревьев было трудно держать направление, гораздо труднее, чем это казалось во время захода на посадку.

Штраден, Бахманн и Цан припарковали свои «сто девятые» поблизости. Даже в этот утренний час они уже были уставшими и волочили ноги, когда шли к бараку. Снаружи была скамья, сделанная из нескольких камней и деревянного бруса, на которую они сразу сели.

В тишине я прошел мимо них и, войдя в барак, попытался выйти на связь с инспектором истребительной авиации, штабом воздушного флота или с любым другим вышестоящим органом. В конечном счете пришел фельдфебель Корн — как он успел по земле добраться сюда? — и объявил, что бесполезно пробовать установить контакт с каким-нибудь штабом, поскольку приказ для нас, «дозаправка, взлет и патрулирование над Мессинским проливом», уже получен.

Вооруженный этой короткой и сухой информацией, я присоединился к своим людям на скамейке, которые, вытянув ноги, дремали в скудной тени. Отдыхая, я прислонил голову к горячей стене и закрыл глаза. Со всех сторон слышался знакомый

шум передовой взлетно-посадочной площадки: щелчки ручных топливных насосов, крики механиков, нарастающий рев проходивших проверку двигателей. Я слышал все это и, слушая, мысленно отмечал прохождение каждой минуты.

В этот момент мы были крайне уязвимы. Достаточно было здесь случайно появиться противнику, и ему потребовался бы только один заход, который означал бы конец для нас. Мы нервно ждали окончания дозаправки, хорошо зная, что будет удачей, если мы сможем подняться в воздух невредимыми.

Когда глухой гул разрывов отдаленной бомбежки достиг наших ушей, мы немедленно попрыгали в щели. Как по мановению невидимой руки, с поверхности аэродрома исчезли все признаки жизни. Южнее зенитная артиллерия открыла мощный огонь, но вскоре затихла. На этот раз атака была направлена против другой части огромной долины, не против нас. Когда отдаленный гул авиационных двигателей уменьшился до уровня, который, почти без перерыва, сохранялся повсюду каждый день, мы с опаской и очень осторожно выбрались из наших траншей. По аэродрому в облаке пыли рулил «Ме-109», и кто-то на командном пункте эскадры сообщил, что приземлился оберст Лютцов.

Он пробрался между воронками и остановил свою машину поблизости от барака. Когда Лютцов выбирался наружу, мой старший механик Шварц сказал, что на моем двигателе необходимо заменить втулки.

Это подразумевало, что самолет нельзя будет использовать в течение часа.

— Штраден, пожалуйста, пойдите в 1-ю группу и сообщите, что эскадру поведет Гёдерт. Вы возглавите штабное звено.

— Да, господин майор.

В то время как я приветствовал Лютцова, по краям аэродрома ожили двигатели и остатки эскадры пришли в движение. Спустя несколько минут они были в воздухе, чтобы прикрывать Мессинский пролив. Лютцов снял спасательный жилет и вручил его механику, который должен был дозаправить самолет. Когда мы медленно шли к бараку, я поймал себя на том, что инстинктивно осматриваю окружающее пространство, отмечая

месторасположение ближайшей щели. Мы с ним свернули к месту, где несколько пустых патронных ящиков были сложены таким образом, чтобы сформировать своего рода стулья около глубокой траншеи. Вероятно, предыдущим вечером летчики играли здесь в скат.

— Я сожалею об этой телеграмме. Вы можете быть уверены, что мы сделали все возможное, чтобы не допустить этого.

Я неохотно посмотрел своему старому другу в глаза. Его нынешняя должность, вероятно, не позволяла ему говорить свободно даже наедине.

— Францл, — сказал я, — мне крайне больно слушать это. Вы все извиняетесь перед нами — лично вы, генерал, воздушный флот, — и теперь я лишь жду извинений фельдмаршала! Возможно, вы начнете снова расхваливать нас, если сочтете, что это заставит нас лучше сражаться и более бодро идти навстречу своей смерти. Сначала вы посылаете нам эту позорную телеграмму, а немного позже весело хлопаете нас по спине, говоря: «Не воспринимайте все так серьезно, ха-ха-ха» или «Выше нос! Ее скоро забудут». И в то же самое время знаете, что каждый телетайпный пост, каждый штаб между нами и рейхсмаршалом узнал о нашем позоре, не зная о том, что можете объяснить им, что это все не надо принимать слишком серьезно. Я не буду участвовать в этом, Францл, но в целом это мерзкое представление крайне поразило меня.

Он выдержал мой пристальный взгляд и спокойно ответил:

— Конечно, вы правы — это невозможная вещь, ничего не может быть хуже этого, ведь все мы в одной лодке. Но что мы должны были сделать? Люфтваффе теперь в ужасном положении. Рейхсмаршал находится под огнем критики с тех пор, как «Крепости» проникли в районы восточнее Берлина. Фюрер обвиняет его в неудачах авиации, и он оправдывается, снова и снова повторяя: «Это — не я, это — летчики-истребители!» Для себя лично я уяснил, что больше невозможно вести разумный разговор с рейхсмаршалом способами, доступными офицеру. Поверьте, у меня часто возникают серьезные сомнения…

Он умолк, так и не раскрыв природу этих сомнений. У меня они тоже были, но такие, о которых люди в нашей ситуации говорить не могли. Если бы мы делали это, то вступили бы в

конфликт с совестью, что абсолютно невыносимо для сражающегося солдата. Так что мы некоторое время молчали, и каждый из нас точно знал о том, что думает другой. Наконец, я сказал:

— Я не объявлял содержания телеграммы, хотя все пилоты, конечно, его знают. Я держу ее в ящике стола.

— Никто не пытается спросить о ней…

— Как, вы полагаете, долго мы продержимся на Сицилии?

Лютцов зажег сигарету, со свистом выпустил дым.

— Передовые части британской 8-й армии сейчас приблизительно в 40 километрах к югу отсюда, — сказал он. — Американская 7-я армия продвигается от Джелы, возможно, с намерением соединиться с британцами здесь, на равнине Катании. Совершенно очевидно, что это имеет большое значение для вас в Западной Сицилии и в целом для обороны острова.

— Вы подразумеваете эвакуацию — отход, организованный насколько возможно?

— Что же еще? — Голос Лютцова был безразличным, но взгляд говорил более выразительно, когда он продолжил: — И кто имеет в этом больший опыт, чем вы?

— Думаете, отход будет таким же? В Тунисе приказ прибыл слишком поздно. В нашем случае, как ни парадоксально это покажется, это называлось не приказом, а разрешением, и Верховное командование продолжает лелеять тайную надежду на то, что найдутся отдельные бесстрашные личности, которые скорее предпочтут сражаться до последнего вздоха в Фермопилах[108], чем воспользуются преимуществами их великодушного предложения. Но вот там ничего не осталось для спасения. На этот раз я пришел к мнению, что необходимо доставить на материк каждого человека, даже если это означает, что мы должны будем сжечь или взорвать большинство оборудования. Мы медленно достигаем стадии, когда каждый человек становится незаменимым. В любом случае действительно квалифицированных и ответственных наземных специалистов будет все меньше и меньше, если эти ковровые бомбардировки продолжатся.

— Может быть, вы правы, — произнес Лютцов задумчиво. — Самолеты и другое оборудование можно заменить; опытного механика — нет. Если вы сумеете переправить ваших людей через Мессинский пролив целыми и невредимыми, мы сможем перевооружить эскадру. Вы знаете, что мы теперь выпускаем тысячу истребителей в месяц и, возможно, станем выпускать еще больше? Как известно, наши потери также очень велики. Мы теряем сотни только на стадии обучения.

В этот момент поперек аэродрома, рыская из стороны в сторону, пролетели два истребителя и вслед за ними вернувшаяся из вылета эскадра, пилоты один за другим быстро заходили на посадку. Немедленно вокруг снова поднялась пыль и воцарился хаос.

— Гауптман Штраден выпрыгнул на парашюте поблизости, — высунувшись из окна барака, сообщил фельдфебель Корн, вынужденный кричать настолько громко, насколько мог, чтобы расслышать сквозь шум самого себя. — Нам нужен «шторьх»!

Помолчав мгновение, он сконцентрировался на разговоре по телефону и вскоре после этого объявил:

— 2-я группа посылает свой «шторьх», господин майор. Они знают, где он выпрыгнул на парашюте.

Затем с докладом пришел Бахманн и рассказал мне о бое. По-видимому, они набирали высоту западным курсом, чтобы занять позицию со стороны солнца, когда будут атаковать «Крепости». Находясь в квадрате «Марта», они все еще поднимались, когда увидели ниже себя «боинги», направлявшиеся на север. Гёдерт немедленно начал атаку, которая была почти как из учебника. Однако в тот же самый момент эскадрилья «Спитфайров» спикировала на них и смогла разделить их на части. Сохранив сомкнутый строй, Штраден вместе со штабным звеном под интенсивным огнем смог выйти на дистанцию огня в хвост одному бомбардировщику. Внезапно его машина начала уходить с набором высоты, и он сообщил, что получил попадание и ранен. Затем он развернулся и перешел в крутое планирование в направлении Джербини. Но почти немедленно сбросил фонарь и, сделав переворот через крыло, покинул самолет. Бахманн видел его открывшийся парашют.

«Шторьх» со Штраденом на борту приземлился в нескольких метрах от барака. Носилки с раненым осторожно вынули из самолета, и врач, приданный 1-й группе 53-й истребительной эскадры, сразу принялся разрезать на бедре его пропитанные кровью брюки.

— Еще один потерпел неудачу, — сказал я Лютцову, когда мы прохаживались поблизости. — 1-я группа сообщила, что потеряла троих. Эскадра продолжает терять все больше и больше пилотов. Все здесь движется к концу, Францл.

Он, казалось, мысленно составлял картину боя, который мы провели. Конечно, как инспектор на Юге он имел мало влияния на тактические решения на этом театре, но его слова имели определенный вес в кругах, близких к инспектору истребительной авиации. Возможно, его личные впечатления облегчили бы принятие решения о прекращении неравной борьбы на острове.

Я видел мертвых и умирающих людей. За четыре года войны, за четыре года почти непрерывных боев, а это целая вечность, я видел, как они разбивались, истекали кровью и горели: некоторые просто мальчики, неоперившиеся юнцы, которые были немедленно сражены тем, что называется судьбой; другие, люди в возрасте, ветераны, чей опыт превосходил опыт всех остальных и все же чей час внезапно пробил. Считалось, что Штраден лишь ранен, но я полагал, что не увижу его в течение долгого времени, возможно, больше никогда, не увижу лица пилотов, стоявших вокруг «шторьха», в то время как доктор занимался Штраденом, и эта сцена намертво отпечаталась в моей памяти.

Теперь это была одна из последних баз на острове. Солнце безжалостно поливало жаром желтую равнину, с которой группы людей, подобных нам, лихорадочно поднимались в воздух на немногих оставшихся самолетах, процесс, который до сих пор неизбежно заканчивался очередной потерей самолетов. В то время как механики со скоростью, приобретенной практикой, заправляли самолеты горючим и грохотали патронными лентами по капотам двигателей, пилоты, вялые и безучастные, стояли или сидели на корточках под пыльными оливковыми деревьями. Едва ли можно было услышать слова. Каждый человек знал, что он и его компаньоны дошли до предела сил.

Теперь не было ничего, что бы напоминало лихого, элегантного летчика-истребителя с желтым шарфом и в

щегольской униформе. Наш внешний вид точно отражал состояние, в котором мы находились: мятые, грязные, запятнанные маслом брюки, древние, сальные спасательные жилеты и небритые лица. Все вокруг было пыльного, коричневого цвета — земля, одежда, лица, самолеты. Есть лишения победы, лишения, которые в России и в Северной Африке мы переносили бодро и которые иногда просто не замечали — приподнятое настроение давало нам ощущение нашего превосходства. И есть лишения поражения, лишения грязи и позора, разъедающие мораль, вредящие боевому духу и служащие лишь тому, чтобы множить новые поражения. Это, как нас учили, было время для прирожденного военачальника, который сумеет вывести своих людей из состояния депрессии, дать им цель, вдохновить новым наступательным порывом и смело вести навстречу врагу, навстречу смерти или славе. Нам всем, выполнявшим здесь в жаре и грязи рутинные боевые задания, эта концепция виделась крайне сомнительной. Это был пережиток Первой мировой войны, если не дней кавалерийских атак, совершенно бесполезный в ситуации, в которой мы теперь оказались. Война в воздухе — война технологий, которая не может быть выиграна технически слабой стороной, несмотря на ее высокую мораль и бесстрашные действия. Этого наши фельдмаршалы не сумели понять, и это стало причиной того, почему рейхсмаршал мог мыслить лишь категориями храбрости или трусости и для него истребительная авиация, потерявшая превосходство, не могла быть никакой другой, как только трусливой.

Внезапно мои мысли прервал голос Лютцова:

— Мы должны перебросить вас на материк, пока еще есть ядро, вокруг которого можно восстановить эскадру. Северную Африку оставили слишком поздно. Очевидно, что эскадра — это нечто большее, чем конгломерат самолетов, оборудования и определенного числа людей.

— И кому вы думаете сообщить об этом? — спросил я с горечью. — Скажите генералу, хотя он должен прекрасно это знать. Он сам лишь два года тому назад командовал эскадрой.

— Не будьте несправедливы к нему. Я уверен, что он отлично обо всем знает. В конце концов, он принадлежит к тому же самому поколению, что и мы, и его боевой опыт точно такой же, что и наш. Но что он может сделать?..

Я пожал плечами и снова посмотрел в направлении раненого. Возможно, Лютцов прав. Мы должны продолжать. Мы придали нашим военачальникам и командам, исходившим от них, почти непогрешимый вид и в то время, когда все еще побеждали, думали, что это замечательно. Теперь, во время поражения, мы не имели альтернативы, — должны были ждать и выполнять их приказы, даже если эти приказы неправильные и даже если мы твердо знали, что они неправильные.

Выбравшись из своего самолета, Бахманн сел под оливковым деревом. Его глаза не отрывались от спины доктора, который все еще стоял на коленях, занимаясь своим пациентом. Пристально глядя на эту сцену, он продолжал загорелой рукой беспокойно поглаживать свой подбородок. Его поза, как мне показалось, была позой старика: изношенные тропические ботинки с кожаными носами и парусиновым верхом, сальный, желтого цвета мешочек, пристегнутый к спасательному жилету, избитые, потертые перчатки, чья единственная задача состояла в том, чтобы не позволять рукам, которые неизменно потели, соскальзывать с ручки и кнопок управления. Доктор поднялся, закончив перевязку. Раненый лежал с закрытыми глазами. Он был в сознании, но не произнес ни слова. Вероятно, страдал от последствий шока.

— У него правая икра вырвана разрывной пулей, — проговорил доктор тихо, чтобы не слышал пациент. — Пока нельзя сказать, удастся ли сохранить ногу. Мы должны немедленно отправить его в госпиталь. — Он сделал паузу перед тем, как продолжить. — На материк, если возможно. Я сделал ему инъекцию морфия и укол против столбняка.

— Мы должны будем подождать наступления сумерек, чтобы не рисковать «шторьхом», — сказал я, — и, если на аэродроме Вибо-Валентия не будет тревоги, они смогут договориться, чтобы его отправили дальше без задержки.

— Телефон, господин майор! — прокричал из барака фельдфебель Корн.

Это был Тонне, командир истребителей-бомбардировщиков «фокке-вульф». Его люди базировались здесь, выполняя вылет за вылетом, однако наносимый ими ущерб был не более чем булавочный укол.

— Только что из штаба воздушного флота пришел приказ, — сообщил Тонне. — Я читаю: «Немедленно перебазироваться на запасные посадочные площадки около Трапани вместе со штабным звеном, 1-й и 2-й группами 77-й истребительной эскадры. 3-й группе 77-й эскадры вернуться на Сардинию».

— Спасибо. Я начну перебазирование, как только мои самолеты будут заправлены и перевооружены, то есть через несколько минут. Думаю, что аэродром около Салеми[109] лучший из двух, и предлагаю лететь туда.

— Отлично, — спокойно ответил командир истребителей-бомбардировщиков. — Но сначала я полечу к кораблям около Джелы, чтобы поставить в этом деле точку.

Аэродром около Салеми был рядом с той фермой, которая так досадила «киттихаукам». Без сомнения, противник принял ее за опорный пункт, но с таким же успехом он мог искать нас где-нибудь еще. Взлетно-посадочная полоса около Корлеоне была не чем иным, как последним убежищем на случай, если мы должны будем покинуть Трапани, но все же продолжать оставаться в западной части острова.

— Мы вылетим на передовую взлетно-посадочную площадку около Салеми! — прокричал я Корну. — Хочу как можно скорее узнать, сколько готово самолетов.

Часть из нас могли бы отправиться сейчас, а все еще обслуживаемые самолеты последуют за нами позже. Это подразумевало, что мы будем лететь группами слишком малочисленными, чтобы сформировать жизнеспособный боевой порядок. По пути на запад мы намеревались выполнить штурмовые атаки плацдармов высадки десанта. Я не видел Уббена, который командовал моей 3-й группой, с момента нашего прибытия в Джербини. Он по телефону доложил о присутствии своей группы, рассказал о бое над Этной и теперь готовился вернуться на Сардинию. Его приготовления шли с такой же скоростью, что и наши, так как все мы хотели как можно быстрее покинуть нашу незащищенную позицию, прежде чем враг сбросит на нас очередную порцию бомб.

Лютцов пришел, чтобы попрощаться.

— Я направляюсь в Катанию, — сказал он. — Обязательно

сообщу генералу о том, как у вас обстоят дела. Если бы только фюрер дал нам разрешение эвакуироваться с острова.

«Фюрер, — подумал я рассеянно. — Да, конечно, фюрер!» Но в этот момент враг казался более важным.

«Согласится ли враг, — спросил я себя, — разрешить нам эвакуироваться с острова?»

На этот раз, когда мой самолет оторвался от земли, чтобы перенести меня к Трапани, чувство большого облегчения, которое возникало у меня всякий раз, когда я покидал Джербини, полностью отсутствовало. Возможно, отсюда мы в последний раз вылетали, поскольку конец был очень близок. Даже если бомбежки внезапно прекратятся, пройдут недели, прежде чем мы сможем начать эффективные атаки, такую испытывали нехватку всего необходимого для действий истребительного подразделения — квалифицированного персонала, запчастей, боеприпасов и даже бензина, — и ясно, что мы могли взлетать только с тех немногих передовых взлетно-посадочных площадок, до которых транспорт добирался лишь ценой огромных усилий. Мы были свидетелями, как на этом театре подтверждались слова, процитированные Тонне: «Уничтожение одних военно-воздушных сил другими может гарантировать последним беспрепятственные действия и безопасное развертывание их наземных войск». Без сомнения, этот наш вылет покажет американцам, что с нами еще не покончено, — он будет стоить врагу нескольких жизней и принесет разрушение части его оборудования, — но по сравнению с тоннами бомб, которые он сбрасывал на Сицилию, это будет иметь небольшое значение.

Позади меня были лишь девять «мессершмиттов». Остальные должны были вылететь из Джербини, как только их обслужат, и присоединиться к нам на передовой взлетно-посадочной площадке. Мы ни в каком смысле не были большой группой; немногие самолеты, имевшиеся в нашем распоряжении, были бесполезны против вражеских бомбардировщиков, ощетинившихся пулеметами. Возможно, мы смогли бы в ходе «собачьей схватки» сбить несколько истребителей, но и числом, и качественно эти самолеты превосходили наши.

Небо на западе стало серо-стальным, и грозовые тучи начали формироваться над центральным горным массивом острова. Ориентируясь по карте, расстеленной на коленях, я держался на

краю стены облаков, не теряя направления. Около Энны, которую можно узнать по обширным руинам castello Hohenstaufen[110], я повернул на юг, чтобы выйти к заливу Джелы. Видимость была плохая, а облачность настолько низкая, что я убрал газ, когда летел вниз над длинной долиной. Я знал, что американцы продвигались вверх по этой долине на север и что если я хотел достигнуть побережья, то мне придется остерегаться их внимания. Сначала я держался подальше от дороги, ближе к склонам, которые исчезали в тумане над головой. Внезапно меня окружили нити трассеров. Они напоминали фейерверк, когда поднимались ко мне, неслышимые из-за гула моего двигателя. Это была красивая картина, но в любой момент она могла стать смертельной. Я применил полный форсаж и помчался вниз над долиной, выполняя серию энергичных противозенитных маневров.

Неожиданно поток ливня ударил в мое ветровое стекло, в течение нескольких секунд я вообще ничего не видел. Затем завеса облаков резко разошлась, показав белый пляж Джелы, на котором я недавно встретил итальянский сторожевой патруль. Я выполнил правый разворот, чтобы обойти пляж и неизбежный зенитный огонь с эсминцев и десантных судов. Теперь я был в сотне метров над шоссе, которое шло параллельно берегу, летя сквозь непрерывный град трассеров. Позади меня, словно привязанные нитью, держались остальные. Используя фактор внезапности, мы могли применить нашу огневую мощь максимально эффективно, прежде чем солдаты на земле успеют попрыгать в укрытия или артиллеристы прицелятся.

На шоссе, словно на параде, выстроились грузовики и танки, и, когда я пикировал, звук выстрелов моих пушек перекрывал шум двигателя, во рту у меня пересохло и на языке появился знакомый горький вкус. Для ведения огня у меня имелось только несколько секунд, и моя скорость стремительно росла, когда я начал атаку. Светящееся перекрестие прицела выделялось на фоне темной земли, и силуэты машин быстро мелькали в нем. Сильными ударами ног по педалям руля направления я пытался совместить светящийся круг и перекрестие прицела с шоссе и транспортом. В моем прицеле быстро вырисовывался большой танк, и мои снаряды ударялись о его броню, рикошетируя во всех направлениях. Прямо у меня перед глазами солдаты прыгали через борта грузовиков и растворялись в земле.

Перегрузка вдавила меня в парашют, когда я начал правый

разворот с набором высоты и продолжил свой безрассудный полет над прибрежным шоссе. Наклонив голову вправо, я посмотрел над бронированным заголовником и через боковое плексигласовое окно вниз на шоссе, которое бежало позади меня, словно на ускоренной кинопленке. Там горели машины, пушечные снаряды взрывались на дороге, и джипы подпрыгивали над землей во время дикой гонки по открытой местности. Эта захватывающая картина давала каждому из нас обманчивую мысль о нашем превосходстве. Я выполнил левый вираж и, все еще глядя назад, увидел один из наших самолетов, который летел низко — слишком низко! — пока не врезался в одну из машин в колонне и немедленно взорвался. Куски металла и столб пламени взметнулись на высоту дома.

Это было то, что мы называли «огненным тараном», причиной которого мог стать зенитный огонь или случайное столкновение с землей. Такую смерть, эффектную и ужасную, можно было увидеть лишь мимолетно, краем глаза. Каждый слышал лишь гул собственного двигателя и в наушниках — стаккато боя. Как в немом кино, огромный взрыв, казалось, не произвел вообще никакого шума. Так же было, когда фельдфебель Мейер, срезав верхушки деревьев, упал в лесу около Новгорода; когда лейтенант Беренс, словно огненный шар, прокатился по центру колонны русских армейских грузовиков; когда обер-фельдфебель Штумпф на выходе из пике потерял крыло и разбился в степи среди вражеских танков.

Внезапно поток трассеров передо мной иссяк. Тусклая ленточка шоссе внизу опустела. Линия фронта осталась позади. Я задавался вопросом, кто был тот несчастный, поскольку не знал, кто взлетел вслед за мной, кроме Бахманна и Цана. Эти двое летели рядом в сомкнутом боевом порядке, но другие покидали Джербини по мере того, как их самолеты были обслужены и готовы к полету.

Слева от нас был Агридженто. Я сделал широкий круг над городом и гаванью, чтобы не спровоцировать зенитный огонь, и начал набор высоты. Солнце сияло мне в лицо, и на востоке белая стена облаков сверкала в его лучах. Мое намерение, при условии, что мы не столкнемся с противником, состояло в том, чтобы пролететь по большой дуге и увидеть сверху Чинисию, Трапани и обе передовые взлетно-посадочные площадки.

— «Одиссей-один» — «Эриче». Вы слышите меня?

— Отлично слышим вас, «Одиссей-один». Мы только что засекли группу «мародеров» с эскортом истребителей, приближающуюся к Трапани. Сообщите вашу позицию и высоту. Прием.

— «Одиссей-один» — «Эриче», понял. Позиция — Кастельветрано, 4900. Прием.

Снова эти идиотские бомбардировщики «приближались к Трапани», чтобы доставить новое содержимое к тому же самому пространству, покрытому щебнем. При этом союзники, по существу, были правы, поскольку мы все еще атаковали их жалкими остатками наших сил. И к этому времени они не имели никаких иллюзий относительно нашей стойкости.

По моим расчетам, мы должны были вступить в контакт с противником в течение 10 минут. Какую кучку я возглавлял, спрашивал я себя? Крутя вокруг головой, пытался рассмотреть номера, нанесенные на сопровождавшие меня самолеты. Их было восемь, вся моя боевая сила, и я понятия не имел, кто их пилотировал, кроме Бахманна и Цана конечно. Эти двое летели рядом со мной справа и слева, их машины неподвижно висели в спокойном воздухе. Я подозревал, что, так или иначе, мы встретим врага. Предчувствие подсказывало мне, что бой неизбежен и что я, не имея запаса сил, приближаюсь к своему пределу.

Оператор наведения на горе Эриче продолжал докладывать о самой последней позиции бомбардировщиков. Имей мы численное преимущество, будь не такими измотанными, эта слаженная работа между воздухом и землей могла бы быть сплошным удовольствием, но теперь это стало не чем иным, как прелюдией к неравному бою.

— «Эриче» — «Одиссею-один», сейчас «мебельные фургоны» прямо к северу от аэродрома, высота 3000 метров. Вам лучше продолжать двигаться вперед.

— Сообщение получено.

К этому времени мы уже видели грязные пятна разрывов зенитных снарядов и перед ними бомбардировщики, летящие в сомкнутом строю. Они появились с севера над горами и в любой

момент могли начать открывать створки своих бомболюков. Мой альтиметр показывал 4000 метров. «Вам лучше продолжать двигаться вперед», — сказали мне. Что я, конечно, и выполнил, спеша к новому столкновению с нашими старыми знакомыми по Северной Африке. Где были истребители? Пока я еще не видел ни одного из них. Зенитчики стреляли великолепно. Их снаряды разрывались точно среди «мародеров», вынуждая их снова и снова менять курс.

Один из больших самолетов опустил крыло и в течение нескольких секунд скользил внутри боевого порядка — совершенно противоестественный маневр. Внезапно он зацепил другой самолет в звене, и обе машины, превратившись в один клубок металла, понеслись вниз. И вдруг над ними показались два парашюта, спокойно плывущие в воздухе.

И тут я увидел прямо перед собой на том же курсе истребители. Это были «Тандерболты» с большими радиальными двигателями, летевшие значительно выше разрывов зенитных снарядов.

Почти автоматически я перевел гашетку стрельбы в верхней части ручки управления в положение «огонь». Когда я был уверен в том, что мне придется стрелять, я неизменно делал это заранее. И опять горький вкус появился у меня во рту.

Как только я обстрелял истребители из пушек, их боевой порядок нарушился. Я застал их врасплох. Ведущий звена сделал переворот через крыло и перешел в эффектное пике. Однако я не попал в него; черный дым, появившийся из его выхлопных труб, свидетельствовал о том, что двигатель работал на форсаже. Мчась за ним к земле, я сумел удержаться на дистанции огня и стрелял через короткие интервалы. Где было мое звено, я не знал; несомненно, пилоты вели бой в другом месте. Теперь мы шли очень низко и, перепрыгивая через деревья и здания, приближались к побережью, затем внезапно оказались над морем, всего в нескольких метрах над поверхностью воды. Я мчался в направлении Пантеллерии, имея небольшой запас топлива, но лихорадка преследования вновь овладела мной. Я был быстрее американца и продолжал приближаться к нему.

Если бы он повернул голову, то уперся бы взглядом прямо в капот моего двигателя. Я израсходовал весь боекомплект пушек, но все же не собирался вести огонь из пулеметов, потому что

было очень легко ошибиться в бою между истребителями. Американец мог развернуться и заставить меня вступить в маневренный бой. У меня не было для этого достаточно топлива, но он не знал об этом. Следовательно, пытался уйти, полагаясь на свой мощный двигатель. Внезапно, действуя инстинктивно, вне любого сознательного решения, я убрал газ и начал пологий разворот к земле. Я поставил гашетку стрельбы на предохранитель, нажал на кнопку слева в задней части прицела, чтобы погасить его светящееся перекрестие, и открыл заслонки радиатора.

Несколько минут спустя я увидел аэродром. В голове у меня не было никаких мыслей, и я поддерживал высоту и управлял почти автоматически. Мне пришлось выполнить два круга прежде, чем я обнаружил между бомбовыми воронками узкую посадочную полосу и решил садиться. Едва я коснулся земли, двигатель яростно закашлялся и заглох. Я вернулся на последних каплях бензина. Аэродром выглядел мертвым и покинутым, как будто эскадра уже оставила его. Внезапно я понял, что конец наступил.

* * *

Вторую половину дня я провел вместе с Кегелем, принимая меры для отхода остатков эскадры из Трапани. Наши активы были жалкими. Немногие запасы были теперь истощены, и со вчерашнего дня мы не имели никаких поставок горючего или боеприпасов. Все, чем мы еще обладали, надо было расходовать экономно, так чтобы у нас имелось достаточно пригодных самолетов, когда они должны будут вылететь в свое последнее путешествие на материк. Что касается сухопутного переезда в Мессину, перспективы были достаточно благоприятны, потому что шоссе вдоль северного побережья, вероятно, останется незанятым противником до самого конца.

На закате мы, как обычно, поехали на гору. Когда достигли места, где дорога поворачивала к деревне Эриче, я жестом велел Кегелю остановиться. Он с удивлением посмотрел на меня.

— Нам лучше посмотреть на Трапани, возможно, в последний раз. А затем мы поедем и проведем оставшееся время дня с командиром итальянской группы.

Он поехал по пыльной дороге, зигзагом уходящей вверх, и

остановился перед Порта Трапани.

В этом месте, у скалистой вершины, дорога делала широкий поворот. Стена массивных камней образовывала парапет, на котором в этот час собралось большое число людей, чтобы насладиться великолепным видом. Из бельэтажа этого роскошного амфитеатра зрители могли наблюдать за трагическими событиями, происходившими внизу. Они не были непосредственно вовлечены в них, потому что это маленькое орлиное гнездо не имело никакого стратегического значения, и находились здесь в относительной безопасности. Тем не менее, процесс, которому они являлись свидетелями, был историческим. Руины разбомбленного аэродрома символизировали не только конец немецкого присутствия, но и постепенное разрушение их родины. Ясно, что союзники старались ограничиваться атаками только военных целей и лишь в недавних налетах на Мессину отошли от этого принципа. Здесь, в Трапани, были единичные случаи, когда их бомбы опустошали деревни или кварталы города, примыкавшие к аэродрому, это происходило лишь в том случае, когда наши истребители или интенсивный огонь зенитной артиллерии сбивали их прицел.

Многие жители Трапани нашли убежище в маленьком горном селении. Теперь прохладным вечером они вышли из зданий вместе с детьми всех возрастов, чтобы подышать воздухом, и на узких дорожках царило оживление. Люди стояли группами, разговаривая и жестикулируя, но происходило это не так, как обычно. Они более или менее привыкли к войне в воздухе и быстро возвращались к своим обычным занятиям, несмотря на постоянную угрозу налетов. Однако теперь в их разговорах отражалась возраставшая напряженность, на их лицах ясно читалась тревога. Они ощущали, что назревают изменения, переход к новому положению вещей. И предстоящие дни, в которые это должно случиться, были полны угрозы. Судьба их зданий, деревень и фактически всего острова достигла переломного момента. Их город должен был стать полем битвы. Окажутся ли победители гуманны? Наступят ли, наконец, мир и покой? Слухи стремительно распространялись среди этих непостоянных людей, всегда готовых поверить в самое невероятное, если это было достаточно убедительно им представлено. Когда мы пошли вниз по дорожке, разговоры стихли. Одни смотрели на нас враждебно, другие поворачивались спиной, но главным образом на лицах читался бесстрастный фатализм.

Дом, в котором командир итальянской группы расположил свой штаб, находился на краю маленького парка с руинами горного замка. Воздух внутри был освежающе прохладен, поскольку толстые стены вестибюля не позволяли проникнуть жаре. Красочная плитка на полу и ценные гобелены создавали у каждого впечатление, словно он вошел во дворец. Через стеклянные двери в дальнем конце зала открывался великолепный вид на бухту, лежащую у подножия горы.

Полковник встретил нас в гостиной. Это был человек, обремененный огромным весом собственного тела. Когда он, спросил я сам себя, в последний раз держал руки на штурвале? Он сопел и тяжело дышал, выливая на нас поток комплиментов и бессмысленных знаков внимания. Не давая нам времени ответить, он в восточном стиле хлопнул руками и приказал официанту, появившемуся в дверном проеме, подать в столовую кофе. Затем подвел меня к окну и, раскинув руки, прокричал с энтузиазмом:

— Разве не великолепный вид?!

В этом я мог с ним согласиться. Когда мы сели за низкий стол, я почувствовал некоторую симпатию к этому человеку. Он время от времени умоляюще смотрел на меня, как будто надеясь, что положение вещей изменится к лучшему в результате моего посещения. Он сообщил мне, что недавно разговаривал со штабом своего армейского корпуса в Корлеоне — лично с генералом, которому рассказал о храбрости летчиков-истребителей перед лицом превосходящих сил врага. Но он также пожаловался, что им и его группой пренебрегали, поскольку никто не сообщал ему о ситуации и не предупреждал о подходе противника. Его телефон — тут он показал на древний итальянский полевой телефон в деревянной коробке, стоящей на покрытом картой столе, — был единственной связью с его армейским корпусом и вышестоящим командованием. Радиостанция, предназначенная для поддержания контакта с командованием его военно-воздушных сил, была старой и фактически бесполезной. Требовался целый день, чтобы подтвердить радиограмму, так что его информация всегда была устаревшей на сутки. Майор Висконти, продолжил он, «превосходный человек, действительно превосходный человек», убедил его попросить нас о помощи. Висконти был в отчаянии, бесконечно наблюдая, как немецкие истребители вовремя взлетают или покидают их аэродромы перед появлением бомбардировщиков.

Какие средства мы использовали, хотел знать полковник, чтобы обнаружить приближение врага? Он говорил так, словно предполагал, будто мы владеем сверхъестественными тайнами. Затем он спросил, готовы ли мы включить группу в Чинисии в нашу систему связи.

После этого он принялся неистово дуть в трубку телефона, чтобы продемонстрировать нам, как связывается с командованием. Ему не повезло, поскольку связи действительно не было; очевидно, линия была снова перерезана. После нескольких минут бесплодных усилий он отчаянно поднял глаза к небесам и покорно положил трубку.

Я обещал ему свою немедленную помощь и предложил связать командный пункт Висконти с моим для того, чтобы его группа могла получать своевременные сообщения не только от нашего отделения радиоперехвата на горе Эриче, но также и от пеленгаторов около Марсалы.

Конечно, этой договоренности следовало достигнуть неделями раньше, но мы были слишком заняты восстановлением эскадры после поражения в Тунисе, чтобы принимать во внимание проблемы наших итальянских союзников. В свою очередь, итальянцы, возможно, были слишком гордыми, чтобы попросить о помощи. Мне пришло в голову, что они, так или иначе, все еще жили реалиями Первой мировой войны. Встреча с полковником подтверждала мое впечатление о том, что итальянские командиры не сумели полностью понять технические аспекты этой войны, потому что были слишком старыми и больше неспособными действовать ни умственно, ни физически.

Я попробовал втолковать полковнику, что, хотя мы предпримем меры, чтобы все было сделано, это принесет мало пользы, так как враг уже на острове и наши аэродромы фактически уничтожены, следовательно, мало или вообще нет проку от планирования общих действий в воздухе. В этом месте разговора я был готов сообщить ему, что мы готовились покинуть остров и что двое из нас, гауптман и я сам, всю вторую половину дня провели в подготовке к эвакуации наиболее важной части моей эскадры — ее людей. Однако что-то помешало мне сказать ему правду. Он все еще имел связь со штабом своего армейского корпуса — и в этом отношении был в более выгодном положении, чем я, — кто-то мог бы сообщить ему, может ли он оставить свой

пост, или же уведомить его, что он должен сдаться американцам.

Однако казалось, что он мало склонен к реалистическим прогнозам на ближайшее будущее. Он быстро переключился на другие вопросы и принялся оживленно их обсуждать, внезапно становясь задумчивым или почти веселым, — перемены настроения, которые, ввиду ситуации, казались мне почти странными. Вскоре после этого мы покинули полковника, который снова горячо выражал свою благодарность.

В наступающих сумерках мы шли по дороге к форту, разговаривая о нашем угнетающем впечатлении и о бедном старом Висконти.

— Думаю, полковник теперь немного успокоится, — сказал я. — Он показался весьма расстроенным, и ему было нелегко попросить покровительства у нас, немцев. Но нам не стоит кичиться своим превосходством. Мы теперь уже не такие изумительные. Лучше помочь Висконти, пока не поздно.

Над башней замка поднимались высокие антенны. Наше отделение радиоперехвата установило свою аппаратуру в палатках около башни и прослушивало вражеские радиосообщения, передаваемые голосом и азбукой Морзе. Находясь в прямом контакте с этими специалистами и их оценками, моя эскадра вовремя получала информацию по вопросам, которые в наибольшей степени интересовали нас. Фельдфебель Хенрих, который командовал отделением радиоперехвата, родился в Канаде, и английский язык был языком его матери. Нас с ним тесно связывали узы взаимного доверия.

— Как там с нашими друзьями? — спросил я.

— Такая интенсивность работы средств связи, господин майор, что едва хватает времени, чтобы справиться с ней. И напряжение все время растет. Кажется, что все больше и больше подразделений устремляются в наш район. Только послушайте этот шум! Англичане, американцы, канадцы — истребители-бомбардировщики с Пантеллерии, «Спитфайры» с Мальты! Они все в эфире.

— «Эйбл-три», это «Бейкер-один»[111]… — слышалось громко и ясно. В качестве фона я мог слышать другого англичанина,

спокойно проверяющего свою аппаратуру. — Один, два, три, четыре, как слышите меня?

— Снова наши старые друзья «мародеры», господин майор, — сказал он. — Помните группу, которая была так невнимательна в Ла-Факоннери[112].

Это был случай, о котором я предпочитал не вспоминать. В то время, только что приняв эскадру, я старался заработать уважение летчиков настолько быстро, насколько это возможно. Упомянутый случай я расценивал как препятствие на этом пути.

Мы только что вернулись из вылета — моего второго в Африке, — и я был далек от удовлетворения действиями всех, включая себя самого, и от того, как все происходило. Способы действий в воздухе пилотов моей новой эскадры отличались от тех, к которым я привык в России. Они ни в коей мере не были робкими или трусливыми, но они не сумели быстро среагировать, когда я, поняв, что мы находимся в выгодной позиции, попытался воспользоваться этим преимуществом. Сначала они подозрительно осматривали воздух во всех направлениях, по опыту зная, что «Спитфайры» обычно появляются оттуда, откуда их меньше всего ждут. Я сорвал атаку, потерял управление эскадрой и был абсолютно не в духе, когда вернулся на аэродром.

Когда я поднимался в штабной автомобиль, стоящий на краю посадочной площадки, дежурный офицер доложил мне, что Хенрих хочет поговорить со мной. Фельдфебель сообщил, что «мародеры», как обычно, вылетели из Тебессы и собираются бомбить Ла-Факоннери, — такой вывод он сделал из их радиопереговоров. Без дальнейших церемоний я сел в «кюбельваген», сказав: «Я не собираюсь оставаться здесь и играть в героя. Перебираюсь в оливковую рощу». И с этим отбыл.

На тенистой плантации пальм и оливковых деревьев были установлены палатки штаба эскадры. Там также стоял фургон, унаследованный мною от моего предшественника, в котором Штраден, Бахманн и я имели обыкновение спать. В роще также имелось большое пианино, стоявшее прямо на песке, при помощи которого лейтенант Меркель обычно каждый вечер развлекал нас.

Плантация находилась в 2 километрах от аэродрома или немного дальше, и я не спешил. Гул приближающихся авиационных двигателей заставил меня остановиться невдалеке

от фургона. В тот же самый момент я услышал свист падающих бомб и едва успел прыгнуть в ирригационную канаву, достаточно глубокую, чтобы защитить меня. В этой позиции я наслаждался сомнительным удовольствием «игры в героя» под ливнем маленьких фугасных бомб.

Когда, наконец, я смог подняться, увидел «кюбель» там, где оставил его. Шины были пробиты, но двигатель еще работал. Однако наши палатки представляли жалкое зрелище. Осколки пробили брезент, раскладушки и багаж, вода хлестала из пробитых канистр. Фургон чудом остался невредимым, но карьера пианино в качестве музыкального инструмента закончилась, его струны представляли клубок скрученной проволоки.

Когда я вернулся в штабной автомобиль около аэродрома, меня встретили усмешками и явным весельем.

— Нет ничего смешного! — воскликнул я. — Только что вас пытались разбомбить, а вы плашмя падаете лицом в мелкую канаву, которая едва прикрывает вашу задницу!

— Сразу после того, как вы поехали к роще, господин майор, Хенрих позвонил снова. Мы записали то, что он перехватил.

Дежурный офицер вручил мне клочок бумаги, на котором я прочитал: «Это ведущий, это ведущий. Наша цель — маленькая роща севернее аэродрома, где, вероятно, размещен штаб».

* * *

Пока мы ехали вниз по склону горы по узкой, из белого гравия дороге, начало темнеть. Это было время обманчивого спокойствия, когда дневные налеты завершились, а ночные еще не начались. На войне или без войны, это было лучшее время дня на Сицилии, хотя картина на восходе солнца иногда бывала еще более прекрасной.

Бахманн стоял на пороге командного пункта. Он доложил мне, что Гёдерт и Кёлер уже приземлились и прибудут через несколько минут.

Эскадра потеряла в этот день четырех пилотов, включая лейтенанта, который разбился во время нашей атаки вражеской

колонны около Джелы. 3-я группа, как было приказано, улетела на Сардинию.

На «кюбельвагене» приехали Гёдерт и его командир эскадрильи Кёлер. Они зажмурили глаза, когда вошли в ярко освещенный барак, где немедленно начали диктовать свое боевое донесение.

В то время как Кегель, Тарнов и я обсуждали последние детали отхода, к Гёдерту и Кёлеру присоединился Бахманн с пузатой бутылкой темной, крепкой марсалы. Через некоторое время он повернулся ко мне и спросил:

— Хотите вина, господин майор?

Я кивнул, взял предложенную бутылку и сделал большой глоток. Именно этот незначительный жест ослабил напряженность, от которой мы все страдали и которую могли стряхнуть лишь на короткое время.

— Предобеденный аперитив, — пошутил Гёдерт, наблюдая, как я пью.

Бахманн безрадостно усмехнулся.

— Мне кажется, это будет наш последний обед в этом частном отеле! — произнес он и, поскольку его внезапно осенила идея, продолжал: — Почему бы не устроить праздничный обед на вилле вместо сидения в том мрачном старом гроте?

— А как «Веллингтоны»? — спросил Кёлер.

— К черту их. Дом все еще стоит. Почему он должен быть поражен именно сегодня? — Повернувшись ко мне, Бахманн сказал: — Почему бы нам не пригласить этих двух пленных, господин майор? Принимая во внимание, что им повезло остаться в живых, они могли бы также отпраздновать это.

— Очень хорошо, — согласился я. — Спросите их. Это даже забавно. Так или иначе, но я чувствую, что скоро мы поменяемся с ними местами. Это даст Толстяку шанс показать, на что он способен. В любом случае ему не придется тащить с собой весь свой запас лакомств. На этот раз мы устроим вечеринку.

Бахманн с энтузиазмом дул в телефон, чтобы принять меры к организации праздничного обеда. Несмотря на все ужасы, которые эти люди испытывали на войне, их души были так по-юношески кипучи, что эмоции не могли не прорываться наружу.

Я спросил о пленных.

— Мы не знаем, кто они, англичане или канадцы. Сейчас их допрашивают через переводчика. Но оба молчат.

Час спустя войдя в свою комнату на вилле, я увидел Толстяка, который приготовил для меня миску с водой.

— Подача снова прекратилась, — сказал он.

Было бы удивительно, если бы в течение всех прошедших недель бомбежек сохранялись подача электричества и водоснабжение.

Пройдя в гостиную, я нашел, что Толстяк действительно совершил чудо. Между балконом и стеной с овальным зеркалом он установил длинный стол. Он был покрыт белой скатертью (из простыни, конечно), и на нем были парадно расставлены тарелки, столовые приборы и рюмки. Были два подсвечника с тонкими свечами, чей свет отражался в овальном зеркале, центр стола украшал букет бугенвиллеи[113] в вазе.

Когда я вошел, все сидящие встали, начиная таким образом наш «обед» в по-настоящему церемониальном стиле. Вокруг стола расположились Гёдерт, Кёлер, доктор Шперрлинг, Кестер, Кегель и Цан.

В тот же самый момент открылась другая дверь, и Бахманн, говоривший на школьном английском языке, вежливо ввел этих двух пленных.

Немцы и британцы стояли, глядя друг на друга. Возможно, они подумали — конечно, весьма ошибочно, — что мы встали, чтобы оказать им честь.

Канадец был худым, почти долговязым, но хорошо сложенным, с открытым приятным лицом. Его форма флайт-лейтенанта[114], состоящая из выцветших брюк цвета хаки и рубашки с закатанными рукавами, была достаточно чистой. В

отличие от него английский сержант был маленьким толстяком с веснушчатым лицом и коротко подстриженными рыжими волосами. Его форменные шорты выглядели слишком мешковатыми на наш вкус, а еще он носил гетры до колена. Мы посадили их рядом друг с другом, но каждый из них вел себя так, словно другого не существовало. Мы не могли понять, было ли причиной этого различие в их званиях или же то, что один был канадец, а другой — англичанин, но оба подозрительно смотрели на нас. Одним Небесам известно, какие истории им рассказывали о нас, гуннах; теперь они, возможно, к своему удивлению, обнаружили, что враг сделан точно из такого же материала, что и любой другой человек.

Меню, придуманное Толстяком, было грандиозным. Его преимущество состояло не столько в кулинарных изысках, сколько в разнообразии. Оно включало две большие тарелки с яичницей-болтуньей, смешанной с итальянским консервированным мясом, прозванным у нас Старик (Alter Mann), поскольку на его банках были отпечатаны буквы «АМ» (Administazione Militare). Помимо этого, были блюда и тарелки с тунцом, консервированными сардинами и анчоусами, ливерной колбасой, консервированной ветчиной, итальянскими сервелатом и помидорами.

Несмотря на усталость, мы наслаждались нашей пищей и, пока ели, говорили немного. Пленные отвечали на наши вопросы вежливо, но лаконично и замыкались в себе в тот же момент, когда затрагивалась любая военная тема. Они также наслаждались этим неожиданным банкетом.

В ту ночь было выпито немало. Едва у кого-нибудь пустела рюмка, как Толстяк сразу же наполнял ее снова.

— Пейте сейчас, иначе придется выливать это, когда будем уезжать, — говорил он, подкрепляя слова действием.

Неожиданно Бахманн заметил:

— Мы потеряли «шторьх», господин майор.

Я задался вопросом, как долго он размышлял перед тем, как набраться мужества, чтобы сообщить мне плохие новости.

— Его вывел из строя фельдфебель Шульц. Он исполнял свои

служебные обязанности на командном пункте, когда внезапно увидел два плывущих вниз парашюта. «Шторьх» стоял на малой взлетно-посадочной полосе, и он взлетел, чтобы собрать пленных. Один из них, флайт-лейтенант, опустился на склоне Эриче. Шульц подумал, что нашел подходящее поле, но оно оказалось слишком крутым. Он потерял горизонт, вышел на критический угол атаки и потерпел аварию.

Что я должен был сказать? Можно было бы воскликнуть: «Дилетант!», или «Кролик!», или «Некоторые никогда не научатся…». Но теперь это действительно, казалось, не имело значения. Было так много потерь; одним «шторьхом» больше, одним меньше… Но Бахманн не разделял этого мнения.

— Мы, несомненно, могли успешно использовать его, — сказал он.

— Но почему никто не собирается отдать нам приказ на отход?

— Тогда нам не будет нужен «шторьх».

— И нас также не отправят в пехоту на Восточный фронт.

Это было первое резкое замечание, сделанное с момента прибытия пресловутой телеграммы. Каждый знал о ее содержании, хотя никто не зачитывал ее официально.

Однако никто не отреагировал на эту реплику. Помимо факта, что не было никакого смысла выплескивать наш гнев снова, присутствие пленных делало такой разговор невозможным. Они вели себя очень корректно и, скрывая смущение, много ели, потому что были очень голодны.

Когда, наконец, все наелись, Толстяк начал убирать со стола, в то время как мы продолжали выпивать и курить. Все мы были измотаны после дня бесполезных боев, когда, не добившись фактически ничего, потеряли четырех пилотов. Каждый в душе ждал приказа, который позволит нам отойти, если не будет слишком поздно, и предопределит нашу участь.

Я не помню, как в качестве объекта обсуждения неожиданно возник Сталинград. Возможно, потому, что кто-то сказал: «Сицилия — это Сталинград на юге» или что-то подобное. Во

всяком случае, я начал рассказывать о Сталинграде. Разговор утих, и все, включая двух пленных, стали внимательно слушать, хотя было неясно, могли ли последние понимать меня.

— Пока было можно садиться, — рассказывал я им, — и позволял радиус действий наших «мессершмиттов», я продолжал курсировать туда-сюда между нашими передовыми аэродромами и котлом на Волге. Идти на посадку на мелкие клочки в степи всегда было большим испытанием, эти импровизированные взлетно-посадочные полосы нередко находились под огнем русских пушек и многозарядных ракетных установок — «органов Сталина»[115]. Одним из наших кошмаров была перспектива остаться без самолета, который будет подстрелен врагом и сгорит. Пехотинцы привыкли к своей приземленной роли: они были соединены во взводы и роты; они научились, как вести такие бои, и наземная война была их стихией. Однако мы, пилоты, были беспомощны, когда были лишены наших самолетов и оставались беззащитными на земле. Наша боевая ценность была незначительной; мы были неспособны правильно оценивать опасность; мы почтительно кланялись каждому пролетавшему снаряду, — короче говоря, мы все делали неправильно. Поэтому всякий раз, когда это было возможно, я избегал посещать небольшие посадочные площадки, находившиеся в пределах досягаемости русской артиллерии.

Во время полетов к Сталинграду мы привыкли держаться низко над дорогой — или, вернее, над колеей через степь, по которой продвигались наши войска, и пехотинцы всякий раз, когда видели нас, были вне себя от радости и неистово нам махали. Тогда было лето, и передовые танки вздымали в воздух большие облака пыли.

Позже мы начали поддерживать сражение за город, сопровождая «Штуки» и бомбардировщики «Не-111».

Никогда до этого мы так хорошо не охотились, как тогда, поскольку русские бросили все истребители, которыми обладали, чтобы защитить свои войска от наводивших страх «Штук». Мы отмечали победу за победой на наших килях и были чрезвычайно довольны собой.

Вскоре характер наших действий изменился. Вместо бомбардировщиков и «Штук» мы теперь сопровождали транспортные самолеты, которым приходилось преодолевать

большое расстояние над вражеской территорией, чтобы достигнуть точки назначения. Окруженная армия организовала в котле аэродромы для приема снаряжения. На Восточном фронте не было ничего необычного в том, что большое соединение окружено врагом, и никто не казался чрезмерно обеспокоенным этим. К таковым относились и мы, хотя, однако, могли видеть развитие ситуации в целом, ежедневно вычисляя по нашим картам число километров, которые необходимо пролететь. Тревожным аспектом было постоянно увеличивающееся расстояние между нашей линией фронта и Сталинградским котлом. Мы тратили все больше и больше времени, сопровождая старые транспортные «юнкерсы», — работа, которая действовала на нас угнетающе. Потери «юнкерсов» были еще тяжелее, чем здесь, на Средиземноморье, перед тем как мы капитулировали в Тунисе. Тяжело груженные «юнкерсы» не могли подниматься выше 3000 метров — идеальная высота для зенитных пушек среднего калибра, которых русские имели целые бригады. Любое отклонение от курса не допускалось прежде всего коротким радиусом действия наших истребителей, а также постоянно расширяющимся промежутком между точками взлета «юнкерсов» и взлетно-посадочной полосой Питомник к западу от Сталинграда. Следовательно, в течение всего времени полета над вражеской территорией они должны были идти вдоль настоящей аллеи из зенитного огня. Мы, конечно, были способны отсечь русские истребители, но ничего не могли сделать, чтобы защитить наших подопечных от огня с земли.

Когда начал падать первый снег, мы перебазировались в степи Калмыкии, чтобы участвовать в попытке прорыва к Сталинграду. Теперь до Питомника было очень далеко, и мы не могли больше сопровождать «юнкерсы», «хейнкели» и «дорнье», которым под прикрытием ночи приходилось летать собственными окольными путями. Каждый раз, пролетая над пересохшими оврагами около Сталинграда, я мог видеть серые шинели немецких солдат, тысячами скапливавшихся в тех гиблых местах.

Многие из моего окружения видели приближавшуюся катастрофу, особенно когда наступила зима и армия осталась без защиты перед ледяными снежными бурями. Было легко увидеть, что запасы амуниции и снаряжения тают, но как они могли противоречить заявлению рейхсмаршала: «Люфтваффе, мой фюрер, возьмет ответственность за снабжение 6-й армии в Сталинграде»?

Пилот мог наблюдать за развитием сражения в каждой его стадии, словно в ящике с песком для учебных занятий. Каждое утро, когда выполнял первый вылет над территорией, он видел изменения, которые произошли на фронте, и мог оценить, что наземные войска могли или не могли сделать, какие у них перспективы для атаки или обороны. За годы опыта на различных фронтах он приобретал натренированный глаз. Мы знали больше людей на земле об огромных расстояниях, на которых мы действовали, возможно, потому, что представляли реальные их размеры, которые нам ежедневно приходилось вычислять. Однажды мы поняли, что нас поглощает безграничное пространство этой степи. Мы прибывали в какую-то точку пространства, в место без названия, куда наш «юнкерс» доставил наших механиков и откуда снова взлетал, чтобы вернуться с бочками топлива. И это место становилось передовой взлетно-посадочной площадкой и приобретало имя: Гигант, например, или Гумрак, или что-то совершенно непроизносимое.

К этому времени «юнкерсы» уже не могли садиться в котле, так что продовольствие сбрасывалось с воздуха. Когда мешки содержали сухари в белых картонных коробках, они фактически ничего не весили, а однажды были даже доставлены рождественские кондитерские изделия — это были подарки из дома.

Незадолго до Рождества мощный клин, состоящий из пехоты и бронетанковой техники, начал продвигаться по обеим сторонам железной дороги, пересекающей калмыцкие степи через Котельниково и Зимовники, пытаясь достичь окруженной армии. Мы оптимистически оценивали происходящее и находились в воздухе с рассвета до наступления темноты. Я редко участвовал в боях, которые так бы эмоционально переживал. Мы были на постоянной радиосвязи с 6-й армией и слушали сообщения, которые она передавала, чтобы содействовать операции по деблокированию. Они часто оказывали большую помощь, поскольку русские военно-воздушные силы сконцентрировали все свои усилия в этом жизненно важном месте и всякий раз, когда могли, выполняли штурмовые атаки или сбрасывали бомбы, причиняя тяжелые потери.

Типичное сообщение было таково: «Говорит отделение связи на элеваторе — стая истребителей и бомбардировщиков над Питомником». А вечером мы могли услышать: «До завтрашнего утра. Пожалуйста, возвращайтесь снова».

16 декабря Красная армия прорвала итальянские и румынские позиции на Дону. 6-я танковая дивизия — авангард деблокировочных сил — остановилась. Атаки на земле были прекращены, и операция «Зимний шторм», с которой мы связывали такие большие надежды, ничего не принесла. Вечером того же дня, летя в северном направлении вдоль железнодорожной линии, я заметил длинную колонну танков, окрашенных в белый цвет, на которых сидели солдаты в белых меховых куртках. Я опустился пониже, чтобы идентифицировать их, и неожиданно был встречен мощным градом пулеметного огня. К своему ужасу я понял, что это русские танки и что они на высокой скорости двигались на юг, в направлении нашего аэродрома в степи.

Я дважды атаковал их, израсходовав весь боекомплект, и запросил по радио помощь. Мы сделали все, что смогли, но, я полагаю, едва ли произвели впечатление на те танки «Т-34».

Пока атаковали их, мы могли слышать в наших наушниках голос связиста на элеваторе, который с короткими промежутками и почти шепотом повторял: «Говорит элеватор Сталинграда. Вы слышите меня? Пожалуйста, ответьте». Но никто не отвечал ему. Той же самой ночью мы поспешно перелетели на передовую взлетно-посадочную площадку, расположенную южнее.

* * *

В течение всего обеда маленький англичанин чопорно сидел на стуле. Он не пил ничего спиртного. Время от времени, пытаясь рассеять неловкость, кто-то задавал ему вопрос на ломаном английском, на который он вежливо отвечал: «Да, сэр» или: «Нет, сэр». Его канадский компаньон сначала ограничивался редкими глотками, говоря всякий раз «cheer», когда кто-нибудь поднимал свою рюмку в его сторону. Но позже начал пить всерьез, в то время как Толстяк, не моргнув глазом, продолжал пополнять его рюмку. Перед ним поставили маленький стакан с бренди, и он проглотил его залпом, когда я поднял свою рюмку, чтобы выпить за его здоровье.

Гёдерт шаткой рукой потянулся за бутылкой красного вина, но Кёлер убрал ее за пределы его досягаемости.

— Вы пьете больше, чем можете. Лучше попросили бы у

Толстяка крепкий кофе.

— Я трезв, как холодный камень, — печально пробормотал Гёдерт, опрокинув правым локтем рюмку, оставившую на столе большую лужу красного вина, которая постепенно начала впитываться в скатерть.

— Бахманн, пленным лучше пойти обратно, — сказал я и попрощался с ними кивком, на который они ответили улыбкой.

— Пойдемте, парни, — произнес Бахманн, ведя этих двоих к двери, где они на мгновение остановились, чтобы пожелать нам спокойной ночи.

Комната была заполнена дымом сигарет. Мы сидели на плетеных диванах и стульях, в рубашках, расстегнутых на груди и с закатанными рукавами, вытирая тыльной стороной ладони пот с наших лиц. Время от времени булькала бутылка, наполняя наши рюмки. Через закрытые ставни слышались гул двигателей «Веллингтонов» и с нерегулярными промежутками глухие разрывы.

Никто не обращал внимания на неприцельную бомбежку. Вероятность того, что бомба попала бы в виллу, была столь ничтожна, что казалась абсурдной. Мы стали необычно безразличными ко всему, слабо интересуясь, например, тем, что происходило на родине. Здесь события следовали друг за другом настолько быстро, что ни у кого не было времени думать о них, и один день мог показаться длиной в год. Кто мог сметь думать о завтрашнем дне и строить планы на будущее? Мы привыкли к пустому ритму войны и жили только до следующего вылета, до вечерних вылетов или, самое большее, до следующего утра. Что мог принести следующий день, было для нас совершенно безразлично, время между настоящим и будущим казалось нам вечностью.

Мы все настолько привыкли к Фрейтагу и его манере верховодить, что его отсутствие наводило на нас уныние. Мы не удивились, если бы он все еще был жив, сумел ли он сохранить свободу после приземления на парашюте или попал прямо в руки американцев? Мы бесконечно строили предположения относительно этого, но я чувствовал, что надежды мало. Во время подобных вечеров Бахманн и Штраден были неразлучны. У них неизменно находилось много чего сказать друг другу в ходе своих

бесед шепотом, и тем самым они мало способствовали общему разговору. Был Фрейтаг, который задавал тон. Теперь Штраден также покинул нас — был ранен и эвакуирован. Бахманн отошел в угол и молча сидел там, потупив взор. Выглядело это так, словно он пытался создать расстояние между собой и нами, хотел остаться один, по крайней мере этим вечером. Беседу фактически монополизировал Кёлер. Его тон был саркастическим и резким, и Гёдерт, сидящий около него, акцентировал дикие замечания своего компаньона выразительными кивками. Он выглядел больным, и его веки покраснели от спиртного или, возможно, от усталости. Периодически Кёлер разражался истерическим смехом.

— Мы презираемы, парни! Вы не надрываетесь от хохота? Презираемы всеми другими истребителями. Гёдерт презираем, — вы слышите это, Гёдерт? Они презирают вас. И Фрейтага также, если он все еще жив. Если он мертв, конечно, он герой, презираемый герой. Единственный хороший летчик-истребитель — это мертвый летчик-истребитель…

Внезапно взорвался Бахманн.

— Заткнитесь! — огрызнулся он. — И не ведите больше подобных разговоров. Разжалование и направление на Восточный фронт в качестве обычного пехотного подразделения — лучшее, что мы можем ожидать, — если, конечно, они оставят нас вместе.

— Вы не знаете главного, — резко ответил Кёлер. — Вы не знаете, что они делают с трусами. Отправят в дисциплинарный батальон вместе с другими вашими добрыми малыми — наскоро обвиненными людьми, дезертирами, пораженцами. Они также посылают туда настоящих преступников, чтобы хоть как-то использовать их. И сектора, в которые они пихают вас, всегда действительно смертельные. Фактически единственное различие в том, что вместо того, чтобы отдыхать на своей заднице в кресле пилота, вы лежите в навозе со своим короткоствольным ружьем…

Настало время положить конец этому разговору. Преднамеренно громким и официальным тоном я спросил:

— Гауптман Кегель, какие у нас на завтра приказы?

Кегель, сразу все поняв, поднялся и бодро ответил:

— Мы потратили часы, чтобы установить радио — и телефонную связь с инспектором истребительной авиации или штабом воздушного флота. Но пока без успеха, господин майор. Несомненно, мы должны будем завтра на рассвете вылететь на разведку, вероятно, к мысу Бон, Пантеллерии, Мальте и к плацдармам десанта…

Он продолжал обсуждать в деталях то, что мы могли бы и должны были сделать на следующий день, когда я показал жестом, чтобы он остановился. Я встал и пошел к двери, ведущей в мою комнату. Закрывая за собой дверь, я увидел, что Бахманн и Гёдерт заснули.

Моральный дух гражданского населения был очень низким из-за союзнических бомбардировок с воздуха и недостаточного снабжения продовольствием — карточная система развалилась, и широкое распространение получили черные рынки. Народ хотел лишь окончания войны.

Альберт Гарланд. Сицилия и капитуляция Италии. Средиземноморский театр военных действий. Армия Соединенных Штатов во Второй мировой войне

Телеграмма от инспектора истребительной авиации командиру 77-й истребительной эскадры: «Западная часть Сицилии будет эвакуирована. Все пригодные для полетов самолеты 77-й истребительной эскадры должны немедленно перелететь на материк. Наземный персонал должен быть без задержки отправлен по северному побережью в Милаццо. Приказ фюрера о том, что ни один солдат не может покинуть остров, все еще в силе».

Журнал боевых действий 77-й истребительной эскадры люфтваффе

13 июля 1943 г.

Меня разбудило движение в соседней комнате. Толстяк накрывал стол к завтраку. Яркий свет просачивался через перекладины ставней. Было 5 часов утра.

Я взял телефонную трубку и повернул ручку.

— Соедините меня с командным пунктом, пожалуйста.

— Командный пункт слушает, гауптман Кегель.

— Есть что-нибудь новое для доклада? Сколько самолетов мы можем поднять в воздух?

— У нас по-прежнему нет никаких приказов от флота или от инспектора истребителей. Радиосвязь было невозможно установить, и мы не имели телефонной связи более чем на несколько минут подряд. Мы все еще не знаем, сколько пригодных для полетов самолетов у нас есть.

Наши немногие уцелевшие самолеты были рассеяны по аэродромам Трапани, Шакка и двум передовым взлетно-посадочным площадкам. Перспективы были мрачными, так как мы больше не имели запчастей. Мы не могли поднимать против врага самолеты, если их рации были неисправны, тормоза бесполезны или вооружение плохо синхронизировано. Таковы были технические законы воздушной войны, которые управляли нами. Согласно донесению службы радиоперехвата, соединения бомбардировщиков уже приближались к Мессинскому проливу.

— Я прибуду на командный пункт в течение получаса.

— Очень хорошо, господин майор.

Сквозь распахнутые французские окна, ведущие на балкон, утреннее солнце бросало яркий прямоугольник света на стол и противоположную стену с большим зеркалом. Толстяк накрыл на стол скромно. На голом дереве стояли толстые фарфоровые кружки армейского образца и пустые тарелки, около каждой — нож. Очевидно, все остальное он уже упаковал для отхода, хотя понятия не имел, как собирается транспортировать все это. Листья бугенвиллеи в вазе увяли. Увидев их, я вспомнил наш

«обед» предыдущей ночью.

Когда я вошел, Бахманн поднялся. Он был одет в свежевыстиранную тропическую форму, позади его стула стоял пилотский вещевой мешок из синей парусины, снабженной парой ремней, чтобы его можно было нести за спиной.

Толстяк налил кофе и остался около стола, чтобы слушать, о чем мы говорим, боясь, что мы можем оставить его здесь одного или даже забыть. Когда я вяло потягивал кофе, мои глаза наткнулись на «Adler im Siiden» — газету воздушного флота, которую Бахманн привез из Джербини.

Это был номер от 10 июля. Его первая полоса, мятая и запятнанная кофе, пестрела заголовками о «героических оборонительных боях» и решимости «сбросить врага обратно в море».

Как отвратительно, подумал я, что они должны распространять броские фразы, подобные этим, когда каждый знал, что ни одна из них не была правдой.

Мы добрались до командного пункта, не встретив по дороге ни одной души. Словно зная, что их страдания почти закончились и что мы должны будем отступить, сицилийцы отсиживались за закрытыми дверями. Как следствие, в сельской местности, через которую мы ехали, царил абсолютный мир, единственным диссонансом были грохот нашего «кюбельвагена» и шум его двигателя.

К этому времени пилоты вернулись из разведывательных полетов. Они сообщили об интенсивном движении между Тунисом и Пантеллерией — возможно, кораблей снабжения. Когда они пролетели над островом, взлетели истребители. Аэродром был заполнен одномоторными машинами — «Тандерболтами». Противник чувствовал себя настолько в безопасности, что даже не использовал каменные капониры, построенные до этого итальянцами.

1-я группа провела разведку моря в направлении Мальты. Согласно ее докладу, крейсеры и эсминцы патрулировали в районе высадки. Около Джелы маленькие суда деловито курсировали между большими кораблями, часть из которых стояла на якорях большой дугой вокруг плацдарма высадки, в то

время как другие двигались туда-сюда.

В тот момент, когда я в сотый раз добивался информации о числе «Ме», которые мы могли поднять в воздух, из барака вышел Бахманн с журналом телеграмм в руке.

— Это только что получено из Корлеоне, господин майор, — сказал он и громким голосом — достаточно громким для того, чтобы фактически каждый мог его слышать, — начал читать: — «Западная часть Сицилии будет эвакуирована. Все пригодные для полетов самолеты 77-й истребительной эскадры должны немедленно перелететь на материк. Наземный персонал должен быть без задержки отправлен по северному побережью в Милаццо. Приказ фюрера о том, что ни один солдат не может покинуть остров, все еще в силе. Инспектор истребительной авиации, Сицилия».

Итак, все решено. Возможно, это был результат скромной, невидимой работы Лютцова. Фактически это означало, что Верховное командование допускало, что сражение проиграно. Достаточно странно, но эффект от этого не был деморализующим. Напротив, казалось, что будущее снова имеет некоторую перспективу — нового начала, возможно, даже победы. Такое воздействие оказывал на солдат четкий приказ.

— Который час?

— Восемь тридцать.

— Кегель, передайте приказ 1-й группе в Шакку; они должны живее двигаться, если собираются добраться до Милаццо вовремя. И вам лучше начать уничтожение нашего снаряжения.

Словно предлагая закрыть эту конкретную главу, с севера над горой Эриче появились «мародеры». Хенрих доложил, что перехватил их радиопереговоры, и, пока он говорил, в действие вступила зенитная артиллерия.

Прицеливание бомбардировщиков было плохим. Весь их груз ушел на то, чтобы перепахать оливковую рощу в конце аэродрома и сорвать крыши с одного или двух деревенских домов. Когда зенитки прекратили стрелять, люди снова продолжили свою работу, как будто ничего не случилось.

Интересно, как далеко продвинулись американцы? Телеграмма инспектора истребительной авиации добралась до нас через несколько ретрансляционных станций, поскольку у нас уже отсутствовала прямая связь с восточной частью острова. Мы должны были спешить, чтобы наш транспорт не отрезали. Если американцы продвинулись бы далеко на север к прибрежному шоссе, то для эскадры это означало бы конец.

Я задался вопросом, что делать дальше, и не придумал решительно ничего лучшего, кроме как расслабиться в шезлонге под тентом около барака и ждать, когда будет закончена работа по разрушению — все сожжено, взорвано или разбито вдребезги. Было абсолютно бессмысленно предпринимать попытки любых новых вылетов.

Я стану наблюдать, как они один за другим взлетят, чтобы приземлиться на материке, затем я буду свободен, освобожден от ответственности. В течение нескольких дней у меня не будет связи, я не буду участвовать в боях, окажусь вне службы и текущих дел.

Бомбардировщики еще раз бесполезно растратили свой груз на уже покрытый шрамами пейзаж, донося до домов сицилийцев тот факт, что наш последний час наступил. Высокие, с продолговатыми лицами, самоуверенные немцы, которые вели себя так, словно владели всем островом с его смешанными расами, с его колоритными, подвижными жителями ростом с пигмея, по сравнению с ними, — эти немцы теперь были вынуждены отступить.

Хруст гравия под колесами прервал мои размышления. На узкой грунтовой взлетной полосе выстроились автомобили для перевозки личного состава и грузовики, под руководством Кегеля техники собирали и загружали радиооборудование и самое необходимое оборудование командного пункта. Мотки электрических и телефонных проводов громоздились около входа в туннель, ведущего к недостроенной пещере в утесе, которая должна была стать нашим непробиваемым для бомб убежищем. Дни, в течение которых пневматические молотки сверлили и долбили ее, прошли впустую. Каждый раз во время бомбежки мы спешили через насыпи желтого скального щебня под прохладную защиту туннеля и каждый раз находили там все тех же рабочих в пыльной, темной одежде, жавшихся в углу и прятавшихся, как и мы, от бомбежки.

Они принимали предложенную сигарету, благодарили с легким поклоном, пряча ее под залитую потом кепку. Последнее время они прекращали разговор, когда мы входили, но ни у одного в глазах не было торжества по случаю нашего поражения. Скорее это походило на знание того, что конец наступил и что мы собираемся отступать.

Сегодня они стояли на палящем солнце на каменистой насыпи около пещеры, внимательно наблюдая за нашими разрушительными действиями. Они немного отошли, когда Кегель сунул спичку в гору бумаги — телеграммы и рапорты, переписка с инспектором истребительной авиации, со штабом корпуса, со штабом воздушного флота и т. д., — которая скопилась около пещеры. Большие языки пламени выстреливали в ясный утренний воздух, время от времени унося с собой какой-то важный документ, чьи обугленные остатки приземлялись высоко на склоне скалы, а затем планировали в долину подобно детскому бумажному самолетику.

Рабочие ждали в абсолютной тишине, их глаза были прикованы к бараку. Они оставили свои водяные кувшины, обернутые влажными тряпками, в тени утеса, рядом с корзинами, содержащими сыр и помидоры. «Они конечно же не собираются поджигать барак? — казалось, говорили их лица. — Мы сможем использовать каждый клочок этого провода».

— Что будем делать с бараком? — спросил Кегель.

— Ничего, — сказал я. — Оставьте его рабочим.

Бахманн вернулся с виллы, тормоза завизжали, когда он остановился перед командным пунктом. С собой он привез мой комплект путешественника — потертые кожаные чемоданы и спальный мешок.

Он сказал мне, что Толстяк категорически отказался грузить на борт грузовика и везти назад все сокровища, которые накопил.

— Я обнаружил его в саду, окруженного пустыми бутылками из-под вина и бренди, которыми он заполнял вырытую траншею. Он делал тайник, сказав, что «никто не знает, вернемся ли мы снова».

Девушка Тереза с непроницаемым лицом сидела перед гротом, наблюдая за лихорадочными сборами и движением. Двери и ставни соседних зданий оставались закрытыми, словно их владельцы намеренно игнорировали наш отъезд — или, вернее сказать, наше отступление.

Стояла тишина. С желтого неба беспощадно светило солнце. Не было ни дуновения ветра, чтобы расшевелить липкий, душный воздух. Время от времени мы могли слышать техников, выкрикивающих друг другу распоряжения внизу на аэродроме. Внезапно я увидел сцену, которая разыгрывалась вдоль дальней стороны его периметра.

Словно по команде, между рядами оливковых деревьев один за другим быстро поднялись большие языки пламени. Над ними клубами поднялся грязно-серый дым, но не рассеялся, а остался висеть подобно огромным воздушным шарам. Затем я услышал крики и вопли. Работа по разрушению началась. Перед бараком остановились несколько грузовиков; их откидные борта с лязгом упали, и на грубый гравий спрыгнули солдаты. Громко подгоняя друг друга, они стали таскать мотки проводов и блоки радиоаппаратуры.

Через час или позже меня разбудил штабной писарь.

— Командир зенитчиков хочет поговорить с вами, господин майор.

Перед бараком стоял гауптман в тропической форме. Когда я вышел к нему, он неприветливо отдал мне честь. На шее он носил большой бинокль, а на его бедре, на обвисшем ремне, висел пистолет в сверкающей черной кожаной кобуре.

— Что за ерунда происходит там, господин майор? — спросил он. — Вы отдали приказ относительно всего этого бессмысленного разрушения и поджогов?

— Да, я отдал такой приказ.

— Но конечно, вы не можете отвечать за то, что ваши парни делают там?

— Я лучший судья для этого! — парировал я холодно.

Он, очевидно, с трудом владел собой.

— Послушайте, господин майор, мои парни находятся на огневых позициях своих пушек. В течение нескольких прошлых дней мы понесли тяжелые потери, а что касается сна, то едва помним, что это такое. Теперь они видят, как ваши люди собирают в груду ценное оборудование и обливают его бензином. Они видят разбитые на части двигатели и воронки, полные разрушенных запчастей и инструментов, не говоря уже о палатках и продовольствии. Это выше нашего понимания. Мы должны остаться здесь и сражаться, в то время как вы отступаете.

— Отступаем, вы говорите? Вы предлагаете удерживать Западную Сицилию одной вашей батареей?

Неожиданно настроение гауптмана изменилось.

— Я не предлагаю, — сказал он уравновешенно, — но, если мне прикажут, что я должен делать?

Видя его безупречное поведение, несмотря на крайнее раздражение, я вспомнил, что на всем протяжении периода непрерывных бомбежек 88-миллиметровые зенитные пушки, размещенные вокруг аэродрома, выполняли свою задачу великолепно. Под палящими лучами солнца и даже ночью артиллеристы должны были вручную таскать их тяжелые снаряды, и они не могли, как мы, найти убежище в траншеях, когда падали бомбы и их ревущий ковер двигался к нам, уничтожая все на своем пути.

— Я прекрасно понимаю, что вы должны быть раздражены и расстроены, — сказал я примирительно. — Я не приказывал уничтожать продовольствие и прослежу, чтобы это было немедленно прекращено. Если бы не было ваших людей, то они уничтожили бы нас за пару дней. Но что нам остается, кроме того, как уничтожить все то, что мы не можем взять с собой? Я полагаю, что вы вряд ли хотите, чтобы мы оставили вам несколько авиадвигателей и укомплектованную мастерскую?

Все еще глядя с негодованием, он покачал головой:

— Будет адски трудно сохранить дисциплину. Все это сжигание и уничтожение закончится паникой и общим массовым бегством.

— Вы не должны волноваться, — сказал я горько. — Массовое бегство — это хорошо. Западная часть Сицилии будет эвакуирована, о чем, без сомнения, скоро вам сообщат.

— Но почему все эти ценные материалы должны быть уничтожены?

— Я скажу вам почему. Потому что я хочу переправить на материк каждого человека. Потому что в грузовиках нет никакого места для инструментов, двигателей и прочего. Мы сможем получить большое количество двигателей, если сумеем пересечь Мессинский пролив, но мы не сможем получить новых механиков, укладчиков парашютов и радиооператоров!

Он снова покачал головой, сердито посмотрел на меня и ответил:

— Я не понимаю… Вы оставляете нас здесь одних — хорошо, хорошо, вам приказали это сделать. Но перед исполнением этого вы демонстрируете беспрецедентный вандализм. Затем вы подниметесь в ваши быстрые самолеты и через час будете в безопасности в каком-нибудь мирном тылу.

Он давал выход всему своему скрытому гневу не летчика, веря в то, что «воздушная кавалерия» наслаждается невероятными привилегиями; что это люди, которые просто улетают, оставляя его делать грязную работу на земле.

Так повелось с тех пор, когда летчики-истребители Первой мировой войны были фактически набраны из привилегированных кавалерийских полков. Во Франции они жили в замках и пили шампанское, когда другие довольствовались водой. В 1940 г. мы радостно следовали за ними. Мы тоже жили в замках, пили шампанское и, нарушая все правила ношения военной формы, давали свободу своим индивидуальным вкусам, обувая мягкие сапоги на меху и надевая изумительные кожаные куртки, захваченные у врага, чтобы отличаться от ходящих по земле военных.

Рейхсмаршал, сам любивший роскошные и разнообразные костюмы, заметил эту нашу слабость. В бессилии что-либо сделать, он безжалостно оскорбил тех, за чье отчаянное положение был ответственен: он высокомерно назвал летчиков-

истребителей во Франции «эскадрильями шелковых пижам».

Возможно, наша аффектация в этом отношении зашла слишком далеко — пышные усы, скажем, или вещи, подобные нашим желтым шарфам, сандалиям и белым гольфам Фрейтага, или, вероятно, трофейной светло-коричневой портупее с 6,35-мм револьвером. Может быть, не летчики видели нас в совершенно ином свете. Наше почти безграничное поле битвы находилось на высоте 9000 метров, в ледяном воздухе, невидимое обычному глазу. Они видели нас только в то время, когда мы, одетые в свою неформенную одежду, отдыхали на земле между вылетами. Но им никогда не приходила в голову мысль, что наш следующий вылет мог завершиться гибелью любого ветерана, испытанного сотни раз.

Гауптман отдал честь, сел в автомобиль и уехал. Он выглядел ожесточенным и сердитым.

Внизу на взлетно-посадочную полосу против ветра выруливали первые «сто девятые», чтобы вылететь на материк. Я должен был лично проконтролировать работы по уничтожению и удостовериться, что ничего не упущено.

Дорога, ведущая в город, была совершенно пустой. За въездом на аэродром бомбежки сделали ее полностью непригодной. Я выехал к колее, ведущей вокруг почти круглого аэродрома, пробираясь через сады и внутренние дворы разрушенных ферм. Ангары, административные здания и вышка управления полетами лежали в руинах, перед ними обугленные скелеты сгоревших самолетов, перепутанная масса бесполезного металла.

Я свернул с колеи на юг и по засыпанному песком проезду проехал через несколько оливковых рощ перед тем, как достигнуть большой открытой площадки, где когда-то стояли мастерские.

Уже издалека я мог слышать голоса людей, которые перекликались возле жадного огня, символа бессмысленного разрушения. Облако черного дыма поднималось высоко над деревьями, где затем раздувалось подобно кроне сосны.

Я остановился около бреши в живой изгороди из кактусов, вышел из автомобиля и едва ступил на мягкий песок, как был

остановлен картиной, внезапно представшей перед моими глазами. Там, где когда-то стояла палатка мастерской, теперь горел внушительных размеров костер. Люди из моей эскадры проворно кружились вокруг него, подкармливая пламя содержимым грузовиков, которое выгружалось и перетаскивалось с края поля. Новая порция топлива, которую они швырнули в огонь, описала высокую дугу и, приземлившись, подняла сноп искр на большой площади, тем временем огонь взревел, словно жадное животное.

В этом танце вокруг пламени было что-то от оргии. Солдаты хватали предмет, который могли удержать в руках, и с воплями швыряли в огонь. Ящики, стулья, палатки, раскладушки, телефоны, инструменты — фактически все, что служило для того, чтобы содержать штаб эскадры и группы в пригодном для действий состоянии и поддерживать их во время боев. В одном углу поля они собирали огромную кучу двигателей и металлических деталей.

— Сюда, помощники, немного выше. Когда здесь закончите, мы выльем бензин на эту партию! — вопил унтер-офицер, который подступал к двигателям с кузнечным молотом, словно сумасшедший. Они работали в огромном темпе, поскольку знали, что, лишь когда закончат, смогут уехать в Мессину и таким образом избежать плена. Но если «Лайтнинги» и «киттихауки» обнаружат конвой, то для многих из этих людей эта поездка наверняка станет последней.

— Внимание! Боеприпасы!

Один из людей раскрутил вокруг себя деревянный ящик и со всей своей энергией послал в огонь.

— Вы сошли с ума! — закричал я.

Но мой голос утонул в шуме. Внезапно во всех направлениях, словно фейерверк, засвистели и зажужжали пули. Оглядевшись вокруг, я увидел, что все вокруг лежат плашмя на животах или укрылись позади земляных валов.

Я велел офицеру следить за тем, чтобы все было сделано надлежащим образом. Чем же все это, спросил я себя самого, действительно отличается от того, что было тремя месяцами прежде в Тунисе? И возможно ли фактически было провести

подобное бессмысленное разрушение дисциплинированным и организованным способом?

Треск огня и в-р-р-п и ф-ф-т взрывающихся боеприпасов, казалось, наполняли солдат необычным ликованием.

Было ясно, что недалеко, позади следующей живой изгороди из кактусов, шла другая разрушительная работа, поскольку я мог видеть еще одно растущее облако дыма. Как только боеприпасы перестали взрываться, через узкий промежуток проехал следующий грузовик, загруженный оборудованием и принадлежностями всех видов. Ящики и коробки, молотки, шкивы, батареи, лопаты, стальные каски, шины и тросы торопливо сгружали с грузовика и перетаскивали по земле к костру либо бросали их, и они летели по высокой дуге прямо в огонь. Все происходило в спешке и суматохе. Нельзя было терять времени!

Затем я увидел зрителей, скрывавшихся за изгородью из агавы, — жителей близлежащих ферм. Время от времени какая-нибудь фигура выползала из кактусовых зарослей, стремительно бросалась вперед на метр или два и, схватив канат, брезент или коробку, мчалась назад в укрытие со своей добычей.

Я мог слышать хриплый голос гауптмана Кегеля, который криком отдавал распоряжения. Заметив мое присутствие, он сказал:

— Почти закончили, господин майор. Еще два грузовика. Но жители таскают вещи, словно галки.

Его руки были по локоть покрыты сажей, а тропическая рубашка пропитана потом. Действительно, жар вблизи огня стоял невыносимый.

— Я могу начинать отправлять в Милаццо грузовики, которые больше не нужны?

— Конечно. Начинайте немедленно. Они будут в большей безопасности, если поедут поодиночке.

Вернувшись на командный пункт, я нашел Бахманна, Кёлера и Тарнова сидящими в шезлонгах под тентом. Багаж, который они собирались взять с собой, стоял наготове рядом с ними. На

коленях Бахманна была расстелена карта Сицилии и Южной Италии.

На ступеньках барака сидел Толстяк в полном походном снаряжении. Увидев меня, он сразу же стал разворачивать свертки с хлебом, сыром и ветчиной и укладывать содержимое на оловянные тарелки, стоящие на табурете. Поблизости стоял с открытыми дверьми большой радиофургон, ожидавший приказа на отъезд. Толстяк держал его в поле зрения, так как должен был уехать вместе со связистами, как только их услуги стали больше не нужны.

— Лучше отправляйтесь, — сказал я, поворачиваясь к Бахманну и Кёлеру. — Взлетайте сейчас же и летите на нашу тыловую базу в Фодже. В течение двух-трех дней мы узнаем, откуда будем действовать.

Бахманн что-то невнятно пробормотал. Это могло быть: «Я хотел бы лететь с вами, господин майор» или «Почему вы не летите с нами?».

Но они оба встали, надели рюкзаки и, уже обремененные ими, попытались равнодушно отсалютовать перед тем, как побрести к своему «кюбельвагену».

Тяжелые полуденные часы текли медленно. Внизу на аэродроме не прекращались пожары. Время от времени взлетали самолеты, поодиночке или парами.

Начиная с раннего утра «мародеры» больше не появлялись, как будто знали, что наш конец уже близок и что мы больше не представляем заслуживающую внимания цель. «Сто девятые» улетели, и транспорт начал движение к Милаццо. Теперь я отдал распоряжение относительно отъезда радиофургона, после чего Толстяк проворно вскочил на подножку автомобиля и исчез в двери.

«Кюбель» с двумя дремлющими механиками внутри стоял наготове, чтобы доставить меня на аэродром, как только я решу, что пора стартовать. Моя миссия здесь была окончена. Внезапно бремя ответственности покинуло меня. В соответствии с полученным разрешением я разрушил эскадру, разбил ее до неузнаваемости. Все было против нас, стыд и гнев переполняли меня, полностью изгоняя все ощущения освобождения.

Как я ненавидел все это! «Летающие крепости» и их почти что высокомерное презрение к нашим неэффективным атакам, Верховное командование с его пренебрежением и оскорблениями, жару сицилийского лета и беспрестанное солнце…

Если я хотел достигнуть материка до заката, пора было направляться на аэродром. Тени становились длиннее, и в послеполуденном солнечном свете, как и каждый день на Сицилии, краски начинали пылать.

Мой «Ме» стоял непосредственно у взлетно-посадочной полосы. Маленькие кожаные чемоданы и спальный мешок были уложены в крошечный багажный отсек позади бронеспинки. Теперь меня ничто здесь не удерживало. Другие пилоты, как недавно в Тунисе, перевозили в фюзеляжах своих механиков. Они называли себя «несчастными слугами «Люфтганзы»[116]. На моем «Ме-109» это пространство было заполнено журналами боевых действий и отчетами офицеров. Бахманн едва успел вырвать патронный ящик, в котором лежали эти документы, у человека, собиравшегося отправить его в огонь.

Однако, казалось, что-то удерживало меня, словно миссия, которая была поручена нам — и которую мы «провалили», — все еще была не завершена.

Тишину нарушали хлопки боеприпасов, взрывавшихся в пожарах на аэродроме. Позади ближайшей живой изгороди, между оливковыми деревьями, в небо бдительно смотрели стволы 88-миллиметровых зенитных пушек, словно здесь оставалось что-то еще, нуждавшееся в защите. Телефоны были демонтированы или уничтожены. Фельдфебель Хенрих и его отделение радиоперехвата давно покинули свое сказочное место в башне древнего замка и теперь были на пути в Милаццо.

Рабочие заполучили бывший командный пункт. Посмотрев в направлении Эриче, я увидел, что барак находился в процессе разборки. Сначала исчезла крыша, затем боковые стены, потом торцевые.

Механики в «кюбельвагене» искоса смотрели на меня, словно спрашивая себя: «Когда же, черт возьми, он собирается взлетать?» Я пошел к «Ме» и медленно, одно за другим, начал приготовления. Спасательный жилет. Пропустить между ногами

ремень и застегнуть его. Ремень с сигнальными ракетами на икры ног. Сложить карту, чтобы было видно маршрут. (Не то чтобы карта была действительно необходима для перелета в Калабрию. В этом случае навигация была до абсурда проста.)

Механики молча поднялись на крыло «Ме» и открыли фонарь кабины. Когда лямки парашюта защелкнулись в замке на моей груди, скулящий звук инерционного стартера начал расти, становиться громче. Все происходило согласно плану. Последний взлет с Сицилии не должен был иметь никаких отличий от любого другого.

Двигатель работал ровно. В соответствии с системой, которую вы не найдете нигде в руководствах, мои глаза путешествовали по приборной доске, одновременно я с равными интервалами смотрел влево и вправо и осматривал воздушное пространство позади и выше себя. Пилот, летящий один, должен быть вдвойне осторожен. Снова появились привычные запахи — масло, охлаждающая жидкость, смазка и бензин — специфический аромат «мессершмитта», который исходил из горячего двигателя, от горячего масла в маслопроводах и гликоля в системе охлаждения. Каждый самолет имеет свой запах.

Рабочие около пещеры на горе Эриче посмотрели вверх, когда я на своем «Ме» выполнял вираж, пролетая вокруг скалы. На несколько секунд я увидел нашу виллу, а затем передо мной было только море. Я сделал длинный крюк на север, чтобы обогнуть Палермский залив. Над городом висел туман, из которого поднималась, отражая вечерний свет, гора Пелагрино.

Солнце было прямо позади меня. На высоте 4000 метров я плавно передвинул назад рычаг сектора газа и выровнял поверхность капота двигателя по темному краю горизонта.

Когда горы круто обрывались в море, я мог видеть между законцовкой правой плоскости и вращающимся винтом бледную ленточку прибрежного шоссе. Высоко в небе парила покрытая снегом вершина Этны, легко видимая через треугольное боковое стекло рядом с толстым синеватым бронестеклом перед прицелом.

По этому прибрежному шоссе между Палермо и Мессиной двигалась моя эскадра, вернее сказать, человеческий компонент моей эскадры. Крошечные партии людей были посланы

отдельными маленькими конвоями с приказом собраться вместе там, где они смогут. Как они пересекут пролив, все еще не было ясно. Как предполагалось, это могло быть сделано на курсировавших там паромах «Зибель» и на понтонах, но союзники совершали убийственные налеты на Мессинский пролив. Соответственно в том районе была высокая концентрация тяжелой зенитной артиллерии. В моих наушниках было мало или вообще не было слышно шума, который обычно сопровождает воздушный бой. Сейчас, непосредственно перед закатом, все было тихо. Лишь шуршание и треск, затем в течение нескольких секунд громкий рев включаемых и выключаемых передатчиков, за которым последовала полная тишина.

Когда я прилетел в Трапани весной — в начале апреля, — склоны были ярко-зеленые и вершины гор окутывали дождевые облака. Я тогда направлялся в Африку и, как сегодня, летел один. Началась конечная стадия войны в Тунисе, и союзники наступали на север через линию Марет[117].

А сегодня я летел на материк, последним из своей эскадры, и эвакуация с острова началась. Склоны гор были голыми и опаленными летним солнцем, а всего прошло три месяца с того первого полета. Степень, до которой ужалась «крепость Европа», была пугающей.

Ниже, справа от меня, лежал город Чефалу. Я решил лететь севернее, над Липарскими островами, чтобы обойти Мессинский пролив. Даже если к этому времени дня истребители и «Летающие крепости» были уже на пути домой, я мог бы привлечь внимание собственной зенитной артиллерии, и я не имел никакого желания делать этого. Верхние части гор были глубокого синего цвета, и над ними, подобно факелу, пылала вершина Этны. Я держал курс на южную оконечность Калабрии, между проливом и Стромболи[118], над которым висело черное облако.

Мессинский пролив, блестящая полоска воды, окаймленная синими холмами, отражал вечерний солнечный свет. Силуэт моего крыла, медленно перемещавшийся над сверкавшей водой, на мгновение образовал связь между островом и материком. Именно тогда я увидел неисчислимые небольшие темные пятна, усеявшие небо над проливом в форме великолепного правильного купола. Тяжелая зенитная артиллерия энергично ставила заградительную завесу против «Летающих крепостей».

Круглое травяное пространство аэродрома Вибо-Валентия было видно издалека, оно было единственным ровным местом среди оливковых рощ и сильно заросших склонов горного хребта, который спускался вниз, прямо в «носок» Италии, в Реджо. Я подвел свой «Ме» на минимальной скорости к посадочному сигнальному полотнищу, которое указывало, где кончался аэродром и начинался склон. Непосредственно перед тем, как я сел, по обеим сторонам законцовок моих крыльев замелькали верхушки высоких тополей.

Хотя аэродром часто бомбили, он был поврежден незначительно, по сравнению с нашими посадочными площадками на Сицилии. Тем не менее, ангары, расположенные с восточной стороны дороги на Реджо, лежали в руинах. Взрывами бомб были вырваны ворота и в клочья разнесены крыши. Хотя многие воронки были засыпаны и выровнены, мой самолет подпрыгнул при посадке, и перед тем, как он остановился, я должен был энергично поработать педалями рулей, чтобы не дать ему скапотировать.

Спустя всего несколько минут около меня остановился автомобиль оберста Лютцова. Как офицер, ответственный здесь за управление истребителями, он должен был проинструктировать меня относительно будущих действий моей эскадры.

Мы сидели на траве около моего самолета, и Лютцов вкратце описал ситуацию на Сицилии. Было легко понять, что конец близок. Решение о полной эвакуации с острова теперь было принято, и, несмотря на огромные усилия, предпринимаемые союзниками, отход, казалось, происходил организованно.

Наносились непрерывные бомбардировочные удары в попытке остановить паромное сообщение между островом и материком, но зенитная артиллерия ставила массивные заградительные завесы, вынуждая бомбардировщики выполнять противозенитные маневры и сбивая их прицел.

Фельдмаршал[119] отдал приказ, согласно которому я должен был собрать эскадру на материке и готовиться к противовоздушной обороне Калабрии и Апулии. При этом, однако, мы должны были избегать больших аэродромов, которые были известны врагу. Возможными альтернативами были участки пахотной земли около Кротоне, побережье Калабрии около

Катандзаро или относительно безлесная равнина Базиликаты[120]. Выбор передовых взлетно-посадочных площадок был предоставлен мне.

Хорошо, подумал я. Новые приказы, новые обязанности, новые надежды! Но сегодня я был один, без эскадры и без ответственности. Я мог подумать о самом себе. Однако я не хотел оставаться там, где находился. Лютцов согласился:

— Прекрасно, отправляйтесь в Апулию, но поспешите, чтобы успеть найти, где приземлиться до наступления сумерек…

* * *

Еще до того, как я начал выполнять широкий круг над городом и портом Таранто, я увидел скользивший внизу под моим крылом и казавшийся бесконечным белый пляж Базиликаты. Белый прибой фосфоресцировал в синем сумраке. Аэродром в Мандурии[121] был длинной и узкой полоской земли между виноградниками и оливковыми рощами.

В расположенных поблизости домах уже горели огни, когда я приземлился на пружинящий дерн.

Ожидая автомобиль, я стоял с немецким гауптманом перед палаткой, которая объединяла функции пункта управления полетами и административного здания.

— Здесь достаточно тихо, — заметил он. — Иногда мы видим пролетающие четырехмоторные бомбардировщики, но они еще ничего не сбросили на нас. Ночь назад британцы атаковали Гельзенкирхен. Город все еще в огне, и там большие потери среди гражданского населения. Мои родные живут в Гельзенкирхене.

И так как я ничего не ответил, он продолжил:

— Несколько минут назад мы слушали радиопередачу из дома и узнали, что вчера вечером они совершили налет на Данциг[122]. Только подумайте, господин майор! На Данциг!

Темнота опустилась быстро. Я вдыхал аромат сосен и эвкалиптовых деревьев, которые росли позади палатки, и с удовольствием слушал шумный хор сверчков. Небо было темно-фиолетовое, и деревья выделялись на его фоне словно бумажные

профили.

Хотя слова «Гельзенкирхен» и «Данциг» все еще звенели в моих ушах, я все равно не мог ничего поделать с внезапно овладевшим мною ощущением счастья. Я решил отправиться в город, чтобы провести ночь в чистом, тихом гостиничном номере. В Лечче меня должен был доставить «Topolino»[123] («Жаль, но это все, что мы имеем»). Я все еще был предоставлен сам себе. Никто не будет меня искать, чтобы спросить, какие будут приказы и распоряжения на сегодня? Хотя я был измотан, я хотел поесть и выпить бутылку в ресторане, смотря на других посетителей, живущих здесь беззаботной жизнью, словно это было мирное время.

«Topolino» прибыл, подпрыгивая в траве, и остановился около меня.

— Я хотел бы, чтобы за мной приехали в восемь утра. Я вылечу в Фоджу. Пожалуйста, проследите за тем, чтобы мою машину заправили.

— Хорошо, господин майор. Спокойной ночи. На дороге к городу было оживленное движение.

Плодородные виноградники, через которые она проходила, продолжались до самых городских окраин. В пригороде люди сидели около своих домов, наслаждаясь вечерней прохладой. Солдаты и их девушки отпрыгивали на обочины дороги, когда слышали наш приближавшийся автомобиль.

Отель «Grande Italia» находился на Пьяцца Сант-д'Оронцо. Архитектурно он гармонировал с остальной частью города и был одним из тех больших каменных palazzi[124], называемых «Grande Hotel», «Otel Roma» или «Albergo Napoli», которые можно было найти в любом приличном городе. Швейцар внес мой скромный багаж на первый этаж, где мне дали комнату с окном и балконом, выходящими на piazza[125]. Занавески были задернуты из-за светомаскировки. Поместив свои чемоданы и спальный мешок на тумбочку около кровати, я выключил свет и, отодвинув занавески, выглянул из окна. Площадь купалась в сумерках летней ночи. Большие, в стиле барокко, фасады зданий вокруг, казалось, пылали, словно впитав в себя в течение дня солнечный свет. Они были цвета розового зефира.

Я лег на кровать лицом к окну, чтобы было видно звездное небо. Усталость давила на меня. Если бы я закрыл глаза на несколько секунд, то быстро бы заснул. Но я хотел использовать вечер максимально. Я хотел действительно почувствовать, что я жив, что я буду жив на следующий день и что я имею право на жизнь. Я хотел сидеть за накрытым столом с винными бокалами, салфетками и столовыми приборами. И я хотел вкусно есть, насыпать ложкой сыр на pasta[126], я хотел чувствовать в своей руке темную бутылку красного вина с ее яркой цветной этикеткой и эмблемой, отпечатанной на стекле. Я хотел делать это медленно и неторопливо, с удовольствием. И вокруг меня должны были быть люди. В моем представлении это были оживленные жители Апулии, которые своеобразным способом хотели игнорировать обстоятельства войны и тот факт, что немногим более чем в сотне километров от них проигранное сражение приближалось к своему концу. Я представлял их спорящими с воодушевлением и выдвигавшими свои теории, сообщая таким образом о том, что, на их взгляд, пришло время закончить все это дело.

К сожалению, мой внешний вид был далек от совершенного. В последний момент Толстяк успел выстирать мою рубашку, но мои брюки были запятнаны и помяты. Но вряд ли кто-нибудь обратил бы на это внимание. Я встал и, спустившись по широкой лестнице, вошел в небольшой ресторан. Столы снаружи под аркадами были достаточно освещены, чтобы посетители могли есть за ними. В Лечче никто чрезмерно не заботился о светомаскировке.

Столы, покрытые красными и белыми скатертями, окружали цветущие олеандры. Аркады заполняли главным образом солдаты, но там также были несколько местных жителей, чья оживленная беседа, перемежавшаяся веселыми восклицаниями и женским смехом, заполняла небольшую площадь приятными звуками их мелодичного языка.

Я заказал past'asciutta[127], восхитительную копченую ветчину и дыню, сопровождаемые крепким красным salice[128]. Хлеб был снежно-белым, с хрустящей корочкой.

Внутри ресторана по всей длине одной из стен находился бар. Сама стена состояла из больших стекол, оборудованных полками, на которых стояло множество бутылок с яркими наклейками. Ко мне за стол подсели итальянский капитан-

парашютист и его подруга. Он выставлял напоказ небольшие густые усы и, даже сев за стол, остался в красном берете, который носил небрежно надвинутым на одну бровь. Капитан постоянно жестикулировал, когда говорил, стараясь таким образом подчеркнуть свои слова, и никак не мог остановиться.

Где приземлились другие? Возможно, на аэродроме в Бари, на который прибывали почти все самолеты, направляемые из рейха для пополнения нашей эскадры. Или, может быть, в Фодже, где у нас имелся маленький лагерь для сосредоточения персонала и оборудования. Кроме того, они могли приземлиться в Бриндизи, Джоя-дель-Колле[129] или Таранто.

Бахманн, я знал, остановится в какой-нибудь роскошной гостинице в Фодже и будет есть в одном из многочисленных ресторанов, которые, как и в мирное время, имеют кулинарные деликатесы на любой вкус. Фоджа все еще оставалась в глубоком тылу — но надолго ли? Рейнерт, наверное, был в Бари, чтобы продолжить уроки языка со своей подругой. Я задавался вопросом, смогут ли они на самом деле встретиться. Шоферы такси там имели обыкновение, подмигивая, спрашивать: «Settanta-cinque?»[130], если их пассажиром был немец. Семьдесят пять — это был номер дома, где жили девушки легкого поведения. Я был твердо уверен в том, что сегодня там устроят бурные вечеринки.

Если британские ночные бомбардировщики теперь долетали до Данцига, то и американцы не успокоятся, пока не пошлют туда днем свои огромные армады. Рейхсмаршал снова разъярится и возложит вину на истребителей. Несчастные уцелевшие будут бродить среди дымящихся гор щебня в поисках своих детей и родственников. Затем, с больным сердцем и истощенные, они устало вернутся к бесконечной рутине своих фабрик и контор.

Бои на равнине западнее Катании, должно быть, к настоящему времени достигли Джербини. Сегодня вечером должен был быть выброшен парашютный десант, чтобы задержать наступление союзников и позволить как можно большему числу людей пересечь Мессинский пролив.

В Фодже мы тоже не нашли бы покоя. Тяжелые бомбардировщики начнут атаки на материк, как только падет

Сицилия.

Ничего не осталось от того странного влечения, которое почти навязчиво тянуло нас к воздушному бою, сначала над Ла-Маншем, а затем в России. Рыцарское поведение, ассоциировавшееся с воздушной дуэлью, готовность снова и снова принимать вызов уступили место ощущению уязвимости, и удовольствие, которое мы когда-то получали от боя, как от спортивного поединка с равным соперником, ушло в далекое прошлое.

В человеке, не имеющем фактически никаких шансов на выживание, растет разочарование и ожесточение, и он не склонен сорить словами. Но наш сарказм принял формы, непонятные тем, кто не был так уязвим. Выделяя себя как нечто большее, чем «орудие разрушения» (и обманываясь в этом!), истребители стали гордыми, почти высокомерными, в чем могли сравняться только с другими летчиками, да разве еще с десантниками или подводниками.

Они теперь редко вспоминали о «конечной победе» и о последующих за ней днях. Им также был противен пафос газетных статей о фронте. Помпезность журналистской пропаганды вызывала уничтожающие комментарии. Они больше вообще ни во что не верили. Неужели это начинающееся пораженчество, спрашивал я себя.

Внезапно мы услышали наверху шум двигателей бомбардировщика. Мгновенно разговоры вокруг столов прекратились, но, как только шум стих вдали, небольшая площадь снова заполнилась звуками голосов. Красное вино было крепким, и, слегка захмелев, я поднялся и вышел из ресторана, чтобы пойти наверх, в свою комнату. Из зеркала на меня смотрело незнакомое лицо, желтое и вытянутое.

Когда я выключил свет, темнота показалась такой плотной, что я почувствовал своего рода страх. Но льняные простыни были очаровательно прохладны и приятно пахли мылом. Постепенно меня охватило ощущение абсолютной безопасности.

Ранним утром я должен был вылететь в Бари, чтобы выяснить, в достаточном ли количестве туда прибыли новые машины с заводов. В Фодже Бахманн должен был провести необходимую подготовку для наших поисков аэродрома. Нам

крайне необходим был новый «физелер-шторьх». Мне самому не нравились огромные желтые пшеничные поля около Кротоне, так как они находились в районе распространения малярии. Кроме того, там стояла невыносимая жара, и пыль, поднимавшаяся при взлете, выдавала бы наше местоположение.

В лесистом, горном районе Сила, к востоку от Козенцы, который находился на высоте более 1000 метров, на пастбищах, как предполагалось, имелись большие отрезки необработанной земли, которые мы могли бы превратить в передовые взлетно-посадочные площадки. Лес обеспечил бы хорошую маскировку для наших «Ме».

Я надеялся, что среди самолетов в Бари будет достаточное количество «канонерских лодок» — модификация, которая в дополнение к 20-мм пушке, стреляющей через втулку винта, имела еще две, установленные в контейнерах под плоскостями.

Было удачей, что эскадра еще имела в Фодже несколько автомобилей. Мы могли отправиться на склады и получить палатки, инструменты и грузоподъемные механизмы, новые двигатели — тысячу и одну вещь, чтобы заменить то, что было уничтожено лишь сегодня утром.

И снова нам не дадут никакого времени, чтобы прийти в себя. Разве что пару дней в Фодже, чтобы выспаться и выкупаться в бухте Манфредонии.

Мы должны были практиковаться в атаках на «Крепости». Приближаясь на встречном курсе, мы должны были держаться друг к другу плотно, крылом к крылу, пока силуэт бомбардировщика не окажется точно в прицеле…

Двадцать пять лет спустя[131]

Прошло более двадцати пяти лет с момента высадки союзников на Сицилии. Болезненные раны, причиненные, в те дни, когда бомбы, подобно дождю, падали вниз на сражающихся солдат и гражданское население, теперь излечены. Для союзников высадка означала принудительное открывание двери (в Европу), но для нас, немцев, это был не более чем этап, — и, возможно, решающий, — на пути к поражению, на дороге, на которой другими промежуточными этапами были Сталинград и Тунис.

Почему я почувствовал желание подробно описать этот короткий эпизод войны, которая продолжалась пять с половиной лет? Это был эпизод, занявший лишь 12 страниц журнала боевых действий моей эскадры, эпизод, который был в тени больших сражений и поражений войны.

События тех дней оставили глубокий отпечаток в моей памяти, несмотря на то что война не предоставляла никакого времени для воспоминаний или для размышлений о прошлом. По сравнению с тем, что последовало затем, действия на Сицилии кажутся незначительными. Моя эскадра вместе с армией отступала вверх по Апеннинскому полуострову, в течение нескольких дней перелетела во Францию, чтобы «отразить вторжение», была направлена в Румынию, чтобы сдержать русское наступление, и затем переместилась в рейх, где ее последней задачей стала защита Берлина. Эта одиссея должна была закончиться русским пленом.

Эскадра сохранила свою идентичность, но командиры групп, эскадрилий и пилоты были либо убиты в бою, либо заменены, подобно Штрадену, Кёлеру, Гёдерту, Бахманну и многим другим. Никогда в мои намерения не входило написание военных мемуаров, и при этом я не испытывал когда-либо желания внести оригинальный вклад в документы и историю войны. В годы после мая 1945 г., сначала занимаясь росписью глиняной посуды, а затем в качестве младшего рекламного сотрудника, я вел далекое от героического и во многом нудное существование обычного служащего. Вместо полетов на стремительном истребителе я теперь крутил ручку счетной машины или диктовал деловые письма. Но воспоминания, которые постоянно всплывали во мне, были не о больших воздушных сражениях и победных наступлениях. Скорее мои мысли останавливались на днях, проведенных нами на Сицилии. Возможно, это было из-за исключительного характера событий, которые имели место там и которые произвели на меня такое впечатление, — исключительных, потому что перед нами стояла задача, которая не могла быть выполнена. Именно тогда я понял, что наступил поворотный момент и что мы на пути к окончательному поражению.

Ясно вижу у себя перед глазами молодых людей, за которых я был ответственен. Я вижу их, когда они первый раз «на фронте» докладывали мне, уверенные в себе и в психологическом отношении подготовленные к сражениям (о которых они имели

туманное представление), лозунгами типа «окончательная победа» или «немецкий солдат не уступит ни пяди земли».

Они скоро теряли поверхностный взгляд, приобретенный посредством идеологической обработки в гитлерюгенде. Жаргон Третьего рейха исчезал из их словаря, и благодаря инстинкту самосохранения они становились ближе друг к другу, чем когда-либо.

Как только новички узнавали, каково лежать в щели во время воздушного налета и действовать против «Летающих крепостей», они быстро приспосабливались к несерьезной манере «стариков», которые видели все в свете уничтожающей иронии (при этом они неотъемлемо становились зрелыми и вдумчивыми людьми, которые теперь жили только от одного дня до следующего). Я могу вспомнить немного случаев, когда в те дни наша общинная жизнь была нарушена чьим-то невыносимым поведением или недостаточной адаптируемостью.

* * *

Люфтваффе вступило в войну не полностью готовым, и, когда эту войну пришлось вести против больших сил на нескольких фронтах, Верховное командование и его методы оказались очень далеки от адекватного соответствия задаче, стоявшей перед ними.

Первое наставление по ведению воздушной войны (LDvl6) было написано под руководством первого начальника Генерального штаба. Оно главным образом касалось ударов с воздуха, а противовоздушной обороне отводилась второстепенная роль.

Так, в 1939 г. военная концепция, которой руководствовалось люфтваффе, не принимала во внимание возможности и недостатки наших собственных сил. Воздушная война в качестве «самостоятельного» фактора — разрушение жизненных центров врага, точно названное союзниками «стратегической воздушной войной», — никогда не рассматривалась Генеральным штабом люфтваффе. Вместо этого воздушное наступление должно было вестись посредством бомбардировщиков среднего радиуса действия, чьи размеры и состав позволяли в лучшем случае нанести лишь временные повреждения вражескому потенциалу, но не уничтожить его.

«Ural-Bomber» — такое имя было дано проекту большого бомбардировщика, который, однако, никогда не достиг стадии производства. Экономические ресурсы Третьего рейха, без сомнения, никогда не позволили бы создать военно-воздушные силы, достаточные для организации противовоздушной обороны и ведения стратегической воздушной войны посредством больших бомбардировщиков.

В начале войны обороной рейха откровенно пренебрегали. Предполагалось — сверхоптимистическое намерение! — что активную противовоздушную оборону должна вести исключительно зенитная артиллерия. Не было абсолютно никакой организации управления оборонительными действиями, так как воздушные налеты на рейх не предполагались.

Когда британцы начали свои ночные рейды, за которыми вскоре последовали американские дневные налеты, было уже слишком поздно, чтобы наверстать упущенное.

Принимая во внимание, что Геринг, как и Рихтхофен, сами были боевыми летчиками и, следовательно, должны были знать, что действия авиации становятся самостоятельным фактором в войне, в то же время много генералов и старших офицеров люфтваффе были выходцами из армии или с военно-морского флота, и очень немногие из них преуспели в понимании законов, управлявших войной в воздухе. В лучшем случае они прошли подготовку в качестве пилота или летчика-наблюдателя, но, когда «выросли» вместе с новым родом войск, их представления о воздушной войне происходили из более узких концепций наземной войны.

Кроме того, в ходе войны разрыв между Верховным командованием и сражавшимися частями истребительной авиации все более и более увеличивался. Неспособность первого, несмотря на практически революционный прогресс в области авиации, сконцентрироваться на развитии и производстве в отчаянной для обороны ситуации, когда на нас нападали со всех сторон, не оставалась незамеченной для боевых частей.

Младшим офицерам ошибки и неправильные решения Верховного командования стали уже очевидны к моменту завершения Битвы за Англию. То сражение нанесло истребительной авиации, которой тогда было лишь пять лет от

роду, материальные и людские потери, которые, собственно говоря, так и не удалось полностью возместить. Расширение воздушной войны и начало бомбардировочного наступления союзников на рейх исключили любую возможность получения численного превосходства либо ведение наступательной войны в воздухе или эффективной противовоздушной обороны. Ответная реакция все более и более приобретала формы не тщательного расчета и организации, а импровизации и лихорадочных действий с недостаточными средствами. Большой технологический прогресс в области реактивной и ракетной техники уже не мог изменить общий ход событий.

Верховное командование начало компенсировать свои ошибки и просчеты средствами «психологической войны». Требования к храбрости и выносливости сражающихся частей были усилены до такой степени, что превращались в жестокость. Самопожертвование немецких солдат, как ожидалось, должно было преуспеть там, где техника обманула надежды.

В тот самый момент, когда реалистичная оценка военных перспектив отчетливо показала бы неизбежность поражения, расчетливость и предусмотрительность были выброшены на ветер в угоду этим неизвестным патетическим величинам, жертвенности и героизму, которые сыграли столь гибельную роль в немецкой военной истории.

С тех пор прошло четверть века политического развития. За это время мы, немцы, достигли положения в мире, которое едва ли мог кто-то предсказать в 1945 г. Это можно сказать без всякой шовинистической гордости.

Германия все еще разделена. Ее западная часть хотя и имеет некоторые ограничения в своих действиях, однако является суверенным и свободным государством с достойной обороной. В экономическом отношении Федеративная Республика — мощное государство; в военном отношении она ценный и уважаемый союзник. Мы обладаем современными военно-воздушными силами, чьи боевые подразделения полностью находятся в распоряжении НАТО.

Это означает, что мы обязаны заботиться об авиации и авиационных вооружениях, самостоятельно планировать и развивать или производить технологичное оружие и материалы, в которых мы нуждаемся и которые мы можем позволить себе.

Сегодня к каждому боевому подразделению применяется принцип: хорошие солдаты, превосходная мораль и героизм в бою никогда не смогут восполнить недостаток совершенной техники. Оказаться не в состоянии обеспечить авиацию адекватной, современной техникой и продолжать существовать в таком положении — сейчас столь же безответственно, как это было и во время Второй мировой войны. Все страны обязаны не допускать такой ситуации, и это действительно является постоянной озабоченностью военно-воздушных сил Германии.

Если сегодня кто-нибудь спросит бывшего командира эскадры, какие принципы, учитывая его шестилетний опыт войны и двадцати пяти лет мира, он примет как незыблемые и обязательные аксиомы для своей нынешней службы, его ответ принял бы форму пяти тезисов, из которых первые два не требуют никаких комментариев:

1. На настоящей стадии развития цивилизации к войне можно относиться только с отвращением. Применение силы не дает никакого решения проблем в отношениях между нациями. Однако, пока есть угроза насилия, оборонные меры останутся необходимыми.

2. В сфере оборонных мер повсюду развитие идет в направлении создания крупных межнациональных объединений. Для стран, подобных Федеративной Республике Германии, если они не хотят бесконечно оставаться в опасности, как нейтральные страны, единственно возможный курс — это интеграция с западными союзниками, курс, который также помогает уменьшить опасность исключительно националистических действий.

3. Военная техника, особенно авиационная, представляет собой передовую технологию. Только страны с достаточным техническим и промышленным потенциалом могут развивать и производить современные и высококачественные системы вооружения и, произведя, содержать их на должном уровне обслуживания и обеспечения. Международные кооперация и разделение труда делают это бремя для страны более легким.

Величина сдерживающего фактора современных вооруженных сил полностью определяется степенью, в которой они участвуют в техническом прогрессе. Они быстро устаревают и имеют малое политическое влияние, если постоянно не развиваются.

Следовательно, они требуют значительных капиталовложений, которые не только затрагивают большую долю государственного бюджета, но и связываются на длительный период.

Опыт показал, что теоретические потребности военной безопасности, которые исходят исключительно из угрозы нападения, часто превышают пределы возможного. Но то, что возможно, с одной стороны, определяется финансовыми ресурсами государства (а также его человеческими ресурсами), а с другой стороны, экономической и технической способностью производить современные оборонительные вооружения или, если они были произведены за границей, овладеть и управлять ими в соответствии с современными методами управления.

Сейчас везде, где заботятся о государственном бюджете, есть определенные количественные пределы средств, которые могут быть выделены на оборону. Если сущность задач политических лидеров состоит в «координации целей государства», то искусство законодательных органов (в чью задачу входит распределение бюджета) в том, чтобы сбалансировать задачи обороны с другими политическими целями таким образом, чтобы, с одной стороны, удовлетворить требованиям безопасности, а с другой стороны, поддержать стабильность национальной экономики. Одинаково решающий фактор — это эффективность оборонных технологий.

Независимое и эффективное производство вооружений требует соответствующего научно-исследовательского потенциала, необходимого количества ученых и инженеров, — другими словами, всего того, что американцы называют «умением». Но даже там, где нет никакого собственного производства, освоение импортированных систем требует значительных затрат и большого опыта в сфере «системного управления». Это необходимо принимать во внимание при оценке выполнимости военных потребностей. Здесь снова реалистическая оценка возможностей страны приведет к решению, что может быть выполнена только какая-то часть теоретических потребностей. И также здесь любой ответственный солдат должен сразу признать, что потребности безопасности должны быть так привязаны к возможностям всего целого, чтобы не повредить этому целому. Под «целым» мы в этом случае подразумеваем все научные исследования и технологии, которые цивилизация дает для благосостояния людей, живущих в этом государстве.

Как стало очевидно на примере космических держав, содержание военно-воздушных сил на современном уровне имеет некоторое отношение и к этой сфере деятельности цивилизации или, по крайней мере, в значительной степени отражается на ней. То же самое истинно и для государства с ресурсами, недостаточными для самостоятельного исследования космоса.

Военно-воздушные силы государства и его авиация — это только два из критериев, в соответствии с которыми может быть измерен его технический уровень. И сегодня технологические позиции государства определяют:

его авторитет в отношениях с другими нациями;

эффективность его собственной обороны;

эффективность его экономики;

благосостояние и благополучие его граждан в пределах существующей государственной системы;

определяет то, что мы коротко называем «будущим».

4. Оборонные технологии требуют материалов и, прежде всего, интеллектуальных усилий. Недостаточно обладать системами вооружений. Нация должна быть способна к поддержанию их на самом высоком уровне готовности, применяя технические методы управления; она должна иметь возможности для их развития и обновления. Это, в свою очередь, требует новых идей и лидирующего положения в области оборонных технологий. Военно-воздушные силы — это большое технологичное предприятие, в котором тактика и техника идут рука об руку.

Тактическое применение боевых средств все более определяется велениями технологических процессов. Это неизбежно ограничивает возможности отдельных военных решений. Становится все труднее и труднее принимать правильные решения в вопросах планирования и вооружений, потому что значение опыта отступает, когда прогнозы становятся все более точными. Традиционные военные методы анализа ситуации быстро уступают место точным прогнозам, которые, в свою очередь, требуют все более и более точных вычислений, основанных на обширных объемах данных. Это обязательно

влечет за собой определенную степень централизации в планировании и руководстве.

Эти проявления в гражданской и военной областях иногда расцениваются неодобрительно, потому что влекут за собой определенную зависимость. Снова кажется, что в вооруженных силах вторая индустриальная революция вообще не была понята. И вышеупомянутая техническая зависимость стала источником особой тревоги. Есть тенденция рассматривать ее как форму зависимости от факторов, которые еще едва изучены. Но это из-за непонимания того, что полная оценка технических факторов смогла бы в большой степени устранить элемент зависимости. Только тогда, когда командир осознает научные и технические факторы, он становится, в истинном смысле этого слова, хозяином своего оружия, а не его слугой. Он получает свободу решений, потому что может видеть альтернативы там, где другие видят только зависимость.

Главный вопрос в том, насколько управление военно-воздушных сил заинтересовано в следующем: наше техническое планирование должно простираться далеко в будущее. Это планирование требует соответствующего прогноза как в отношении потенциального врага, так и в отношении собственных технических возможностей. Это возможно только совместно с союзниками, авиационной промышленностью и наукой. Мы нуждаемся в системе управления, способной отвечать неизбежным требованиям техники. «Системное управление» — это не пустые слова; наша практика должна согласоваться с его принципами.

Мы нуждаемся в командных технологиях. Техника призывает к технологическому лидерству. Электронные командные системы обеспечивают обработку данных на командных пунктах. Мы должны научиться обращаться с ними должным образом.

Это становится источником новых методов командования. В сложных обстоятельствах точный прогноз может быть сделан только при помощи исследования операций.

В то же самое время изменяется характер командования. Оно становится в меньшей степени авторитарным и все больше приобретает характер сотрудничества. Однако военный приказ все еще должен сохранять свое могущество. Единственные ограничения, которые могут быть применены к нему, указаны в

Законе о солдате[132]. Солдат — это одна из наиболее убедительных особенностей существующего конституционного государства, в самом деле, его обязанности и права теперь установлены законом. Иногда забывают о том, что никогда прежде в истории германских вооруженных сил подобного не было.

5. В то время как вооруженные силы требуют некоторой части рабочего потенциала государства, они также берут на себя обязанность обеспечить молодого гражданина знаниями, которые он сможет с выгодой для себя использовать после возвращения к гражданским занятиям. Военно-воздушные силы в этом отношении предоставляют исключительные возможности. Это должно стать частью открытого индустриального общества, которое составляет человеческий образ жизни в этой, последней части XX столетия.

Технические системы и люди, которые управляют ими, — вот два главных компонента, которые обеспечивают эффективность и боеспособность военно-воздушных сил. Оставляя в стороне большие проблемы войны 1939–1945 гг., изучение причин поражения германской армии и военно-воздушных сил показывает, что решающие ошибки тогдашнего Верховного командования были в его неумелом руководстве как техникой, так и людьми. Цель настоящей книги в том, чтобы продемонстрировать это с точки зрения сражающегося солдата.

Кроме нескольких определенных проблем, которые регулярно возникают снова, развитие и управление техническими системами в форме систем вооружений и оборудования показали достаточный прогресс. В этой сфере мы должны понять уроки, уже пройденные другими военно-воздушными силами в процессе их непрерывного развития.

Проблема, которая все еще остается, состоит в том, как интегрировать человека в общий организм военно-воздушных сил. Структура нашего офицерского и унтер-офицерского корпуса не согласуется с требованиями современной техники.

Сотрудничество между высшими техническими слоями и военным Верховным командованием все еще недостаточное. Боевая эффективность военно-воздушных сил зависит от правильного соотношения между затратами на обучение и на полезное использование офицеров в течение периода их службы.

Наша концепция офицера больше не соответствует быстрому техническому прогрессу, который является специфической чертой военно-воздушных сил. И при этом она не соответствует социальной структуре открытого индустриального общества, основанного на разделении труда и на работе отдельных личностей. Следовательно, она также не будет соответствовать человеку, который используется в технической сфере военно-воздушных сил и который является частью и производным этого общества. Действительно, можно не сомневаться в том, что традиционный образ офицера придет в соответствие с обществом в муках второй индустриальной революции и уже в процессе становления общества, основанного на третичных отраслях промышленности. Изменения, частично революционные, частично эволюционные, вызываются в обществе автоматизацией, кибернетикой и электронно-вычислительными машинами; другими словами, человеческий интеллект дополняется, заменяется или укрепляется техническими устройствами.

Офицер или унтер-офицер нового типа должен быть тем, кто после ограниченного периода практического обучения и действительной службы в военно-воздушных силах возвращается в сообщество, из которого он прибыл. Из наших исследований следует, что другие страны в значительной степени преуспели в интеграции своих вооруженных сил в гражданский сектор общества, а именно в гражданские образовательные структуры и в структуры занятости.

С самого начала основатели и создатели бундесвера[133] считали само собой разумеющимся требование реальной (не только «социальной») интеграции. Намерение состоит в том, чтобы бундесвер, в отличие от рейхсвера (часто описываемого как «государство в государстве»), должен быть полностью интегрирован как армия из призывников и добровольцев в общество и государство.

Этот аспект тесно связан с внутренним контролем за технически оснащенными боевыми силами. Такой контроль включает, наравне с другими вещами, современное обращение с людьми — здесь «современное» может означать только «соразмерное с нашим техническим возрастом».

Когда командование технически оснащенных боевых сил выдвигает свои требования в соответствии с логическими

выводами, вытекающими из развития техники, их иногда упрекают в чрезмерном упоре на рационально-технические аспекты в ущерб человеку со всеми его потребностями, эмоциями и слабостями. Эта точка зрения как поверхностна, так и фальшива. В действительности истина противоположна: покуда есть армии, а они будут на нашей существующей стадии цивилизации, нравится нам это или нет, должны быть технически оснащенные армии. Сейчас солдаты в таких армиях не могут существовать, если не получают постоянного удовлетворения от своей профессии. Такого удовлетворения можно достичь, если:

они обеспечены хорошими техническими средствами обороны;

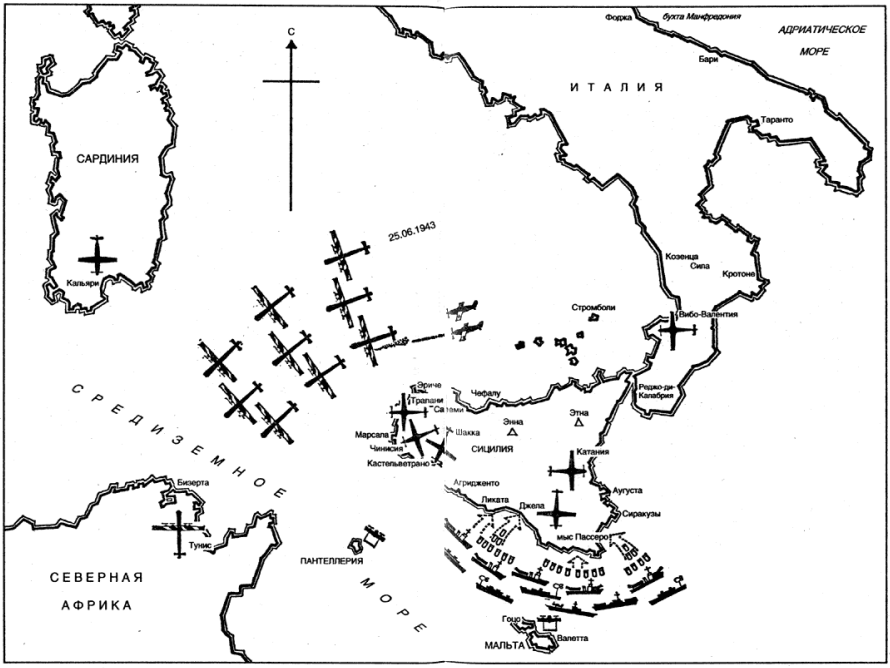
их обучение, использование, оплата и статус соразмерны с техническим уровнем этих средств обороны.

Страна и ее образ жизни, в случае необходимости, будут защищены не машинами, а думающими и чувствующими людьми, которые должны быть как готовы, так и обучены такой обороне.

Такого не было в эпизоде, описанном в данной книге.

Ко времени, когда эти события имели место, лидеры рейха отказались от всяких норм ответственности за происходящее, даже в том, что касалось их собственных солдат.

На каждом из нас лежит ответственность за то, чтобы гарантировать, что ничего подобного больше не случится когда-либо.


С
Фоджа
бухта Манфредония
АДРИАТИЧЕСКОЕ
МОРЕ
Бари
ИТАЛИЯ
Таранто
САРДИНИЯ
Кальяри
25.06.1943
Козенца
Сила
Кротоне
Стромболи
Вибо-Валентия
Эриче
Трапани
Сальми
Чефалу
Реджо-ди-
Калабрия
Этна
Марсала
Шакка
Энна
Чинизи
Кастельветрано
СИЦИЛИЯ
Катания
СРЕДИЗЕМНОЕ
Агридженто
Бизерта
Ликата
Джела
Августа
Сиракузы
мыс Пассеро
Тунис
ПАНТЕЛЛЕРИЯ
СЕВЕРНАЯ
АФРИКА
МОРЕ
Гоцо
МАЛЬТА
Валетта

notes

Примечания

1

1.04.1943 г. майор Штейнхоф был назначен командиром 77-й истребительной эскадры вместо погибшего за неделю до этого майора Иоахима Мюнхенберга (Joachim Munchenberg). (Здесь и далее примеч. пер.)

2

С 12.01.1940 г. по 11.06.1943 г. он возглавлял 2-й воздушный флот люфтваффе. Затем 26.06.1943 г. Кессельринг был назначен главнокомандующим вооруженными силами Германии в юго-западной части Европы, а 10.03.1945 г. — главнокомандующим Западным фронтом.

3

Имеются в виду двухмоторные американские бомбардировщики «B-25» «Mitchell» и «B-26» «Marauder».

4

Зигфрид Фрейтаг командовал 2-й группой 77-й истребительной эскадры с 13.03.1943 г. по 03.04.1945 г.

5

Простейшее противовоздушное укрытие в виде узкой и глубокой траншеи, которая иногда имела деревянный настил, присыпанный землей.

В воде эта краска легко растворялась, создавая хорошо заметное с воздуха пятно, позволявшее быстро найти на поверхности моря сбитого летчика.

7

Сигнальный пистолет «Вери» входил в экипировку каждого пилота люфтваффе.

8

Штейнхоф неточен в указании побед Фрейтага. К 12.06.1943 г. фактически на его счету были 94 победы, из них 57 он одержал в 1941–1942 гг. на Восточном фронте и 37 — в 1942–1943 гг. над островом Мальта и Тунисом. Затем в период с 04.07 по 09.07.1943 г. в боях над Сицилией гауптман Фрейтаг сбил еще четыре самолета. Свою же 99-ю победу он одержал только 29.05.1944 г., сбив над Италией бомбардировщик «Б-24». Всего к концу войны на счету майора Фрейтага было 102 победы.

9

Имеются в виду 88-миллиметровые зенитные орудия «Flak 36/37».

10

Речь идет о генерал-майоре Адольфе Галланде, который занимал должность инспектора истребительной авиации люфтваффе с 28.11.1941 г. по 22.01.1945 г. В его обязанности входила инспекция истребительных частей, поддержание прямой связи между ними и высшим командованием люфтваффе, оценка боевого опыта и разработка тактических рекомендаций, планирование и контроль обучения новых пилотов, оценка новых типов истребителей и вооружений и т. д. 15.06.1943 г. рейхсмаршал Геринг, недовольный действиями истребительного командования «Сицилия», отстранил от должности его главу генерал-майора Теодора Остеркампа и назначил вместо него Галланда, который при этом сохранил и свою должность инспектора.

11

Обер-лейтенант Арним Кёлер летом 1943 г. выполнял обязанности командира 1-й группы 77-й истребительной эскадры.

12

К концу Второй мировой войны на счету гауптмана Гельмута Гёдерта было 25 воздушных побед

13

Штейнхоф начал свою военную карьеру в немецком военно-морском флоте (кригсмарине), но затем в 1936 г. в звании лейтенанта перевелся в люфтваффе.

14

Речь идет о бипланах «Heinkel-51B» и «Arado-68E», которые в 1935–1938 гг. стояли на вооружении истребительной авиации люфтваффе.

15

Стаккато — музыкальный термин, обозначающий короткое, отрывистое исполнение каждого звука голосом или на инструменте.

16

С 01.03.1942 г. гауптман Штейнхоф командовал 2-й группой 52-й истребительной эскадры

17

Британские двухмоторные тяжелые бомбардировщики «виккерс-веллингтон» (Vikkers «Wellington»).

18

Имеются в виду самолеты «По-2», использовавшиеся в качестве легких ночных бомбардировщиков.

19

Имеется в виду командующий 2-м воздушным флотом люфтваффе генерал-фельдмаршал Кессельринг.

20

Остатки немецкой армейской группы «Африка» сдались 12.05.1943 г., а на следующий день сложили оружие и остатки 1-й итальянской армии. Всего в плен к союзникам в Тунисе попало около 250 тысяч немецких и итальянских солдат и офицеров.

21

Вероятно, имеется в виду оберст Ральф фон Реттберг (Ralf von Rettberg), который ранее командовал 2-й эскадрой тяжелых истребителей, чей штаб в 1942 г. находился на Сицилии.

22

Концепция самолета-разрушителя была разработана в штабе люфтваффе еще в 1934 г. Она предусматривала использование управляемых экипажем из двух человек двухмоторных самолетов, которые по размерам и массе приближались к бомбардировщикам, но вместо бомб имели мощное стрелковое вооружение. За счет их использования предполагалось сократить оборонительное вооружение бомбардировщиков и тем самым увеличить их бомбовую нагрузку. Таким самолетом-разрушителем в люфтваффе стал «Мессершмитт-110».

23

Апулия — провинция на юго-востоке Италии.

24

Имеются в виду американские стратегические четырехмоторные бомбардировщики «Б-17» «Летающая крепость» («B-17» «Flying Fortress») и «Б-24» «Освободитель» («B-24» «Liberator»).

25

Речь идет о лейтенанте Эрнсте Вильгельме Рейнерте из 2-й группы 77-й истребительной эскадры. К этому времени на его счету было уже 153 победы, в том числе в январе — мае 1943 г. в боях над Тунисом он одержал 51 победу, став самым результативным среди действовавших там пилотов люфтваффе. Всего к концу Второй мировой войны на счету гауптмана Рейнерта было 174 победы.

26

Намек на Мессинский пролив, отделяющий Южную Италию от Сицилии, поскольку считается, что Сцилла и Харибда — два чудовища из древнегреческой мифологии — жили на его скалах и губили всех проплывавших мимо мореходов.

27

Упоминается сюжет древнегреческой поэмы «Одиссея», повествующей о скитаниях царя Итаки Одиссея по Средиземному морю.

28

Имеется в виду инспектор истребительной авиации люфтваффе генерал-майор Адольф Галланд.

29

Курт Уббен, который с 5.09.1941 г. по 10.03.1944 г. командовал 3-й группой 77-й истребительной эскадры. Он имел прозвище Kuddel, которое можно перевести как Путаник, так как оно, вероятно, было образовано от старонемецкого разговорного выражения Kuddel-Muddel — путаница.

30

Гауптман Отто Мейер, временно исполнявший обязанности командира 2-й группы 27-й истребительной эскадры.

31

2-я группа 53-й истребительной эскадры люфтваффе. Эскадра имела наименование «Туз пик» («Pik As»), и ее эмблемой был белый ромб с черным тузом пик.

32

Имеется в виду пилот самолета, находящегося ближе других к точке, относительно которой происходит разворот группы.

33

Понтер Лютцов, имевший прозвище Францл, находился в подчинении у генерал-майора Галланда и занимал должность инспектора дневной истребительной авиации люфтваффе. В июне 1943 г. Лютцов вместе с Галландом прибыл на Сицилию и в следующем месяце был поставлен во главе всех истребительных частей люфтваффе в Италии.

34

Немецкий военный автомобиль-вездеход «Kubelwagen», которого из-за формы корпуса чаще называли «ковшом».

35

Здесь и далее имеется в виду инспектор истребительной авиации люфтваффе генерал-майор Галланд.

36

Речь идет о неуправляемых ракетах «WGr.21» калибра 210 мм.

37

Имеется в виду упоминаемый выше командный пункт 77-й эскадры на горе Эриче.

38

При переговорах немецкие пилоты использовали условный код, чтобы затруднить работу службы радиоперехвата противника. Кодовые слова в различных эскадрах могли несколько отличаться. В данном случае «мебельные фургоны» означает «тяжелые бомбардировщики», а «А» и «К» — обозначения квадратов на карте секторов, использовавшейся в истребительной авиации люфтваффе.

39

«Ангелы» — условный код для радиопереговоров, обозначавший высоту полета в тысячах метров.

40

Радиолокационная станция FuMGSO «Freya». Дальность ее действия зависела от высоты полета цели и месторасположения самой РЛС. Самолет, летевший на высоте 50 м, она могла засечь на дальности 20 км, а на высоте 8000 м — на дальности 120 км.

41

Кордит — бездымный порох, использовавшийся в патронах и снарядах.

42

Легкий одномоторный Fieseler Fi-156 «Storch», использовавшийся в качестве связного и спасательного самолета.

43

Речь идет о командире 77-й истребительной эскадры люфтваффе майоре Иоахиме Мюнхенберге, который погиб 23.03.1943 г. в Тунисе в бою со «Спитфайрами» из 52-й истребительной авиагруппы ВВС США.

44

Гитлерюгенд — молодежная нацистская военизированная организация, созданная 1.12.1936 г. специальным распоряжением Гитлера. В нее вошли все ранее существовавшие в Германии молодежные клубы и союзы. Принадлежность к гитлерюгенду была обязательной. Организация проводила спортивные соревнования, турпоходы, молодежные слеты, международные встречи с членами аналогичных организаций из Италии и других стран. Любой немецкий юноша мог найти в гитлерюгенде что-то интересное для себя: авиамоделирование, спорт, занятия музыкой, журналистикой, народными промыслами и т. п. Но при этом, конечно, основной упор делался на идеологическое и физическое воспитание. Еще 6.09.1935 г., выступая на партийном съезде в Нюрнберге, Гитлер говорил: «Нам не нужны интеллектуальные упражнения. Знание разрушительно для моей молодежи. По нашему мнению, молодой немец будущего должен быть стройным и ловким, резвым как борзая, гибким как кожа и твердым как крупповская сталь».

45

Марсала — виноградное вино, производимое в окрестностях города Марсала, на Сицилии.

Имеется в виду рейхсмаршал Геринг.

47

Такое прозвище дали в боевых частях офицерам Генерального штаба люфтваффе.

48

Речь идет об Эрнсте Удете, который в ходе Первой мировой войны сбил 62 самолета и стал вторым по результативности летчиком-истребителем кайзеровской Германии. После войны он работал автомехаником и некоторое время пилотом на пассажирской авиалинии Вена — Мюнхен. Затем, в 1925 г., Удет уехал в Аргентину, где стал пилотом чартерных линий, и летал в Африку. Позднее он переехал в США, где зарабатывал на жизнь, выступая в различных авиашоу, и даже снялся в нескольких голливудских фильмах, выполняя воздушные трюки. В июне 1935 г. Удет по приглашению Геринга вступил в люфтваффе и затем 4.02.1938 г. в звании генерал-майора занял должность начальника технического управления. На первоначальном этапе создания люфтваффе он, бесспорно, играл положительную роль, так, благодаря его стараниям были сформированы первые группы пикирующих бомбардировщиков и самолетов-штурмовиков. Однако в остальном деятельность Удета, отвечавшего за разработку и производство новых самолетов, не отличалась успехами, так как он не имел соответствующего образования и технической подготовки. Позднее Геринг сказал про него: «Именно он полностью развалил нашу программу развития люфтваффе». Это не могло не сказаться на Удете. Он неделями не появлялся на службе, предаваясь пьянству и принимая наркотики. В моральном и физическом отношении он опускался все ниже и в конце концов 15.11.1941 г. в состоянии глубокой депрессии покончил жизнь самоубийством.

49

Британский двухмоторный средний бомбардировщик «бристоль-бленхейм» (Bristol «Blenheim»).

50

Имеется в виду трехмоторный «Ju-52», использовавшийся до войны в качестве пассажирского самолета.

51

В сентябре 1939 г. Геринг имел еще звание генерал-фельдмаршала. Персональное почетное звание рейхсмаршала было присвоено ему в июле 1940 г. после успешного завершения кампании в Западной Европе.

52

Манфред фон Рихтхофен в сентябре 1916 г. — апреле 1918 г. в боях над Францией и Бельгией одержал 80 воздушных побед. Погиб 21.04.1918 г., когда его триплан «Fokker Dr.I» врезался в землю по другую сторону фронта. Точные обстоятельства гибели фон Рихтхофена так и остались неизвестными. По одним данным, он был сбит в воздушном бою истребителем «сопвич-кэмел» (Sopwith «Camel») капитана Артура Брауна из 209-й эскадрильи Королевских ВВС Великобритании, а по другим — пулеметным взводом 11-й зенитной батареи 14-й австралийской бригады полевой артиллерии.

53

North-West African Tactical Air Force — тактическое командование ВВС союзников в Северо-Западной Африке.

54

Туф — легкая пористая известковая порода вулканического происхождения.

55

Имеется в виду Бенито Муссолини. В марте 1919 г. он создал партию «Союз борьбы», после чего его сторонников стали называть фашистами, а партию — фашистской. Своей главной целью Муссолини провозгласил «борьбу за интересы нации». 2.10.1922 г. он со своими сторонниками организовал многотысячный марш на Рим. Король Италии Виктор-Эммануил III и силы, на которые тот опирался, посчитали, что им выгодно иметь во главе страны такую сильную и популярную в народе личность, как Муссолини. В результате парламент большинством голосов передал всю власть в его руки. Муссолини стал диктатором Италии и присвоил себе титул «вождя».

56

Неофициальное название итальянской военной авиации. С 28.03.1923 г. военно-воздушные силы Италии носили официальное название — Королевская авиация (Regia Aeronautica). Специальный закон от 4.05.1925 г. установил, что в нее входят: собственно военно-воздушные силы (Armata Aerea), морская авиация (Aeronautica per la Marina), армейская авиация (Aeronautica per 1'Esercito) и авиация охраны колоний (Aviazione Presidio Coloniale).

57

Имеется в виду операция по доставке на Мальту боеприпасов, горючего, снаряжения и продовольствия, предпринятая британским Адмиралтейством в июле 1942 г. Тогда на остров одновременно из Гибралтара и Александрии вышли два конвоя. Операция по проводке первого из них получила кодовое наименование «Гарпун» («Harpoon»), а операция по проводке второго — «Вигорос» («Vigorous»). В течение 14–15.06.1942 г. немецкие и итальянские пикирующие бомбардировщики и торпедоносцы выполнили серию атак на конвои, и в результате из семнадцати транспортов, вышедших из Гибралтара и Александрии, лишь два достигли Мальты.

58

«Штука» (Stuka) — сокращение от слова Sturzkampfflugzeug (пикирующий бомбардировщик), обозначавшего тип самолета «Ju-87».

59

Ныне город Черняховск Калининградской обл.

60

Адольф Галланд был назначен инспектором истребительной авиации люфтваффе 28.11.1941 г., и в тот же день ему было присвоено звание оберста, звание же генерал-майора он получил только 19.12.1942 г.

61

Командир 3-й эскадрильи 27-й истребительной эскадры гауптман Ханс Иоахим Марселль погиб 30.09.1942 г. Во время боевого вылета в район Эль-Аламейна на его «Bf-109G-2» неожиданно загорелся двигатель. Теряя высоту и задыхаясь в едком дыму, Марселль все же смог дотянуть до расположения немецких войск. На высоте около 200 м он покинул кабину «мессершмитта», но, ударившись о хвостовое оперение падающего самолета, получил смертельную травму головы. На счету Марселля были 158 побед, и он стал самым результативным пилотом люфтваффе, действовавшим против союзников в Северной Африке.

62

Оберст Вернер Мёльдерс, который с 7.08.1941 г, занимал должность инспектора истребительной авиации, погиб 22.11.1941 г., когда «Не-111», на котором он в качестве пассажира летел из Крыма в Берлин, разбился в районе Бреслау (ныне город Вроцлав, Польша).

63

Штейнхоф допускает неточность. Формально воздушный флот «Рейх», в чью задачу входила ПВО территории Германии, был сформирован 15.02.1944 г., то есть через полгода после описываемых событий. Летом 1943 г. эту задачу выполняло командование люфтваффе «Центр».

Шёнефельд — аэродром в Берлине.

65

Штаакен — аэродром в Берлине.

При вращении пропеллера в обратном направлении происходило засасывание топливной смеси в цилиндры двигателя.

67

Небольшой компактный генератор, вырабатывающий ток высокого напряжения, необходимый для зажигания топливной смеси в двигателях внутреннего сгорания.

68

Древнегреческий город, располагавшийся в провинции Трапани, в 74 км юго-западнее Палермо. Храм Сегесты — один из наиболее хорошо сохранившихся до наших дней памятников древнегреческой архитектуры. Он имеет длину 61 м, ширину 26 м, по его периметру установлены 36 колонн, которые должны были поддерживать крышу. Предполагается, что он строился в 430–420 гг. до н. э., но так и не был закончен.

69

Древнегреческий город, основанный в 650–630 гг. до н. э. на юго-западном побережье Сицилии. В 409 г. до н. э. после девятидневной осады он был захвачен стотысячной карфагенской армией и был полностью разрушен. По оценкам современников, из 25 тысяч его жителей 16 тысяч были убиты, а 7 тысяч взяты в плен. Позднее был переименован в Селинунте.

70

Имеются в виду листья-иглы агавы — многолетнего травянистого растения из семейства лилейных.

71

Городок приблизительно в 30 км восточнее Трапани

72

Траттория — деревенский трактир.

73

Победим! (ит.)

74

«Факел» («Torch») — кодовое название операции по высадке союзных войск в Северной и Западной Африке 08.11.1942 г., «Пойнт-бланк» («Pointblank») — кодовое наименование начавшегося в 1943 г. комбинированного воздушного наступления ВВС союзников на Третий рейх.

75

Питомник — поселок в 20 км западнее Сталинграда, Любань — поселок в Ленинградской области, Морозовская — в годы войны станица, а ныне город Морозовск в Ростовской области, Гигант — городок в Ростовской области.

76

«Национал-социалистический авиационный корпус» (Nationalsozialistischen Fliegerkorps) — военно-спортивная организация, занимавшаяся первоначальной летной подготовкой молодежи, главным образом через планерные клубы.

77

«Добровольческий корпус» (Freikorps) — полувоенная организация, созданная в Германии после поражения в Первой мировой войне. Пополнялась за счет националистически настроенных демобилизованных солдат и офицеров рейхсвера. Ее целью была борьба с «изменниками родины» и возрождение «германского духа».

78

Так назывались резервные части рейхсвера, созданные в начале 20-х гг. XX в. и не предусмотренные условиями Версальского договора. Рекрутировались из многочисленных военизированных организаций, в том числе из «Добровольческого корпуса». В сентябре 1923 г. «черный рейхсвер» насчитывал по четыре полка и отдельных батальона, а также несколько автомобильных, железнодорожных и тому подобных отрядов.

79

В июле — октябре 1942 г. в боях над Мальтой командир 1-й эскадрильи 77-й истребительной эскадры обер-лейтенант Зигфрид Фрейтаг одержал 21 победу, став самым результативным среди воевавших над этим островом летчиков-истребителей люфтваффе. 27.07.1942 г. его «Bf-109» был сбит английским «Спитфайром» и упал в море недалеко от Валетты. К Фрейтагу уже приближались английские катера, но его успел подобрать немецкий спасательный гидросамолет «Do-24».

80

Имеется в виду киноактриса Грета Гарбо (Густафсон), имевшая на экране образ роковой женщины. Немые и звуковые фильмы с ее участием, снятые в Голливуде в 1926–1937 гг., имели феноменальную популярность во всем мире.

81

Система подвески парашютов у пилотов, летавших на «мессершмиттах», была такой, что летчик в кабине сидел на парашютном ранце. В то же время, например, у пилотов «фокке-вульфов» ранец парашюта находился за спиной.

82

Добрый день (ит.).

83

Немец (ит.).

Англичанин (ит.).

Американец (ит.).

86

День «Д» (day D) — принятое в вооруженных силах США обозначение дня начала операции. Соответственно день «Д» минус один означало день накануне операции, день «Д» плюс один — следующий день после начала операции и т. д.

87

Крещендо и диминуэндо — музыкальные термины, которые начали использовать в XVIII в. Первый обозначает постепенное усиление звука, второй, наоборот, его постепенное ослабление.

88

Пилоты, чтобы быстро и точно указать направление, использовали циферблат часов, считая, что 12 часов располагаются прямо по курсу самолета.

89

В книге допущена ошибка, в действительности «Bf-109G-6» гауптмана Зигфрида Фрейтага был сбит над Сицилией 12.07.1943 г. в бою с американскими «P-38». Фрейтаг получил тяжелое ранение, но смог выпрыгнуть на парашюте.

В обязанности офицера по техническому обеспечению эскадры входило осуществлять контроль над подготовкой самолетов к полетам, их ремонт в случае необходимости и т. п. Обычно эту должность занимали кадровые офицеры люфтваффе в звании обер-лейтенанта или гауптмана, не имевшие специального технического образования и участвовавшие в боевых вылетах наравне с другими пилотами эскадры.

91

Вероятно, имеется в виду самолет-корректировщик и разведчик Curtiss O-52 «Owl», имевший такую же аэродинамическую схему, что и немецкий Fieseler Fi-156 «Storch».

92

Американский палубный истребитель Grumman F4F «Wildcat», который в авиации Королевского военно-морского флота Великобритании имел наименование «Martlet».

93

Ручной пулемет «MG-15» (Maschinengewehr-15) калибра 7,62 мм, имевший скорострельность 1000 выстрелов в минуту. С 1932 г. он был основным оборонительным оружием немецких самолетов-разведчиков и бомбардировщиков, но затем в ходе Второй мировой войны был заменен пулеметами «MG-17» калибра 7,62 мм, «MG-81» калибра 7,62 мм и «MG-131» калибра 13 мм.

Имеется в виду, что морских свинок часто использовали в качестве подопытных животных в различных экспериментах.

95

08.05.1943 г. лейтенант Эрнст-Вильгельм Рейнерт вместе с другими пилотами вылетел с полевого аэродрома на мысе Бон на Сицилию, при этом на его «Bf-109G-6» в качестве пассажиров летели обер-лейтенант Зено Бёумель и его механик обер-фельдфебель Вальтер. Над Средиземным морем «мессершмитты» заметили под собой группу вражеских истребителей, по одним данным, это были «киттихауки», а по другим — палубные «мартлеты». Немецкие летчики не смогли устоять перед искушением и атаковали их. Им удалось сбить два самолета, один из которых был на счету Рейнерта.

Имеются в виду бомбардировщики «Веллингтон», выполнявшие ночные беспокоящие налеты.

97

Сирокко — так в Италии, на Сицилии и Сардинии называют горячий сильный ветер, дующий с юго-востока и юго-запада из пустынь Северной Африки. Он продолжается от нескольких часов до нескольких дней и приносит сильную жару и сухой воздух.

98

При помощи кислородного аппарата, установленного в кабине «мессершмитта», можно было регулировать подачу кислорода в маску пилота. Обычно на высоте до 8000 м в нее поступала воздушная смесь, а выше — уже чистый кислород.

99

Имеется в виду официальный мировой рекорд скорости, утвержденный Международной авиационной федерацией (FAI). 26.04.1939 г. летчик-испытатель фирмы «Мессершмитт» Фритц Вендель развил скорость 755,138 км/ч, однако не на серийном «Ме-109», а на специально подготовленном для этого самолете «Ме-209».

100

Буш Вильгельм (1832–1908) — немецкий художник и поэт. Он получил известность в 1848 г., когда в сатирическом журнале «Fliegende Blaetter», издававшемся в Мюнхене, начали публиковаться его карикатуры. Позднее Буш стал добавлять к рисункам сатирические стихи собственного сочинения, придумывая целые истории в картинках. Первая его такая работа под названием «Макс и Мориц» была опубликована в 1865 г. и имела огромный успех в Германии. Буш по праву считается одним из основоположников современного жанра комиксов.

101

Алжирский город недалеко от границы с Тунисом.

102

Город в Тунисе.

103

Командир 10-й эскадры скоростных бомбардировщиков майор Гюнтер Тонне. Погиб 15.07.1943 г., когда во время взлета с аэродрома Вибо-Валентия на его «FW-190A» неожиданно отказал двигатель.

104

Luftwaffendruckvorschrift — наставление по ведению боевых действий люфтваффе.

105

Имеется в виду первый начальник Генерального штаба люфтваффе генерал-лейтенант Вальтер Вефер. Он занял этот пост 01.05.1935 г., но уже 03.06.1936 г. погиб в авиакатастрофе. Вефер был способным организатором и теоретиком, и его гибель не лучшим образом сказалась на дальнейшем развитии люфтваффе. Правильность многих его предложений и разработок подтвердилась в ходе Второй мировой войны, но было уже слишком поздно, на что и намекал майор Тонне.

106

Имеется в виду 21-я отдельная истребительная группа под командованием майора Этторе Фошини. С мая 1942 г. до середины января 1943 г. группа действовала на Восточном фронте. После возвращения в Италию она была перевооружена самолетами «Macchi C.202» и после двухмесячного курса переподготовки в июне 1943 г. прибыла на Сицилию.

107

Имеется в виду Адриано Висконти, который, однако, в то время имел только звание капитано, соответствующее званию гауптмана в люфтваффе. В 1941–1943 гг. он в составе 76-й эскадрильи 7-й группы 54-го истребительного полка участвовал в боях над островом Мальта и Северной Африкой. После тяжелых потерь, понесенных в Тунисе, полк 27.05.1943 г. расформировали и Висконти временно прикомандировали к 21-й отдельной авиагруппе. Командир 1-й истребительной группы авиации Социалистической Республики Италии маджиоре (майор) Висконти 29.04.1945 г. был расстрелян в Милане неизвестными итальянскими партизанами. На его счету было десять сбитых самолетов.

108

Имеется в виду узкий горный проход из Северной Греции в Среднюю, в котором в 480 г. до н. э. произошла битва между войском персов и небольшим отрядом спартанцев под предводительством царя Леонида. Спартанцы отказались пропустить врага и в ходе битвы были перебиты все до одного.

109

Городок приблизительно в 30 км восточнее Марсалы

110

Имеется в виду замок Ломбард, построенный правителем Сицилии Фредериком II фон Хохенштауфеном в начале XIII в. на месте более ранних фортификационных сооружений, возможно арабских или византийских. Первоначально замок имел двадцать башен, но до наших дней сохранилось только шесть.

111

Эйбл («Able») и Бейкер («Baker») — условные названия букв «А» и «В» в фонетическом алфавите, используемые в вооруженных силах Великобритании и США.

112

Аэродром в 32 км северо-западнее тунисского города Сфакс, на котором в феврале — апреле 1943 г. базировались штаб, 1-я и 2-я группы 77-й истребительной эскадры.

113

Бугенвиллея — вечнозеленый вьющийся кустарник с небольшими красными или бордовыми цветками.

114

Звание флайт-лейтенанта (Flight Lieutenant) в Королевских военно-воздушных силах Канады и Великобритании соответствовало званию гауптмана в люфтваффе.

115

Одно из прозвищ, которые солдаты вермахта дали советским реактивным минометам «БМ-13».

116

«Люфтганза» («Lufthansa») — немецкая гражданская авиакомпания, занимающаяся пассажирскими перевозками.

117

Название линии обороны, сооруженной немецкими и итальянскими войсками между тунисским городком Марет, расположенным приблизительно в 45 км юго-восточнее Габеса, и побережьем залива Габес. 26.03.1943 г. она была прорвана в ходе наступления британской 8-й армии.

118

Название острова, входящего в архипелаг Липарских островов, и расположенного на нем вулкана.

119

Имеется в виду командующий 2-м воздушным флотом генерал-фельдмаршал Кессельринг.

120

Провинция в Южной Италии, примыкающая к Калабрии с севера.

121

Городок, расположенный в 32 км восточнее Таранто.

122

Ныне город Гданьск на территории Польши.

123

Итальянский двухместный легковой автомобиль «Fiat 500», из-за своих размеров получивший прозвище «мышонок» («Il Topolino»). Он выпускался с 1936-го по 1955 г. и был одним из самых массовых мини-автомобилей того периода.

124

Дворец (ит.).

125

Площадь (ит.).

126

Паста (ит.), общее название всех итальянских макаронных изделий. Она может быть длинной (спагетти), короткой (букатини), очень тонкой (каппеллини), похожей на домашнюю лапшу (феттучини) и т. д. Ее подают с мясом и грибами, с сыром, с рыбой, с креветками и мидиями, с помидорами и грудинкой, растительным маслом и чесноком.

127

Название пасты. В каждом регионе ее готовят по-своему, есть паста по-неаполитански, по-аббруцски, по-римски, по-генуэзски и др.

128

Виноградное вино, производимое в итальянской провинции Апулия.

129

Городок в 35 км южнее Бари.

130

Семьдесят пять (ит.).

131

Книга была написана Штейнхофом в 1968 г. и впервые опубликована в 1969 г. в ФРГ под названием «Мессинский пролив: Дневник командира эскадры» («Die Strasse von Messina: Tagebuch des Kommodore»).

132

Имеется в виду специальный федеральный закон ФРГ, в котором подробно оговариваются правовой статус военнослужащих, их права и обязанности.

133

Бундесвер — название вооруженных сил ФРГ.